

BULLETIN
STAVROPOL
THEOLOGICAL
SEMINARY

ВЕСТНИК
СТАВРОПОЛЬСКОЙ
ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРИИ

СТАВРОПОЛЬСКАЯ
ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ

ВЕСТНИК СТАВРОПОЛЬСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

№ 1 (4)

2017

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

к 100-летию начала эпохи гонений

на Русскую Православную Церковь.

Материалы VIII Международных Свято-Игнатиевских чтений

и V Ставропольского форума

Всемирного Русского Народного Собора

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл.

Научный редактор:

священник Евгений Шишкин,
секретарь ученого совета
Ставропольской духовной семинарии (СтДС).

Члены редколлегии:

канд. богословия протоиерей Павел Самойленко,
первый проректор СтДС;
канд. филос. наук, доцент, игумен Алексей (Смирнов),
проректор по учебной работе СтДС;
протоиерей Михаил Моздор;
священник Алексей Подколзин;
канд. ист. наук священник Александр Пантюхин
(*ответственный секретарь*);
канд. ист. наук Н.С. Струполева.

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор Т.А. Невская;
д-р ист. наук, профессор М.Е. Колесникова.

ISBN 978-5-6041730-7-7

© Авторы, 2018

© Ставропольская духовная семинария, 2018

STAVROPOL
THEOLOGICAL SEMINARY

BULLETIN

STAVROPOL THEOLOGICAL SEMINARY

№ 1 (4)

2017

SPECIAL ISSUE

To the 100th Anniversary of the beginning of the era
of persecution of the Russian Orthodox Church.
Materials of the VIII International Holy Ignatius Readings and
V Stavropol Forum of the World Russian People's Council

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Metropolitan of Stavropol and Nevinnomyssk Kirill

Managing editor:

Priest Evgeniy Shishkin, Secretary of the Academic Council
of the Stavropol Theological Seminary (StTS)

Members of the board:

Archpriest Pavel Samoilenko, Candidate of Theology,
First prorector Stavropol Theological Seminary;
Hegumenos Alekiy (Smirnov), Candidate of philosophy, Associate
professor, Prorektor for Academic Affairs StTS;
Archpriest Mikhail Mozdor;
Priest Aleksiy Podkolzin;
Priest Aleksandr Pantyukhin, Candidate of history (*Executive secretary*);
Natal'ya S. Strupoleva, Candidate of history

Reviewers:

Tat'yana A. Nevskaya, Doctor of history, Professor;
Marina E. Kolesnikova, Doctor of history, Professor

ISBN 978-5-6041730-7-7

© Authors, 2018

© Stavropol Theological Seminary, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I.

ПРАВОСЛАВНЫЙ КАВКАЗ В XX ВЕКЕ

Гетманская С.Н.

**Русская Православная Церковь на Кубани в период
гитлеровской оккупации (по архивным документам
и полевым материалам Кубанской фольклорно-
этнографической экспедиции 1992–2014 гг.)**12

Кияшко Н.В.

**Обновленческий раскол как компонент советской
антицерковной политики и его эволюция
на Кубани в 1920-е гг.**26

Священник Александр Мазырин

**К вопросу об обновленческом факторе
во взаимоотношениях Русской и Грузинской Церквей
в 1920–1940-е гг.**43

Священник Александр Пантюхин

**Антирелигиозная деятельность органов советской власти в
первой половине 20-х гг. XX в. в свете документов
региональных архивов Северного Кавказа**68

Табунщикова Л. В.

**Таганрогский епископ Иосиф (Чернов):
жизнь в оккупации**82

РАЗДЕЛ II.

**ЦЕРКОВЬ КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦА ДУХОВНЫХ
ЦЕННОСТЕЙ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ОПЫТ СТОЛЕТИЯ (1917–2017)**

Косик О.В.

Храмы Всех Русских святых в XX веке 98

Священник Евгений Шишкин

Священник Александр Пантюхин

Православные ценности в советской повседневности . . 112

Шкаровский М.В.

**Сохранение духовных традиций русской
церковной эмиграцией в 1920 – 1930-е гг. 121**

РАЗДЕЛ III.

ПУБЛИКАЦИИ

Бальжатова Н.А.

**О вкладе православного духовенства и верующих
города Нальчика в победу
в Великой Отечественной войне
(публикация документов УЦГА АС КБР) 138**

CONTENTS

SECTION I.

THE ORTHODOX CAUCASUS IN THE 20TH CENTURY

Sofia N. Getmanskaya

**The Russian Orthodox Church in Kuban region during
the nazi occupation (based on archival documents
and Kuban folklore-ethnographic expeditions
field materials 1992–2014)12**

Nikita V. Kiyashko

**The renovation schism as a component
of Soviet anti-church policy and its evolution
in the Kuban in the 1920s.26**

Priest Alexander Mazyrin

**On the issue of the renovation schism factor
in the relationship between the Russian
and Georgian Churches in the 1920s-1940 s.43**

Priest Alexander Pantyukhin

**The anti-religious activities of the Soviet authorities
in the first half of the XX (Twentieth) century
in the light of the regional archives documents
of the North Caucasus68**

Lyudmila V. Tabunshchikova

**Iosif (Chernov), the bishop of Taganrog:
his life during the occupation82**

SECTION II.

**THE CHURCH AS A GUARDIAN OF SPIRITUAL
VALUES OF THE RUSSIAN CIVILIZATION:
THE EXPERIENCE OF THE CENTURY (1917–2017)**

Olga V. Kosik

The Temples of All Russian saints in the XX century 98

Priest Evgeniy Shishkin

Priest Alexander Pantyukhin

Orthodox values in the Soviet everyday life 112

Mikhail V. Shkarovskii

**The Saving of spiritual traditions of the Russian church
emigration in the 1920s–1930s. 121**

SECTION III.

PUBLICATIONS

Natal'ya A. Balzhatova

**On the contribution of the Orthodox clergy and believers
of the city of Nalchik to the victory
in the Great Patriotic War (publication of documents
from the DCSA AS KBR) 138**

РАЗДЕЛ I.

**ПРАВОСЛАВНЫЙ КАВКАЗ
В XX ВЕКЕ**

Русская Православная Церковь на Кубани в период гитлеровской оккупации (по архивным документам и полевым материалам Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 1992–2014 гг.)

В статье рассматривается религиозная жизнь православных жителей города Краснодара и Краснодарского края в период немецкой оккупации. Основываясь на устных воспоминаниях очевидцев тех событий и архивных материалах, автор показывает, как Великая Отечественная война дала толчок подъему религиозного сознания кубанцев, который выразался в служении молебнов, крестных ходов, хождении по домам с колядками и щедровками в период зимне-святочных праздников, открытии церковных школ и т. д. Возобновление богослужений на приходах требовало новых поставок богослужебных предметов, литературы. Автор рассматривает возможные источники их поступлений и степень организации церковной жизни в данный период. В статье показано восприятие в народном сознании и среде духовенства немцев как представителей другой конфессии, взаимодействие их с православным духовенством. Роль Псковской православной миссии в деле возрождения религиозной жизни на Кубани. Деятельность лишенных архиерейского возглавления патриарших общин и обновленческих приходов во главе с архиепископом Владимиром Ивановым, а также постепенное угасание церковного раскола.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, религиозная жизнь, оккупация, немцы, архиепископ Владимир Иванов, обновленческий раскол.

Несмотря на наличие целого ряда публикаций о религиозной жизни на Кубани в период гитлеровской оккупации¹, оста-

¹ Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000; Фефилин Ф.С. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х – середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края). Дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп,

ется немало открытых вопросов в изучении этой проблемы. Например, роль Русской Православной Церкви Заграницей в деле возрождения Церкви на оккупированной территории, кем и откуда поставлялись антиминсы во вновь открытые храмы, степень организованности и подчиненности церковью в рассматриваемый период. Целью данной статьи является рассмотрение изменений религиозной жизни кубанцев в период гитлеровской оккупации (август 1942 – февраль 1943 г.).

К лету 1942 г. количество православных приходов на территории Краснодарского края в результате их массового закрытия под давлением власти составляло всего лишь семь (из них четыре обновленческих и три тихоновских)¹. В период оккупации, по данным историка М.В. Шкаровского, в Краснодарском крае было открыто 229 храмов².

Возрождению религиозной жизни как на Кубани, так и по всей территории СССР способствовало начало военных действий. Для сплочения народов СССР и военно-политического союза с Великобританией и США И.В. Сталин встал перед необходимостью прекратить антицерковную кампанию, имевшую крайне негативное воздействие на общественное мнение союзных держав. Другим серьезным фактором в ослаблении репрессий было восстановление храмов и богослужений на территориях, находившихся под контролем Германии. Постепенно отвоёвывая их у немцев, вооруженные силы и органы внутренних дел СССР по политическим соображениям не могли сразу возобновлять на занимаемых территориях прежнюю репрессивную практику.

Неудивительно, что на оккупированной немцами территории отмечался бурный всплеск религиозного сознания. В го-

2002; Суворова Н. Молитва за Отечество // Родная Кубань (г. Краснодар). 2005. № 1; Евгений Шишкин, свящ. Легализация православных общин Северного Кавказа и Кубани в условиях гитлеровской оккупации // Православие в истории и культуре Северного Кавказа. Вып. 1. Ставрополь, 2014 и др.

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее-ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

² Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. – М., 2007. С. 384-385.

родах и станицах верующие открывали сохранившиеся храмы или приспособляли под них новые помещения, приносили иконы, церковную утварь, доставали священнические облачения. Когда все было готово, приглашали батюшку, и освящался храм. Первоначально со стороны местного верующего населения и священноначалия в адрес германских войск изъявлялись чувства благодарности: «Под пение хора «Многая лета» иеромонах Серафим благословляет городского голову иконой и подносит огромные букеты цветов от жителей города представителям Германской армии»¹. По воспоминаниям старожил именно отец Серафим сумел отстоять от обновленцев во время оккупации Екатерининский собор². В газете «Кубань» писалось: «Германия освободила нас от безбожников. Теперь у нас энергично восстанавливается Екатерининский (Красный) собор: реставрируется живопись, идет побелка, окраска, остекление, ремонт полов и крыш. Устанавливается большой крест на куполе. Кроме собора восстанавливаются Троицкий и Ильинский храмы»³. Жительница города Краснодара вспоминала, как она с матерью и другими жителями ходили крестным ходом вокруг открывшегося храма и несли иконы, взятые из дома, а потом оставили их в храме, потому что в нем совершенно не было икон, по ее словам, так делали и другие люди⁴.

Вскоре чувства благодарности сменились негодованием и протестом против немцев. По воспоминаниям жительницы станицы Гурийской Белореченского района, немцы оборудовали помещение для богослужений: *«Они так сделали, немцы, ну не дюже метра полтора подняли выше пол, шоб батюшку выше было видно. И вот сами немцы приходили во так, хвужражки и стоять, ни крестился, ни молился... стоял не один, а много. А мама наша: «Я не пиду». А я среднего брата, он тысяча девятьсот двадцать девятого года, и говорю: «Коля, пойдём*

¹ Н.А. Благодарственный молебен // Кубань. 1942. № 1.

² Воспоминания Александра Ильича Суслика. Краснодар в годы Великой Отечественной // Православный голос Кубани, 2005. № 5(174). Л. 9.

³ Гращенков. Возрождение храмов // Кубань. 1942. № 4.

⁴ Полевой дневник автора за 2015 г.

помолимся, шоб папа с фронта вернулся. Мама не верыла, шо они молятся. Она говорила – это лицемерство. Она выросла в церкви, она вот этим немцам никому она не верыла. Но оно и правда <...>. Брат: «Няня, я молюсь, шоб папа пришел». Вот он (батюшка. – С. Г.) читал, читал, а он наш дядько, Гуриевский, а люди все плачуть стоять, каждого ж той брат, той сын. [А что читал?] Читает молитвы... читал, читал., а немцы там один стоит, там другой, там трэтий, так фуражки держат, да большие, мы ж маленькие были, они дядьки большие такие. Тада читал, читал. А наши в горах были уже, за Туапсе горы, а он тогда и говОрять, ото ж кадил этим: «Шоб наши врагы с гор не вернулись!» [Кто говорит, батюшка врагами кого называл?] Наших, советских, отцов наших, братьев, сестров всех... люди: «А-а». Мы ж молимся, шоб отец мой пришел, мы бумагу получили, но мы этой бумаги не верым, мы надеемся, шо наш отец прыдет, нас четверо. А он как сказал, и люди потрошку, потрошку, и все вышли и больше в ту церковь никто не пошел. [А что за батюшка?] Наш Гуриевсий... теткы Верки Савчихи дядько, Киселев его фамилия. [А звали как батюшку?] Иван. [Отец Иван?] Не знаю, его отцом никто не звал, говорили: «Да то ж Ванька Киселев. [Возможно, он и не был священником?] Наверно, и мы его с тех пор больше не видели... он, наверно, еще раньше смотал, потому шо кода наши уже прышли, у нас полиции было много»¹.

Исследуя вопрос о том, где брались священники для вновь открытых храмов, мы видим, что готовились они из числа местного населения, перешедшего на сторону немцев. Согласно директивам из Берлина, немецким оккупационным властям запрещалось обслуживать духовные нужды местного населения, привлекая немецких полковых священников или русских священников-эмигрантов. При восстановлении церковной жизни одной из задач являлась организация курсов для под-

¹ Полевые материалы кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2005 (далее – ПМ КФЭЭ-2005), а/к (аудиокассета) № 3359, ст. Гурийская Белореченского района. Инф. (информатор) Фенина Т.М. (1927 г. р).

готовки священников в течение 1–2 лет. В газете «Кубань» писалось: «Такие курсы нужны как хлеб насущный, ибо без них, за отсутствием контингента священнослужителей, невозможно восстановление религиозной жизни». Данные курсы предполагалось устроить в Краснодаре, так как здесь «имеются все возможности для организации такого учебного заведения...»¹. На обновленческих приходах рукоположение осуществлялось обновленческим архиепископом Владимиром (Ивановым), и немцы не препятствовали этому. Хотя обновленцы считались «агентами НКВД» и подвергались репрессиям, но Кубань и Северный Кавказ, по словам М.В. Шкаровского, были единственным регионом, где их деятельность хоть в каком-то виде допускалась германскими властями в период оккупации².

К служению также приглашались местными жителями священники, рукоположенные в досоветский период. До оккупации они работали сторожами, дворниками, бухгалтерами. И тем, и другим приходилось идти на серьезные уступки немцам, направленные против советского режима. За это после окончания войны, приходилось расплачиваться нередко ценой жизни. В связи с открытием церквей по хуторам и станицам в период оккупации служились благодарственные молебны. Так после ухода немцев все священники и диаконы Георгиевского храма Краснодара за возгласение многолетия новой власти получили по 10 лет тюремного заключения³. За причастие перед смертью и отпевание жены полицая священник этого же храма Кирилл Ильяшов был посажен в тюрьму, где находился до 1956 г., после освобождения умер⁴. О священнике станицы Убеженской, отце Михаиле, говорили: *«Его вызвали при немцах в Краснодар и заставили службу служить. Он отслужил, за это его*

¹ Антонов А.С. Восстановление религиозной жизни // Кубань. 1942. № 16.

² Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000. С. 168.

³ Воспоминания Александра Ильича Суслика. Краснодар в годы Великой Отечественной // Православный голос Кубани. 2005. № 5 (174). С. 9.

⁴ В/к (видеокассета) «Под покровом святого Георгия». Реж. Михаил Шнурников.

посадили...»¹. Со стороны оккупационных властей священники за нарушение установленных правил подвергались угрозам, но случаев убийств священнослужителей на Кубани в известных на данный момент источниках не зафиксировано. Так в феврале 1943 г. отец Кирилл Ильяшов вместе со своей матушкой перед занятием города советскими войсками отпевал и хоронил повешенных немцами людей в вырытых между могилами ямах. «Когда наши вошли, отец Кирилл встречал их с хлебом и солью», – добавляет современник тех событий Дьяченко Эльза Сергеевна².

Говоря о возрождении церковной жизни в период оккупации, нельзя не отметить активную роль в этом вопросе бургомистра города Краснодара Стефана Николаевича Ляшевского. Его жизнь заслуживает отдельного исследования. Будущий протоиерей родился в 1899 г. Спустя годы получил образование геолога. Тесно общаясь с архипастырями, являлся свидетелем разгрома Церкви. В 1936 г. Ляшевский был арестован и до 1939 г. находился в лагере, а после освобождения выехал на Кубань. Здесь во время оккупации его рукоположил в иерея епископ Тагонрогский. В 1943 г. он покинул Россию вместе с отступившими гитлеровскими войсками, после служил в Германии в юрисдикции РПЦЗ³. При бургомистре Краснодара были созданы канцелярия по церковным делам, а также районные управы. Так, управа 4-го района снабдила в большом количестве материалами собор и другие церкви для их ремонта⁴.

По воспоминаниям респондентов, церкви в некоторых станицах работали до оккупации по большим праздникам, и гитлеровцы их не открывали⁵. Более того, имеется немало

¹ ПМ КФЭЭ-1999, а/к № 2001, ст. Убеженская Успенского р-на Краснодарского кр. Инф. Квитова К.И. (1919 г. р.).

² Полевой дневник автора за 2014 г.

³ Кострюков А.А. Протоиерей Стефан Ляшевский как свидетель исповеднического служения Патриарха Сергия (Страгородского) // sedmitza. ru /text/1223142. html.

⁴ Из церковной жизни // Кубань. 1942. № 24.

⁵ ПМ КФЭЭ-2007, а/к № 3841, ст. Балковская Выселковского р-на Краснодарского кр. Инф. Дыдорь (Бурляева) Л.П. (1936 г. р.); ПМ КФЭЭ-1999, а/к № 2001, ст. Убеженская Успенского р-на Краснодарского кр. Инф. Квитова К.И. (1919 г. р.).

свидетельств о том, что немцы при отступлении пытались уничтожать храмы. Так был заминирован храм в станице Убеженской¹, сожжена церковь в станице Новопашковской². Некоторые храмы были разграблены, превращены в кинотеатр, конюшню, склад для боеприпасов, застенки гестапо, где убивали военнопленных и мирных граждан³. Эти и другие факты обнажили перед людьми истинные цели оккупантов. Не оказали воздействия на население и обрядовые формы выражения религиозных чувств немцев: *«Когда немец пришел, он же немного открывал церкву, где щас амбулатория. Но они ж сами своих воинов, как идут на фронт, у них батюшка благословляет, молятся и отправляют, причастие у них было – такой порядок. Они собрались на выгонок, и наверно ж приобщали солдат. У нас стол взяли и у других и тогда в длину их сделали. Они в два ряда стоят солдаты. Один подошел, что-то дает ему ложечку чайную и слово говорят: «Аминь, аминь». А мы вокруг стоим, слушаем, что же они делать будут, столы собрали, солдаты стоят. Они подходят, глотнут, что в ложечке, сам солдат говорит, а потом батюшка что-то за слова говорил. В сторону, другой. А на утро на машины и на передовую. [Столы для чего были накрыты?] На них ставили, наверно, продукты, чакушу, наверно свечки ставили. Но, как не то, а чужеземец»⁴. «Ходили (в церковь. – С. Г.) молодежь, певчие, даже немцы служили там, и своих убитых они хоронили около церкви. Батюшка наездной был, с Апшеронска приезжал. А они, как верующие, немцы, заносили у эту цэркву своих покойников и тут же хоронили. Сейчас ходят там по тех могилках»⁵.*

¹ ПМ КФЭЭ-1999, а/к № 2001, ст. Убеженская Успенского р-на Краснодарского кр. Инф. Квитова К.И. (1919 г. р.).

² ПМ КФЭЭ-2014, ст. Новопашковская Крыловского р-на Краснодарского кр. Инф. Салата В.С. (1939 г. р.).

³ Бабич А.В. Гитлеровский оккупационный режим и Русская Православная Церковь на Кубани (1942–1943 гг.) // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Краснодар, 2011.

⁴ ПМ КФЭЭ-2005, а/к № 3382, ст. Гурийская Белореченского р-на Краснодарского кр. Инф. Карнаухова П.Я. (1926 г.р.).

⁵ ПМ КФЭЭ-2003, а/к № 2949, ст. Нижегородская Апшеронского р-на Краснодарского кр. Инф. Перепелица П.И. (1926 г. р.)

Не отвергая религиозных чувств немцев, старожилы видели опасность и проявляли недоверие к их действиям. «*[Как немцы относились к церкви?] Сад вокруг церкви выпилили, изгородь была деревянная, попалили, но храм не тронули. [Почему попалили?] Они грелись, костры жгли. К нам принесли, наклали в печку, а один так замерз... Были очень дерзкие, а были очень добрые...»*¹. «Сколько в войну я служил, – вспоминает Александр Ильич, в то время пономарь Георгиевского храма города Краснодара, – ни разу они не причащались, ни крестились. Просто смотрят, осматривают храм. А чтоб молились – нет»². «Да, немцы открыли, но если бы они тут дольше побыли, они бы тут делов наделали. Была женщина тут, она видела список у немцев, куда были внесены все ударники, их на расстрел подписывали. [Зачем открывали они?] Они же верующие, только по-своему веровали. Они открыли ее в церковной сторожке»³.

Религиозная политика немцев, по мнению М.В. Шкаровского, сводилась к раздроблению Церкви, использованию ее для помощи немецкой администрации, ликвидации православия после окончания войны и созданию новой религии, призванной воспитывать послушных поданных рейха⁴.

Постепенно открытые в период оккупации храмы становились центрами религиозной жизнедеятельности. В Краснодаре проводилась регистрация христианских церковных общин, как православных, так и иноверческих (Армяно-Григорианской, Евангелической), возобновил свою деятельность свечной завод. Предполагалось во всех школах – начальных, средних и высших – ввести преподавание Закона Божия, а для взрослых при всех открытых храмах – катехизаторские курсы.

¹ ПМ КФЭЭ-2007, а/к 3841, ст. Балковская Выселковского р-на Краснодарского кр. Инф. Дыдорь (Бурляева) Л.П. (1936 г. р.)

² Полевой дневник автора за 2005 г.

³ ПМ КФЭЭ-2008, а/к 4054, ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф. Гойколова М.С. (1927 г. р.)

⁴ Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007. С. 478.

Возрождение религиозной жизни невозможно было без специальной литературы (молитвенников, служебников, календарей, учебников по Закону Божию). В храмах Краснодарара их раздавали бесплатно. Судя по сохранившимся молитвенникам, мы предполагаем, что они издавались и доставлялись членами Псковской православной миссии, действовавшей в освобожденных областях России. Люди, державшие в руках эти молитвенники, помнят, что в утренних и вечерних молитвах возглашалось прошение об избавлении страны Российской от ига безбожной власти. По нашему мнению, священные антимины во вновь открытые храмы также доставлялись представителями Псковской миссии. Поскольку миссия сохраняла каноническое единство с Московской Патриархией, обновленчество не поддерживалось членами миссии. В газете «Кубань» была опубликована информация о том, что обновленческий архиепископ Владимир через штабного священника румынских войск отца Михаила Кожакору «передал от Кубанской Православной церкви просьбу Святейшему Патриарху Румынской церкви Никодиму о присылке св. Мира и св. Антиминса»¹.

В людях пробуждались глубокие патриотические чувства. Приходы стали активно собирать средства для действующей армии. Прихожанам Свято-Троицкого храма станицы Платнировской был передан привет от И.В. Сталина и благодарность Красной армии за собранные средства на строительство танковой колонны «Защитник Юга»². За 1944 г. в Кубанской епархии верующими «тихоновской» церкви было собрано 600 000 рублей на танковую колонну им. Александра Невского. Обновленцами на нужды обороны – до 700 000 рублей³. В сентябре 1943 г., после избрания Патриарха, Правительство СССР разрешило возобновление церковной издательской деятельности, духовного образования.

¹ Хроника // Кубань. 1943, 7 января.

² ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 2. Д. 312. Л. 194.

³ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

В период оккупации был восстановлен обычай хождения по домам верующих с молитвой на праздник Рождества Христова, Крещения Господня и др. праздники. Уполномоченный докладывал, что эти хождения приняли массовый характер, подняли дух духовенства, «так как оно принималось с почетом не только верующими, но и в ряде случаев и неверующими». Крестные ходы в день Крещения Господня в 1944 г. проходили с огромным участием местных жителей, военных, председателя совета, который и дал разрешение на проведение мероприятия. Священник Успенского молитвенного дома станицы Ладожской сообщал: «Мы – духовенство и наш приходской совет в праздник Крещения отправились к председателю станичного совета за получением разрешения пойти с крестным ходом в день Крещения на реку Кубань. Председатель с готовностью и любезностью разрешил и создался величественный агитационный праздник. Прекратились работы в колхозах и учреждениях и все пошло на наш церковный праздник. Берега Кубани были усеяны народом, было до 5 тысяч»¹.

Священник Петропавловского молитвенного дома станицы Дядьковской, говоря о крестном ходе, заявил: «Мы создали такой крестный ход на реку, о котором говорят и сейчас не только у нас, но даже в окружающих станицах»². По рассказам жителей станицы Северской, в крестном ходе приняли участие военные, выставив свои машины вдоль берега. 25 мая 1944 г. в праздник Вознесения Господня священник храма хутора Белый Павловского района с разрешения председателя станичного совета организовал крестный ход с участием хора певчих. Во время пути было совершено шесть молебнов, которые совершались во дворах верующих и около колодцев, с освящением воды и молением о даровании дождя³. Были также возобновлены крестные ходы вокруг церкви по случаю

¹ ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.

² Там же.

³ Там же. Л. 10.

престольных и великих праздников, обновления икон¹. Священники беспрепятственно освящали открывающиеся магазины, мастерские.

Годы Великой Отечественной войны стали временем ликвидации болезненных для Русской Православной Церкви обновленческого и григорианского расколов, спровоцированных и в значительной степени организованных государственными органами в период НЭПа 1920-х гг. Возросшие в годы войны авторитет, нравственная мощь, организационное укрепление Московской Патриархии, а также изменение отношения государства к ней способствовали изживанию остатков обновленческого раскола. На Кубани обновленческих приходов в период оккупации открывалось больше, поскольку приглашались на приходы заштатные священники, среди них было много обновленческих. Кроме того на занятой германскими войсками территории Кубани активную деятельность вел обновленческий архиепископ Краснодарский и Кубанский Владимир Иванов. Он рукополагал в сан священников, тем самым увеличивалось число обновленческого духовенства. «Тихоновские» приходы оставались в меньшинстве.

27 декабря 1944 г. Владимир Иванов подал в Патриархию покаянное обращение с просьбой о принятии в общение с Русской Православной Церковью духовенства и мирян Кубанской обновленческой епархии во главе с ним. 3 января 1945 г. он принял монашеский постриг с именем Флавиан, а 8 января состоялась его архиерейская хиротония². Весной 1945 г. на территории Ильинского храма города Краснодара состоялся всенародный акт покаяния обновленческого духовенства. К концу года не осталось ни одного обновленческого прихода.

¹ ПМ КФЭЭ-2007, а/к № Б-20, ст. Балковская Выселковского р-на Краснодарского кр. Инф. Никишина Т.Г. (1934 г. р.).

² Шикин Е., *свящ.* Ликвидация обновленческого раскола Русской Православной Церкви в свете данных региональной истории Северного Кавказа // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 2012. С. 323–324.

К 1 января 1945 г. в крае функционировало уже 237 церквей и молитвенных домов, священников – 248, дьяконов – 29 и псаломщиков – 72¹.

Итак, в период гитлеровской оккупации отмечался подъем религиозной жизни, который выражался в открытии храмов и возобновлении богослужений, катехизаторской и миссионерской деятельности на приходах, восстановлении крестных ходов, престольных праздников, колокольного звона. Возрождение Церкви в годы войны стало прежде всего возрождением Церкви патриарха Тихона и способствовало преодолению внутреннего раскола. Велика роль Русской Православной Церкви Заграницей и Псковской Православной миссии, деятельность которых способствовала восстановлению церковной жизни на Кубани. Великая Отечественная война заставила обратиться людей и руководство страны к вере, осознанию своих ошибок, которые выражались в гонениях на церковь и ее служителей.

Библиографический список

1. Антонов А.С. Восстановление религиозной жизни // Кубань. 1942. № 16.
2. Бабич А.В. Гитлеровский оккупационный режим и Русская Православная Церковь на Кубани (1942–1943 гг.) // Национальная идентичность и национализм у славян и их соседей: проблемы прошлого и настоящего. Краснодар, 2011.
3. Видеокассета «Под покровом святого Георгия». Реж. Михаил Шнурников.
4. Воспоминания Александра Ильича Суслика. Краснодар в годы Великой Отечественной // Православный голос Кубани. 2005. № 5(174). Л. 9.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 3. Л. 1, 4, 9, 10; Д. 13. Л. 21.
6. Гращенков. Возрождение храмов // Кубань. 1942. № 4.
7. Из церковной жизни // Кубань. 1942. № 24.
8. Кострюков А.А. Протоиерей Стефан Ляшевский как свидетель исповеднического служения Патриарха Сергия (Страгородского) // Седмица.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: sedmitza.ru/text/1223142.html (дата обращения – 21.04.2016).
9. Н.А. Благодарственный молебен // Кубань. 1942. № 1.
10. Полевой дневник автора за 2005, 2014, 2015 годы.
11. Полевые материалы кубанской фольклорно-этнографической экспедиции (далее – ПМКФЭЭ) 2005 года, а/к (аудиокассета) № 3359, ст. Гурийская Белореченского р-на Краснодарского кр. Инф. (Информатор) Фенина Т.М. (1927 г. р); ПМКФЭЭ-1999, а/к № 2001, ст. Убеженская Успенского р-на Краснодарского кр. Инф. Квитова К.И. (1919 г. р.); ПМКФЭЭ-2007, а/к № 3841, ст. Балковская Выселковского

¹ ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

р-на Краснодарского кр. Инф. Дыдорь (Бурляева) Л.П. (1936 г. р.); ПМ КФЭЭ-2014, ст. Новопашковская Крыловского р-на Краснодарского кр. Инф. Салата В.С. (1939 г. р.); ПМ КФЭЭ-2005, а/к № 3382, ст. Гурийская Белореченского р-на Краснодарского кр. Инф. Карнаухова П.Я. (1926 г. р.); ПМ КФЭЭ-2003, а/к № 2949, ст. Нижегородская Апшеронского р-на Краснодарского кр. Инф. Перепелица П.И. (1926 г. р.); ПМ КФЭЭ-2008, а/к № 4054, ст. Новолабинская Усть-Лабинского р-на Краснодарского кр. Инф. Гойколова М.С. (1927 г. р.); ПМ КФЭЭ-1992, а/к № 242, ст. Платнировская Кореновского р-на Краснодарского кр. Инф. отец Виктор; ПМ КФЭЭ-2007, а/к № Б-20, ст. Балковская Выселковского р-на Краснодарского кр. Инф. Никишина Т.Г. (1934 г. р.).

12. Хроника // Кубань. 1943. 7 янв.

13. *Шкаровский М.В.* Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2007.

14. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2000.

15. *Шишкин Е., священник.* Ликвидация обновленческого раскола Русской Православной Церкви в свете данных региональной истории Северного Кавказа // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь, 2012. С. 305–331.

Сведения об авторе

ГЕТМАНСКАЯ СОФИЯ НИКОЛАЕВНА –

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Научно-исследовательского центра

традиционной культуры Кубани,

e-mail: ribkosn@mail.ru

The Russian Orthodox Church in Kuban region during the nazi occupation (based on archival documents and Kuban folklore-ethnographic expeditions field materials 1992–2014)

S. N. Getmanskaya

Candidate of history, Senior Researcher of the Research Center for Traditional Culture of the Kuban,

e-mail: ribkosn@mail.ru

The article describes the religious life of the Orthodox inhabitants of Krasnodar and the Krasnodar region during the German occupation. Based on oral recollections of the witnesses of those events and archival materials, the author shows the way the Great Patriotic war gave impetus to the rise of religious consciousness of the Kuban

population that was expressed in ministering prayers, processions, going round houses with carols and schedrovki (Christmas ceremonial songs) during Christmastide, setting up Church schools, etc. Resuming the worship services in parishes required new supplies of Church articles and literature. The author dwells on possible sources of income and the level of arranging Church life in the period in question. The article also deals with the way the Germans as representatives of another denomination were regarded in the minds of popular and among the Orthodox clergy as well as the interaction of the latter with each other. Besides other issues like the role of Pskov Orthodox mission in restoring religious life in the Kuban region, the activities of the patriarchal communities, deprived of their hierarchical leadership, and renovationist parishes headed by Archbishop Vladimir Ivanov as well as the Church schism gradual sedation are touched upon.

Keywords: *Russian Orthodox Church, religious life, occupation, Germans, Archbishop Vladimir Ivanov, Renovationist Schism.*

Обновленческий раскол как компонент советской антицерковной политики и его эволюция на Кубани в 1920-е гг.

История Кубанской епархии в 1920-е гг. заслуживает особого внимания. Направленная против Церкви государственная политика этого периода, направленная на ослабление Церкви, ставила одной из своих задач поддержку расколов и поляризацию духовенства. Эти процессы приобретали более острые формы на локальном уровне. На сторону обновленчества перешло подавляющее большинство клириков Кубанской епархии, что сопровождалось репрессиями в отношении канонического духовенства и насильственными захватами патриарших приходов. Ключевую роль в становлении кубанской обновленческой организации на начальном этапе сыграл Уполномоченный обновленческого Высшего церковного управления «протоиерей» Феодор Делавериدي. Рассматривается его деятельность, а также совместные мероприятия раскольников и советской власти, направленные на подавление очагов религиозного сопротивления и утверждение господствующих позиций обновленчества в регионе.

***Ключевые слова:** Русская Православная Церковь, Кубанская епархия, обновленческий раскол, Патриарх Тихон, архиепископ Иоанн (Левицкий), епископ Евсевий (Рождественский), Феодор Делавериди.*

XX в. стал трудным периодом для Русской Православной Церкви. Смена государственной власти, отделение Церкви от государства, террор – все это не могло не затронуть церковную жизнь. Пожалуй, одним из самых болезненных явлений для Церкви стал обновленческий раскол. Стремление духовенства приспособиться к жизни в новых условиях привело к тому, что сторонники «церковного обновления» были вначале поддержа-

ны государством, а затем использованы в политических интересах. Организованная реформаторами «Живая Церковь», по мнению властей, должна была стать альтернативой консервативной и канонической Православной Российской Церкви, находившейся под управлением Святейшего Патриарха Тихона. Разделение в церковной жизни неминуемо грозило расколом и постепенным ослаблением Церкви, на что рассчитывало правительство, стремясь таким образом поддержать максимально сильную поляризацию среди духовенства.

Происходящие в Москве трансформации церковной жизни сквозь региональную призму приобретали более острые формы, вскрывая ее проблемы и недостатки. Особую актуальность изучение методов эволюции обновленческого раскола на Кубани приобретает ввиду того, что настоящий регион был одним из лидеров по количеству обновленческих приходов вплоть до ликвидации этого движения советской администрацией.

Де-юре Кубано-Черноморскую епархию в 1920-е гг. возглавлял архиепископ Кубанский и Краснодарский Иоанн (Левицкий), человек мягкого характера и во многом подверженный влиянию своего окружения. Фактическим руководителем кубанских обновленцев и исполнителем решений Высшего Церковного Управления (далее – ВЦУ) до 1924 г. стал ближайший к архиепископу протоиерей Феодор Иванович Делавериди. Именно по его инициативе государственная власть организовывала карательные меры против «тихоновцев», и его усилиями подавляющее большинство кубанского духовенства перешло на сторону «церковной революции».

Феодор Иванович Делавериди родился 13 июля 1893 г. В 1915 г. окончил полный курс обучения в Ставропольской духовной семинарии со званием студента. В том же году получил назначение заведующим Екатеринодарским городским двухклассным училищем. 1 апреля 1916 г. Феодор Иванович был определен псаломщиком Покровского храма города Екатеринодара, а уже 2 мая состоялось его назначение на штатное диаконское место в станицу Мингрельскую. Затем он был

назначен, а 15 января 1917 г. рукоположен в сан пресвитера к Дмитриевскому храму станицы Петропавловской. После настоятельных просьб жителей отец Феодор 5 июля 1917 г. был вновь возвращен в станицу Мингрельскую, где также преподавал Закон Божий в высшем начальном и реальном училищах.

24 апреля 1921 г. по представлению Временного Кубанского церковно-приходского управления «для пользы службы» священник Феодор Делавериди был переведен в город Краснодар и определен клириком кладбищенского Всехсвятского храма. Дальнейший карьерный рост этого сельского священника просто поражает. Вскоре после его назначения церковно-приходское управление было закрыто властью и несколько месяцев именно отец Феодор не только отстаивал интересы епархии, но и возглавлял административное управление.

Уже 14 мая 1921 г. епископ Иоанн назначил его своим представителем перед гражданской властью для защиты интересов Церкви и епархии, а 7 ноября Ф.И. Делавериди получил должность члена Кубанского епархиального управления, в которой был утвержден указом Святейшего Патриарха 23 декабря.

Как известно, 1922 г. стал переломным временем в жизни Кубанской епархии. Еще до официального создания «Живой Церкви» священник Ф.И. Делавериди «за отлично-усердное служение... и ревностную заботливость о церковных нуждах» Святейшим Патриархом был награжден патриаршим благословением с выдачей грамоты 6 апреля 1922 г. В мае на епархиальном съезде духовенства и мирян, принявшем решение «стать на путь церковной революции», «за выдающиеся заслуги по Кубанской епархии» Феодор Иванович был награжден саном протоиерея и возведен в него 22 мая архиепископом Иоанном и епископом Армавирским Симеоном (Никольским) с возложением камилавки и наперсного креста. 22 июня ВЦУ утвердило его в должности члена епархиального управления, а чуть позже, 4 августа, последовало его назначение Уполномоченным ВЦУ по Кубано-Черноморской епархии. С этого времени «протоиерей» Феодор Делавериди стал главным обновленцем на Ку-

бани: без его ведома не решалось ни одно дело, он лично следил за всеми народными выступлениями против «Живой Церкви» и настаивал перед органами власти на принятии соответствующих мер.

Указом ВЦУ от 20 января 1923 г. деятельность «протоиерея» Ф. Делавериди была признана «плодотворной и энергичной», а епархия – благополучной. Проходивший в сентябре 1923 г. епархиальный съезд духовенства и мирян вновь избрал протоиерея членом Кубано-Черноморского епархиального управления, указав, что «сформирование будущего Епархиального Управления без непосредственного участия о. Делавериди немислимо и недопустимо». В ознаменование благодарности за труды от имени съезда 28 сентября ему было поднесено облачение с иконой Спасителя.

Вполне вероятно, что после устранения архиепископа Иоанна от управления епархией Делавериди перестал обладать безраздельной властью и авторитетом среди обновленцев. Уже 1 апреля 1924 г. он подал заявление о сложении с себя полномочий и обязанностей по должности Уполномоченного ВЦУ. Собравшийся 28 мая епархиальный съезд духовенства и мирян, «заслушав доклад о деятельности протоиерея Феодора Делавериди, а также отзыв архиепископа Михаила, признает [деятельность] направленной исключительно на благо Церкви, за что съезд выражает о. Делавериди свою глубокую благодарность». При этом его заявление об уходе принято не было, и он был утвержден членом епархиального управления.

Однако время Делавериди уже было позади. В начале 1925 г. он был арестован, а 2 февраля исключен ввиду ареста из состава Кубано-Черноморского епархиального управления¹.

В 1922–1926 гг. в Кубанском крае остро развернулась религиозная борьба. Самое активное участие в ней принимало население региона, возглавляемое немногочисленными священниками, противостоявшими обновленцам. Безусловно, подавляющее большинство жителей не вникало в канонические

¹ Архив Екатеринодарской епархии. Д. Ф 29/1. Л. 1-5.

расхождения «церковных реформаторов» с Патриаршей Церковью, но народ на уровне духовной интуиции чувствовал верных Патриарху Тихону пастырей. Стоит отметить, что борьба обновленцев с представителями Патриаршей Церкви носила циклический характер и достигала особого напряжения в 1923 и 1926 гг.

Главным организатором укрепления авторитета «церковного обновления» и ВЦУ среди духовенства и народа Кубани был священник Ф. Делавериди. Проведя анализ материалов, можно выстроить использовавшуюся епархиальным управлением систему по укреплению обновленчества в регионе, которая включала в себя запрещение и отстранение любыми мерами от служения, в том числе и при помощи гражданской власти, особенно активных в борьбе с обновленчеством пастырей, их последующую высылку из области; создание со стороны государственных органов всевозможных препятствий к регистрации канонических общин путем предъявления необоснованных административных требований; передачу, порой насильственную, православных храмов обновленческим общинам; ликвидацию монастырей и всех монастырских подворий, преследование монашествующих.

Важно заметить, что инициатива поддержки обновленческого раскола представителями власти всех уровней в области исходила от партийного руководства. 21 июня 1922 г. Президиум Кубано-Черноморского областного комитета РКП (б) предложил председателю Кубчероблисполкома «в целях дальнейшего раскола среди духовенства... оказывать содействие» представителям «Живой Церкви», а также призвать к этому власть на местах¹.

Особенным полем борьбы обновленческого епархиального управления в лице «протоиерея» Феодора Делавериди со сторонниками канонической Патриаршей Церкви, помимо

¹ Беликова Н.Ю. Русская Православная Церковь на Кубани в 1920-е гг. по материалам федеральных и региональных архивов // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 2012. С. 24.

города Краснодара, стали Армавирская и Ейская викарные епархии. После смерти 27 июня 1922 г. Преосвященного епископа Армавирского Симеона (Никольского) некоторое время Армавирское викариатство оставалось без руководства, чем и воспользовался Делавериди. При его активном участии уже 16 сентября 1922 г. решением ВЦУ известный в Армавирской епархии протоиерей Михаил Орлинский был назначен «епископом» Армавира¹. Перед рукоположением он принял постриг от епископа Кубанского и Краснодарского Иоанна. Его епископскую хиротонию совершил обновленческий епископ Казанский Иоанникий (Дьячков) вместе с архиепископом Иоанном и другими не известными на данный момент архиереями². Стремясь сохранить канонически верные приходы, Святейший Патриарх Тихон и Священный Синод 25 декабря 1923 г. назначили временно управляющим епархией настоятеля Николаевского храма Армавира протоиерея Леонида Дмитриевского, активно противостоящего обновленцам, который вскоре был арестован, что помешало дальнейшему продолжению служения и епископской хиротонии³.

В Краснодаре центром сопротивления обновленческому расколу в 1922–1923 гг. был Ильинский храм, в котором служили протоиерей Александр Маков и Александр Пурлевский (впоследствии – епископ Фотий). Еще на епархиальном съезде в мае 1922 г. священник Ф. Делавериди заявил отцу А. Пурлевскому: «Отец Александр, я не понимаю, к чему все ваши выступления, выражающие сомнения в правильности нашего пути с канонической стороны. Я уважаю вас, знаю, что вы семейный человек, и считаю, что ваше такое поведение ни к чему хорошему не приведет. Мой вам совет – безоговорочно присоединиться к нам и не оставаться в меньшинстве, чтобы потом не пожалеть»⁴.

¹ История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 29.

² Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар, 1926. С.25.

³ История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М., 2006. С. 29.

⁴ Польский М.А., *протопресв.* Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 206.

Уже через несколько месяцев после съезда, в сентябре, протоиерей А. Маков решением обновленческого епархиального управления был запрещен в служении. Чтобы предотвратить усиливающееся в городе влияние отца Александра, Делавериди насильно изъясил из Ильинского храма антиминс, стремясь воспрепятствовать совершению богослужений и поминовению за ними Патриарха Тихона. Этими действиями, как впоследствии он писал, стремился привести приход в распоряжение ВЦУ, подготовить новую противную А. Макову группу и заставить прихожан расколоться¹. 16 декабря священники А. Маков и А. Пурлевский были арестованы по стандартному обвинению в контрреволюции и летом 1923 г. высланы из области².

В Ейской епархии после перехода архиепископа Иоанна и подавляющего большинства духовенства области в обновленчество главным борцом с расколом стал епископ Евсевий (Рождественский). В советской периодической печати Преосвященного Евсевия называли «Новым Корниловым», «вождем кубанской тихоновщины» и всячески очерняли его личность³. С первых дней служения епископа в Ейске в оппозицию к нему встал настоятель Михаило-Архангельского собора и городской благочинный протоиерей Николай Федотов, стремившийся к единоличной власти в епархии. Присоединившись на майском епархиальном съезде к обновленчеству против воли своего епископа, он в скором времени добился с санкции епископа Иоанна и Краснодарского епархиального управления закрытия Ейской кафедры, что формально прекращало полномочия Преосвященного Евсевия. Получив от управления документ о закрытии кафедры, владыка Евсевий объявил, что это постановление нарушает церковные каноны, и отказался подчиниться⁴. 4 января 1923 г. он вместе с некоторыми близкими к нему людьми был арестован по обвинению в противодействии

¹ Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13. Л. 20 об.

² Польский М.А., *протопресв.* Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 206.

³ Красное знамя. 1923. 22 марта. № 63 (870).

⁴ Красное знамя. 1923. 1 апреля. № 71 (878).

изъятию церковных ценностей. Достаточно очевидным является то, что как само обвинение, так и последовавший затем публичный судебный процесс были подготовлены при непосредственном участии «протоиерея» Ф. Делавериدي, главной целью которого была высылка из области непокорного архиерея и его единомышленников. В результате 23 апреля 1923 г. Кубано-Черноморский областной суд после длившихся 24 дня слушаний дела приговорил епископа Евсевия к семи годам заключения со строгой изоляцией, и близких к нему: Александра Николаевича Гангесова к лишению свободы на три года, Арсения Семеновича Зайцева к лишению свободы на три года, священника Трофима Митрофановича Сосько на пять лет, Петра Ивановича Валяницкого, Павла Климовича Назаренко и Сергея Степановича Лиманского по одному году каждому¹.

Проблему перехода духовенства в ведение ВЦУ и последовавшего в некоторых случаях возвращения назад в каноническую Церковь Делавериди объяснял так: «Нужно правду сказать, что духовенство пока, прожившее в определенных устоях православия, не может сразу переменить своих убеждений. Если и легко пошло оно по пути церковной революции у нас на Кубани, то только потому, что хороший камертон в Епархиальном управлении, но когда духовенство видит, что Епархиальное управление бессильно в борьбе с тихоновщиной и последнее даже покровительствуется советскими законами, то оно готово заколебаться, и уже заколебалось, и переходит в лагерь тихоновцев»². Ослабление власти обновленческого управления произошло вследствие возвращения в ноябре 1922 г. архиепископа Иоанна при содействии священника Михаила Архангельского в каноническую Церковь.

Одновременно с этим прихожане канонической общины Ильинского храма города Краснодара выступили с требованием о его возвращении, и 3 ноября Кубано-Черноморский отдел управления, опасаясь народных волнений, потребовал от об-

¹ Красное знамя. 1923. 25 апреля. № 89 (896).

² ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 13. Л. 21.

новленческого епархиального управления не препятствовать восстановлению богослужений и вернуть ключи от храма¹. Как писал Делаверида, эти события поставили «в шаткое положение руководителя этого [церковно-революционного] движения – Епархиальное управление нынешнего состава, одобренное мною на майском епархиальном съезде»². Духовенство области, увидев возвращение архиепископа в каноническую Церковь, также постепенно стало возносить за богослужением имя Патриарха Тихона и отказываться от подчинения ВЦУ и обновленческому Епархиальному управлению.

В связи с этим в ноябре Уполномоченный ВЦУ направил доклад в Кубчероблисполком, в котором указывал, что «положение создалось весьма серьезное и вопрос приходится ставить ребром: проводить ли церковную политику на Кубани или безучастием [власти к проблемам обновленцев] дать возможность создать на Кубани оплот тихоновщины».

20 ноября в докладной записке в президиум Обчеркома заведующий областным отделом управления П. Сорокин подтверждал возросшую активность «тихоновцев» и, пересылая доклады Делаверида, просил указаний³. Исходя из последовавших в 1923 г. событий, можно предположить, что в ноябре-декабре облисполком в срочном порядке изменил свое отношение к Патриаршей Церкви, обновленцам было оказано содействие, а органы ВЧК провели ряд арестов, в том числе арест епископа Евсевия и протоиерея Л. Дмитриевского. После перехода Николаевского прихода города Армавира из ведения ВЦУ в Патриаршую Церковь и регистрации соответствующего устава все члены приходского совета вместе с протоиереем Л. Дмитриевским и прихожанином, отвозившим документы на регистрацию, были арестованы и обвинены в контрреволюционной деятельности. По мнению верующих, «такие явления происходят несомненно по проискам епархиальной [обновлен-

¹ Там же. Л. 20 об.–21.

² ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 13. Л. 21 об.

³ Там же. Л. 23.

ческой] власти и в особенности злого гения церковной Кубани священника Делавериди»¹. Очевидно, что обвинение в антисоветской деятельности было напрямую связано с каноническим подчинением арестованных «контрреволюционному», по мнению власти, Патриарху Тихону.

Помимо борьбы с патриаршими приходскими общинами обновленческое Епархиальное управление стремилось любыми способами ликвидировать монастыри и скиты в епархии. В вышеупомянутом докладе Делавериди среди срочных мер Кубчерблисполкому предлагалось «закрыть монастырские подворья и монастыри в гор. Краснодаре, Армавире, Кропоткине, закрытые уже постановлением ВЦУ, или передать монастырские храмы в руки белого духовенства и тем самым разбить провокационные монастырские пункты»².

На 1922 г. в Краснодаре были подворья некоторых особо крупных монастырей Кавказа: часовня Саввинского Сафарского грузинского монастыря, Скорбященское подворье Успенского Драндовского абхазского монастыря, Михаило-Архангельское подворье Красногорского монастыря, Георгиевское подворье Балаклавского крымского монастыря, Николаевский храм на Новых Садах подворье женского монастыря³. Обновленцы видели в монашествующих своих самых главных противников, не прекращавших поминание Патриарха Тихона и не признававших ВЦУ. Доподлинно известно, что в начале 1923 г. при закрытии Епархиальным управлением Александроневского Армавирского подворья Кавказского Николаевского миссионерского мужского монастыря было решено выслать настоятеля иеромонаха Феодосия в Вологодскую губернию, председателя церковного совета заштатного диакона Сальникова – в Царицынскую губернию, общину распустить, а против указанных лиц «при содействии гражданской власти принять репрессивные меры до ареста включительно»⁴. Несмотря на направ-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 329. Л. 205 об.

² ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 13. Л. 21 об.

³ ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287. Л. 145.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 329. Л. 29.

ленные монахами жалобы в Армавирский исполком и ВЦИК, 14 марта 1923 г. распоряжением № 155/с Кубано-Черноморского областного отдела управления с санкции облисполкома подворье было закрыто, а часть насельников выслана из области. Как следует из письма председателя Кубчероблисполкома, это «распоряжение было вызвано тем обстоятельством, что монастырь был населен исключительно черным духовенством, враждебно настроенным к советской власти и ведшим пропаганду Тихоновских идей среди верующего народа»¹. Обновленческое епархиальное управление культивировало в представителях власти отношение к монашествующим как главным врагам государственного режима.

В этот же день, 14 марта 1923 г., Кубано-Черноморский областной отдел управления направил всем подотчетным ему учреждениям циркулярное письмо, в котором предлагалось «никакого содействия на местах духовенству и церковно-приходским советам не оказывать и не допускать разрешения тех собраний, на которых под флагом Патриарха Тихона могут быть скрытые выступления против советской власти»².

В 1923 г. архиепископ Иоанн прекратил управление Кубанской епархией. Согласно данным епископа Краснодарского Флавиана (Иванова), приводимым в «Кратких сведениях по истории открытия самостоятельной Краснодарской епархии...», владыка Иоанн скончался 18 января 1923 г. перед всеобщим бдением в Екатерининском соборе³. Стоит отметить, что указанный документ в большинстве случаев изобилует хронологическими неточностями. Есть основания однозначно утверждать, что в 1923 г. он был еще жив, а данные епископа Флавиана ошибочны. Сохранились источники, согласно которым архиепископ Иоанн привлекался в качестве свидетеля по делу об изъятии церковных ценностей в Ейске. Судебный процесс над епископом Ейским Евсеием (Рождественским) и

¹ Там же. Л. 32.

² ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 62.

³ ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177. Л. 34 об.

другими обвиняемыми по этому делу широко освещался в газете «Красное знамя». В частности, в апрельском номере этой газеты за 1923 г. опубликовано описание судебного заседания, во время которого выступал архиепископ¹. В биографической статье о владыке Иоанне Д.Н. Никитин отмечает, что он был отправлен на покой в июле 1923 г.², однако эта информация не имеет ссылки на источник. Время кончины архиепископа остается до настоящего времени неизвестным.

Назначенный еще в 1922 г. «епископ» Армавирский Михаил Орлинский в 1923 г. перешел к активным действиям по привлечению духовенства и населения в обновленчество и, как писал епископ Флавиан (Иванов), «увлек за собой большую часть епархии»³. Вскоре он был назначен на смену архиепископу Иоанну на обновленческую Кубанскую кафедру. В это же время епархия вошла в состав Северо-Кавказского митрополичьего округа и именовалась Кубано-Черноморской.

Несмотря на быстрый захват храмов, обновленцы не имели высокого авторитета среди верующих. К примеру, в начале 1923 г. сообщалось, что население Славянского отдела «не сочувствует в большинстве обновленческому движению, выражает свое мнение за старое богослужение, настроено против перевода Евангелия на русский язык»⁴.

В условиях, когда большинство населения епархии воспринимало обновленческое духовенство как «продавшееся советской власти», требовались особые меры, призванные укрепить уровень доверия среди верующих и поднять авторитет обновленческого духовенства. Как повествуют обновленческие источники, в марте 1924 г. «синодалы» направили делегацию от епархии к Святейшему Патриарху Тихону. Патриарх, узнав, что перед ним кубанцы, сказал: «Мне с вами нечего говорить – у вас

¹ Красное знамя. 1923. 3 апреля. № 73 (880).

² Никитин Д.Н. Иоанн (Левицкий Иоанникий) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 418.

³ Сергеев К.Л. Екатеринодарская и Кубанская епархия // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 273.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177. Л. 34 об.

архиерей женатый». Тогда Патриарху было разъяснено, что он введен в заблуждение злонамеренными лицами относительно архиепископа Михаила, что он уже старик, давно вдовец и принял хиротонию от епископов старого поставления, а именно: Иоанникия Олонецкого, бывшего члена собора 1917–1918 гг., и Петра из вдовцов, тоже ставленника Иоанникия. Получив эти сведения, Патриарх Тихон усадил депутацию и сказал: «Если это верно, то я готов признать его благодатным по хиротонии, но все же он не каноничный архиерей, так как власть принял не от меня»¹. Таким образом, добиться признания законности епископской власти архиепископа Михаила от Патриарха Тихона обновленцам не удалось.

Волна 1923–1924 гг. может быть охарактеризована непостоянством в проведении государственной церковной политики. Подчас председатели на местах, не разбираясь в канонических тонкостях, оказывали поддержку «не своим», в то время как «сверху» постоянно поступали распоряжения об оказании всяческой помощи обновленческим общинам. Такая ситуация сложилась в станице Старокорсунской, где председатель волостного исполкома (видимо, не разобравшись) оказывал поддержку членам причта, поминавшим Патриарха Тихона, в результате чего обновленческая община начала распадаться. Для решения этой проблемы 21 марта 1923 г. постановлением обновленческого Кубано-Черноморского епархиального управления в срочном порядке не удержавший приход священник Валериан Рождественский был переведен в станицу Старорождественскую, а на его место назначен «для урегулирования церковно-приходской жизни» священник Вознесенского храма ст. Пашковской Димитрий Никифоров. Помимо этого Епархиальное управление постановило «просить Красотисполком принять зависящие меры, чтобы председатель волисполкома станицы Старокорсунской т. Ленивый своими вмешательствами в приходские дела способствовал бы причту в борьбе с Тихоновщиной, а не тормозил бы поддержкой Тихоновски настроенных

¹ Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар, 1926. С. 24–25.

мирян бывших царских гвардейцев»¹. В своем письме на имя заведующего Краснодарским отдельным отделом управления «протоиерей» Ф.И. Делавериди требовал прекратить вмешательство местных исполкомов во внутренние церковные дела, указывая, что «исполкомы своими действиями разрушают работу Епархиального управления на местах, натравливают против епархиального управления и таким образом поддерживают по станицам Тихоновщину, с которой борется епархиальное управление целым рядом церковных мероприятий»².

В целом сложившееся к 1926 г. кубанское обновленчество можно признать умеренным. Население области, привыкшее к традиционным формам православной обрядности, отказывалось воспринимать ряд нововведений раскольников, а именно: второбрачие приходского духовенства и браки среди монашествующих. Приходская община станицы Тифлисской 27 декабря 1925 г. зафиксировала это в своем обращении к «митрополиту» Кубанскому Михаилу: «Мы просим в наш приход не назначать второбрачных священнослужителей и для нашей Епархии не назначать женатого Епископа». Помимо этого, прихожане находили допустимыми лишь в редких случаях вторые браки для мирян и только «после созыва Приходского собрания верующих»³.

При этом раскол на Кубани имел характерные черты, заметно отличавшие его от других регионов. В 1926 г. Кубано-Черноморским обновленческим епархиальным управлением были изданы две брошюры: «Догматико-каноническая оценка тихоновщины» и «Новшества тихоновцев или так называемых старотолковников (историко-каноническая справка)»⁴. Тираж каждой брошюры был по 10 000 экземпляров! Очевидно, что в то время ни одна религиозная группа без поддержки власти не смогла бы получить разрешение на издание церковных

¹ ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521. Л. 70.

² Там же. Л. 2.

³ Архивный отдел администрации города Армавира. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26. Л. 108.

⁴ Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар, 1926; Новшества тихоновцев или так называемых старотолковников (историко-каноническая справка). Краснодар, 1926.

материалов тиражом в 10 000, да еще и в главной типографии Северо-Кавказского краевого издательства «Севкавказкнига». Любопытно заметить, что тираж вышедших в 1926 г. гражданских изданий не превышал 6 000. Составленные выверенным богословским языком, с цитированием множества апостольских, соборных и святоотеческих правил, эти брошюры должны были окончательно расположить духовенство и грамотное население Кубани к Синодальной Церкви, убедив в законности ее существования и канонической преемственности. Вступая в полемику, авторы брошюр выдвигали на первый план отсутствие явных основополагающих догматических расхождений с тихоновцами, исповедание того же неизменного Символа веры: «... зайдите в храм и послушайте. Те же самые книги, те же самые св. Антиминсы, тот же устав церковный. Различия ни в вере, ни в службе нет положительно никакого». И лишь в самом конце добавлялось, что разница с тихоновцами в том, что «разных архиереев поминают за богослужением»¹. Приводя ряд евангельских и церковно-богословских цитат, авторы ставили акцент на средоточии высшей духовной власти во Вселенских Соборах, оставляя в тени при этом тысячелетний опыт единства византийской и русской иерархии, возглавляемой патриархами. При анализе обновленческой аргументации становится очевидно, что сформированное Высшее Церковное Управление, позднее ставшее Священным Синодом, являлось самочинной организацией, поскольку его участники получили от Святейшего Патриарха благословение на создание исключительно Патриаршей канцелярии, призванной оказать помощь одному из местоблюстителей в административной работе, а по сути создали самочинную церковную структуру.

Итогом упорной работы Кубанского епархиального управления по продвижению обновленчества стало значительное снижение количества «тихоновских» приходов и духовенства. Принявший небывало широкий размах раскол твердо укрепился в Кубанском, Армавирском, Майкопском и Черномор-

¹ Там же. С. 8.

ском округах Северо-Кавказского края. При анализе данных было выявлено, что на начало 1926 г. по Кубанскому округу насчитывалось 164 обновленческих и 59 «тихоновских» общин с 603 обновленческими и 165 «тихоновскими» священнослужителями¹.

Таким образом, обновленчество на Кубани в результате длительной совместной работы власти и раскольников практически окончательно выдавило канонические приходы, последовательно нанося удары по главным очагам сопротивления, и обрело не только господствующее положение в регионе, но и заняло лидирующие позиции по количеству приходов в стране. Вследствие чего долгое время именно Кубанская епархия являлась форпостом обновленческих сил вплоть до ликвидации раскола.

Библиографический список

1. Архив Екатеринодарской епархии. Д. Ф 29/1.
2. Архивный отдел администрации города Армавира. Ф. Р-152. Оп. 1. Д. 26.
3. *Беликова Н.Ю.* Русская Православная Церковь на Кубани в 1920-е гг. по материалам федеральных и региональных архивов // Проблемы и перспективы исследования церковной истории Северного Кавказа. Ставрополь, 2012.
4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 287.
5. ГАКК. Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 521.
6. ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 13.
7. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 13.
8. ГАКК. Ф. Р-1519. Оп. 1. Д. 177.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5263. Оп. 1. Д. 329.
10. Догматико-каноническая оценка тихоновщины. Краснодар, 1926.
11. История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по Епископским кафедрам с 862 г. М., 2006.
12. Красное знамя. 1923. 22 марта. № 63 (870); 1 апреля. № 71 (878); 3 апреля. № 73 (880); 25 апреля. № 89 (896).
13. *Никитин Д.Н.* Иоанн (Левицкий Иоанникий) // Православная энциклопедия. Т. XXIII. М., 2010. С. 418.
14. Новшества тихоновцев или так называемых старотолковников (историко-каноническая справка). Краснодар, 1926.
15. *Польский М.А., протопресв.* Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949.
16. *Сергеев К.Л.* Екатеринодарская и Кубанская епархия // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М., 2008. С. 273.

¹ ГАКК. Ф. Р-586. Оп. 1. Д. 154. Л. 12.

Сведения об авторе

НИКИТА ВЛАДИМИРОВИЧ КИЯШКО –
член комиссии по канонизации
святых Екатеринодарской епархии (Краснодар),
e-mail: kanonkuban@mail.ru

The renovation schism as a component of Soviet anti-church policy and its evolution in the Kuban in the 1920s.

Nikita V. Kiyashko

Member of the Commission for the Canonization of Saints of Ekaterinodar Diocese,
e-mail: kanonkuban@mail.ru

The history of the Kuban diocese in the 1920s. deserves special attention. The state policy of this period directed against the Church, aimed at the Church weakening, put support for schisms and polarization of the clergy as one of its tasks. These processes acquired more acute forms at the local level. The vast majority of clerics of the Kuban diocese passed over to the side of Renovationism, which was accompanied by the canonical clergy repressions and violent seizures of the patriarchal parishes. The key role in the formation of the Kuban renovation organization at the initial stage was played by the Commissioner of the renovation of the Higher Church Administration “archpriest” Theodore Delaveridi. It considers its activities, as well as joint activities of the schismatics and the Soviet authorities, aimed at suppressing the centers of religious resistance and establishing the dominant positions of Renovationism in the region.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Kuban Diocese, Renovationist schism, Patriarch Tikhon, Archbishop John (Levitsky), Bishop Eusebius (Christmas), Fyodor Delaveridi.*

К вопросу об обновленческом факторе во взаимоотношениях Русской и Грузинской Церквей в 1920–1940-е гг.

Потрясший в 1920–1940-е гг. Русскую Церковь обновленческий раскол не только повлиял на ее взаимоотношения с некоторыми Поместными Церквями, но и значительно осложнил непростые на тот момент русско-грузинские церковные отношения. В статье отмечаются сходства и различия инспирированных руководством компартии церковных переворотов в Русской и Грузинской Церквях с последующим образованием структур ВЦУ. Затрагивается деятельность в Грузии обновленческого «протоиерея» Иоанна Лозового, а также роль Бакинских обновленческих иерархов Петра Данилова и Петра Сергеева в инкорпорировании русских православных общин Грузии в обновленческие епархиальные структуры. Приводится переписка митрополита Христофора (Цицкишвили) с обновленческим лжесинодом по вопросу признания грузинской автокефалии, обстоятельства принятия раскольниками «Акта о признании автокефалии Грузинской Церкви» и установления молитвенно-канонического общения грузинских иерархов с лжесинодами в Москве и Харькове. Прослеживаются шаги Патриарха-Католикоса Христофора по сближению с обновленцами путем реформирования церковного календаря и частичного признания второбрачия духовенства. Характеризуется позиция Фанара по вопросу признания обновленцами грузинской автокефалии. Объясняется центральное положение обновленческой проблемы во взаимоотношениях Русской и Грузинской православных Церквей на момент избрания Патриарха Сергия. Обозначается роль архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония (Романовского) в восстановлении молитвенно-канонического общения Русской и Грузинской православных Церквей.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Грузинская Православная Церковь, автокефалия, обновленческий раскол, Фанар, Католикос-Патриарх Христофор, Иоанн Лозовой, архиепископ Антоний (Романовский).

Потрясший в 1920–1940-е гг. Русскую Церковь обновленческий раскол отразился не только на ее внутренней жизни, но и

серьезно повлиял на взаимоотношения с некоторыми другими Поместными Церквями. Наименьшую стойкость к обновленческому соблазну проявила Константинопольская Патриархия. Фанар, заинтересованный в ослаблении Русской Церкви ради утверждения собственного полновластия в православном мире, откровенно поддерживал обновленческих раскольников, что фактически привело к временному разрыву общения Московской Патриархии с ним¹. Обновленческая проблема не обошла стороной и русско-грузинские церковные отношения, и без того в то время весьма непростые.

Как известно, в марте 1917 г. частью грузинского епископата, священников и мирян было в явочном порядке объявлено о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви. Такой образ действий не встретил сочувствия со стороны Православной Российской Церкви. В декабре 1917 г. новоизбранный Патриарх Тихон обратился к грузинским епископам-автокефалистам с призывом не уподобляться болгарским схизматикам, а решить вопрос в каноническом порядке на Всероссийском Соборе: «Только Собор кириархальной Церкви может даровать независимость той или иной поместной Церкви, без Собора же кириархальной Церкви всякие акты провозглашения церковной независимости признаются недействительными и не имеющими канонической силы»². Грузинские деятели, однако, не вняли этому призыву, напротив, стали стремиться захватить и негрузинские (русские, греческие и др.) приходы на Кавказе, где могли. Политическая обстановка (начало гражданской войны в России, провозглашение государственной независимости Грузии) этому благоприятствовала. Другие православные поместные Церкви, как и Русская, также не признали самочинной грузинской автокефалии. В частности, Патриархи Константи-

¹ Подробнее см.: Мазырин А., свящ. Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол // Богослов.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bogoslov.ru/text/477054.html.

² Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М.Е. Губонин. М., 1994. С. 74.

нопольский Герман V и Антиохийский Григорий IV призвали грузин послушаться Патриарха Тихона. Обращения Восточных Патриархов также не возымели должного действия. В августе 1919 г. Католикос-Патриарх Леонид (Окропиридзе) выпустил открытое послание с ответом на письмо Патриарха Тихона, в котором оправдывал восстановление автокефалии Грузинской Церкви незаконностью ее упразднения светской властью в 1811 г.¹ Таким образом, взаимоотношения Грузинской Церкви с Русской, равно как и с другими Поместными Церквями, зашли в тупик. Впрочем, вскоре Фанар стал искать свой интерес на грузинском направлении и в ноябре 1919 г. отрядил туда своего эмиссара – митрополита Трапезундского Хрисанфа (Филиппидиса), который в июле 1920 г. сообщил в Стамбул, что, по его мнению, «исключительно примирительное вмешательство первенствующей Константинопольской Церкви [...] поможет устранить расхождения между Русской и Грузинской Церковью и убедить святейший Российский Синод признать восстановление [...] автокефального статуса Грузинской Церкви»². (Впоследствии «исключительно примирительное вмешательство» Фанара проявилось в том, что он стал числить Грузинскую Церковь автономной в своей собственной юрисдикции, с чем грузины, разумеется, категорически не соглашались.)

В мае 1922 г. в Русской Церкви был осуществлен инспирированный руководством РКП (б) переворот: Патриарх Тихон был насильственно отстранен от высшей церковной власти, каковой затем было самочинно объявлено обновленческое ВЦУ. Раскольники-обновленцы, коль скоро они стали претендовать на то, что являются законными представителями Православной Российской Церкви, рано или поздно должны были обратиться к грузинскому вопросу. На съезде «Живой Церкви» 1922 г. и обновленческом «Поместном Соборе» 1923 г. он еще

¹ Матешвили Л., прот. Леонид (Окропиридзе) // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 464.

² Χρυσανθος, μητρ. Τραπεζουντος. Εκθεσις περι της Εκκλησιας της Γεωργιας // Εκκλησιαστικη Αληθεια. 1920. 1 αυγ. Σ. 268; Ермилов П., диак. Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 258.

не затрагивался. Между тем в 1923 г. в Грузинской Церкви был произведен переворот, отчасти аналогичный обновленческому перевороту 1922 г. в Церкви Русской. Католикос-Патриарх Амвросий (Хелая), допустивший ряд преступных, с точки зрения советской власти, политических выступлений, был заключен под домашний арест, а церковная власть перешла в руки новоучрежденного ВЦУ под председательством возглавлявшего местную просоветскую «Группу обновления и реформ» епископа Христофора (Цицкишвили). Однако в отличие от российских обновленцев грузинские не стали объявлять своего патриарха «лишенным сана». Их глава сначала был объявлен заместителем Католикоса, а позднее, после смерти Патриарха Амвросия, занял его место. Такого вопиющего разрыва в преемственности высшей церковной власти, как в случае с обновленческим ВЦУ в России, в Грузии не было. Тем не менее российские обновленцы могли надеяться, что на почве верности советской власти им удастся установить общение с грузинским церковным управлением, возглавляемым Христофором (Цицкишвили), а при удачном стечении обстоятельств даже и подчинить его себе.

На обновленческом «Великом Предсоборном Совещании» в июне 1924 г. было объявлено о получении среди других и приветствия из Грузии: «Грузинская автокефальная церковь выражает уверенность, что Русская церковь навсегда отмежевалась от старой церковной политики Петровского синода – политики вмешательства в дела автокефальной Грузинской церкви, от чего последняя страдала в течение ста лет, с 1811 года»¹. «Политику вмешательства» обновленцы на словах тоже осуждали, однако им было что терять в Грузии. Еще в декабре 1922 г. организованный в Тифлисе «Союз православных русских приходских советов» под председательством «протоиерея» Иоанна Лозового объявил о своем признании московского обновленческого ВЦУ. В сентябре 1923 г. постановлением обновленческого

¹ Приветствия великому предсоборному совещанию // Церковное Обновление. 1924. 1 авг. № 9–10. С. 41.

«Священного Синода» эти приходы были подчинены «епископу Бакинскому» Петру Данилову, а в феврале 1924 г. синодальным уполномоченным «в делах Русской Церкви по Грузии и Армении» был назначен Лозовой¹. По обновленческим данным (по всей видимости, изрядно завышенным), в 1924 г. в ведении их лжесинода числилась Тифлисская епархия, правда, без епископа, но с сорока священниками, которые служили в сорока церквях. В соседней Бакинской обновленческой епархии, по тем же данным, насчитывалось 16 церквей, 28 священников и 4 диакона². Конечно, не все русские священники, монахи и миряне в Грузии уклонились в обновленчество. Оставшихся верными Православной Церкви там возглавлял благочинный монастырей игумен Антоний (Романовский), хиротонисанный Патриархом Тихоном и митрополитом Петром в ноябре 1924 г. в епископа Эриванского с одновременным назначением управляющим Сухумской епархией. Только в отличие от обновленцев, русских и грузинских епископ Антоний расположением власти не пользовался и в январе 1927 г. в результате доноса был арестован и сослан в Марийскую область³.

28 января 1925 г. заместитель Католикаса митрополит Христофор обратился к обновленческому лжесиноду с письмом, к которому приложил послание Патриарха Леонида Патриарху Тихону 1919 г. От себя митрополит Христофор писал обновленцам: «Грузия есть Суверенная ССР, добровольно входящая в СССР. Принцип насильственного, механического объединения жизнью отвергнут даже в политическом отношении. Если Священный Синод считает Грузинскую Церковь православною и автокефальною, то он, согласно канонам церкви, на территории Грузии не должен иметь никаких епархиальных или каких-либо церковных управлений, а с своей стороны дол-

¹ См.: Мельникова И.Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 63.

² Обзор современного положения РПЦ. Священный Синод в 1924 году // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1. С. 15–16.

³ Э.П.Р. Антоний (Романовский) // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 641.

жен содействовать тому, чтобы все православные, живущие в Грузии – русские, грузины и пр., входили в состав Грузинской церкви». В обмен на согласие обновленцев с таким подходом грузины обещали предоставить местным русским право самим избрать себе епископа, который входил бы в состав епископата Грузинской Церкви¹.

Январское письмо митрополита Христофора было получено обновленцами в Москве только 22 марта. Реагируя на него, их лжесинод 26 марта 1925 г. образовал «Закавказский Митрополитанский округ» в составе Бакинской, Тифлисской и Сухумской епархий с центром в Баку. «Митрополитом» был назначен «архиепископ» Петр Сергеев². После этого «Священный Синод» обратился к заместителю Католикоса с ответным посланием, в котором, с одной стороны, заявил, что «не может принять на себя ответственности за действия Святейшего Синода или бывшего Патриарха Тихона», но, в то же время поставил грузинам на вид, что, «будучи суверенной в делах внутреннего самоуправления, Грузия в вопросах общего государственного строительства не порывает связи, а работает в тесном соединении с СССР». «Подобно этому, и Священный Синод Российской Православной Церкви, блюдя мир, единение во всей православной Церкви в пределах СССР, признает для обоюдного блага жизненно необходимым для Грузинской Церкви не порывать своей органической связи с центром и соподчиняться ему в моменте общего Собора. Только таким путем может быть осуществлен вполне принцип территориальной автокефалии Грузинской Церкви и вместе с тем не нарушено будет каноническое единство между братскими Церквями – Российской и Грузинской»³.

В июле 1925 г. Тифлис посетил гастролировавший по стране «митрополит-благовестник» Александр Введенский. Свои пу-

¹ Послание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 3.

² Движения и перемены по службе // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 4.

³ Послание Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 2. С. 3.

тевые заметки он в то время регулярно публиковал на страницах рязанского журнала «Церковное Обновление». О поездке в Грузию он писал: «В Тифлисе у нас нет архиерея. Но дай бог, чтобы лучший из нас так умно, так тактично и так преданно держал знамя святого обновления, как синодальный уполномоченный о. протоиерей И. Лозовой. [...] В Тифлисе я посетил знаменитый грузинский собор, сделал визит католикоосу. За его отсутствием (патриарх в Боржоме) ответный визит мне отдал его представитель – митрополит Иоанн»¹.

Обновленцы не оставляли надежды видеть грузин в своих рядах. 16-й пункт «Положения о созыве III Всероссийского Поместного Собора православных церквей на территории СССР в 1925 году» гласил: «Грузинская церковь приглашается прислать своих делегатов для установления братских взаимоотношений и участия в общем строительстве церковной жизни на территории СССР»². Грузины, однако, «в общем строительстве» с обновленцами в тот момент участвовать не захотели, и на московском лжесоборе 1925 г. Петру Сергееву пришлось представлять Закавказье в гордом одиночестве³. 12 декабря 1925 г. Совет Грузинского Католикосата под председательством митрополита Христофора отписал российским раскольникам, что только «распоряжение о немедленном подчинении находящихся в Грузии приходов с русским населением церковным властям (грузинским. – *Свящ. А. М.*) будет действительным залогом общения Русской Церкви с Грузинской»⁴.

На пленуме обновленческого лжесинода 17 апреля 1926 г. «митрополит Закавказский» Петр доложил о «благополучном со-

¹ Диспуты митрополита Александра Введенского // Церковное Обновление. 1925. 24 дек. № 15–16. С. 130.

² Положение о созыве III Всероссийского Поместного Собора Православных Церквей на территории СССР в 1925 году // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 4. С. 1–2.

³ См.: Деяния III Поместного Собора Православных Церквей на территории СССР // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 6 (2). С. 3–6.

⁴ Цит. по: *Мельникова И.Е.* К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 64.

стоянии епархии Бакинской» и посетовал, что «по Тифлисской епархии синодальные церкви находятся в весьма тяжелом положении вследствие напора на них грузинского духовенства»¹. «Напор» грузин на обновленцев в какой-то мере может быть проиллюстрирован и данными статистики, публиковавшейся в московском «Вестнике Священного Синода». Если в 1924 г. Тифлисская обновленческая епархия имела 40 церквей, а Бакинская – 16, то на 1 октября 1925 г. в составе Закавказской обновленческой митрополии Тифлисская епархия уже вообще не фигурировала, в то время как Бакинская по-прежнему располагала 16 церквями, в которых служили 38 человек духовенства (не считая «митрополита»)².

Между тем поиски компромисса между обновленцами и грузинами продолжались. Еще 22 декабря 1925 г. московский лжеинод предложил своему уполномоченному в Грузии Лозовому выяснить, согласны ли подведомственные ему приходы перейти в подчинение Католикосату. В ответ в феврале 1925 г. было сообщено, что «объединение с Церковью Иверской православных шести церковных общин должно быть при условии сохранения самобытного, национального их лица в автономном их устройстве на началах объединения общин с русским населением под управлением своего особого органа»³. То есть Лозовой и о «самобытно-национальном лице» заботился, и о собственном положении во главе «особого органа». В итоге он получил, что хотел.

На пленуме обновленческого лжеинода 31 января 1927 г. «митрополит Московский» Серафим (Руженцев) в очередной раз поставил вопрос «о Грузинской Церкви и Закавказской и Северо-Кавказской Митрополии». Как гласил опубликован-

¹ Деяния Пленума Священного Синода православной Российской церкви // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 10 (6). С. 9.

² Православная Церковь на территории СССР. К 1 октября 1925 г. // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1926. № 7 (3). С. 2.

³ Цит. по: Мельникова И.Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 64.

ный протокол заседания пленума, докладчик «с сожалением» констатировал позицию грузин: «Грузинская Церковь, явочным порядком установившая в 1917 году свою автокефалию, до сих пор держится особняком, несмотря на дружественную готовность Российского Священного Синода завязать с ней братские сношения»¹. Однако, вопреки такому пессимистическому тону протокола, в самом докладе Руженцева по грузинскому вопросу было немало и оптимистических нот. Прежде всего он поведал пленуму о полученной из Стамбула особой «грамоте о Грузинской Церкви», в которой «Вселенский Патриарх сообщил, что без согласия Св. Синода он не будет разрешать вопроса об автокефалии Грузии». Далее лжемитрополит Серафим отчитывался: «Отношения наши к Грузинской церкви значительно подвинулись к благополучному концу. Исполняя волю Вселенского Патриарха, Св. Синод снова обратился к патриарху Грузии Амвросию с представлением о необходимости возобновить каноническое общение с Русской церковью. [...] Последние ответы Грузии, свидание Митрополита Закавказского Петра с представителями Грузинской Церкви в Тифлисе, дает нам уверенность в благополучном разрешении нашего спора и, таким образом, пред Священным Синодом в настоящую минуту стоит вопрос о признании автокефалии Грузии и мирном разрешении всех спорных деталей, в соответствии с основным желанием Священного Синода предоставить национальностям СССР свободу в устроении своей церковной жизни в братском единении и любви с Российской Православной Церковью»².

Как видно, грузинам предлагалась своего рода сделка: они вступают в «каноническое общение» и пребывают «в братском единении и любви» с обновленцами, а те в ответ ходатайствуют перед Фанаром о признании их автокефалии. 8 февраля 1927 г.

¹ Протоколы заседания общего собрания (Пленума) членов Священного Синода Православных Церквей на территории СССР 30 января – 1 февраля 1927 года // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 9.

² Доклад Общему Собранию Членов Священного Синода 31 января 1927 года по Административному и Иностранному Отделам // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 18.

раскольнический лжесинод постановил «составить особый акт по делу признания Автокефалии Грузинской Церкви и препроводить его Восточным Православным Патриархам и Грузинской Церкви с молитвенным пожеланием: да процветает на вечные времена древнейшая христианская автокефальная Грузинская Церковь в союзе мира и любви со всею Православною Христовою Церковью». Сам же обновленческий акт гласил: «Автокефалию Грузинской Церкви признать. Епархии Тифлисскую и Сухумскую не считать в ведении Священного Синода. Вопрос об их передаче решить по сношении с Католикосатом Грузии, с тем чтобы русские православные приходы сохранили русский уклад церковной жизни»¹.

Грузин такое решение проблемы русских приходов совершенно устраивало. Замещавшее отстраненного от церковной власти Католикоса-Патриарха Амвросия «Временное Управление Грузинской Православной Церкви» под председательством митрополита Сухумского Христофора 28 марта заслушало обновленческий акт «с чувством удовлетворения и признательности». «Господь наш Иисус Христос да содействует Священному Синоду Российской Православной Церкви в осуществлении возложенных на него великих задач в деле утверждения среди сынов и дочерей Российской Православной Церкви мира, единения, взаимной любви в деле достижения ими земного благополучия и вечной жизни под мудрым водительством Священного Синода», – завершали грузины свое послание российским раскольникам².

Неудобный большевикам Католикос-Патриарх Амвросий скончался 29 марта 1927 г., на следующий день после выражения его заместителями «чувства удовлетворения и признательности» обновленцам. «Священный Синод, – сообщал о событии обновленческий циркуляр, – немедленно по получении известия о кончине святейшего патриарха Амвросия

¹ Акт о признании автокефалии грузинской церкви // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 2 (15). С. 15.

² Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 5–6 (18–19). С. 3.

выразил искреннее соболезнование Грузинской Церкви»¹. Новым Католикосом спустя три месяца был избран устроивший советскую власть митрополит Христофор, о чем он торжественно известил обновленческий лжесинод, снова пожелав последнему «мудрого водительства» Российской Православной Церкви»². «В настоящем братском обращении Вашего Святейшества к Священному Синоду, – ответили 18 августа 1927 г. обновленцы новоизбранному Патриарху, – залог укрепления уже восстановленных, благодарение Богу, нормальных взаимоотношений между Автокефальной Грузинской Православной Церковью и Священным Синодом Православной Российской Церкви»³.

Параллельно с установлением «нормальных взаимоотношений» Грузинской Церкви с российскими обновленцами еще более тесные связи были налажены ею (на почве взаимопризнания автокефалий) с обновленцами украинскими. По случаю Пасхи 1927 г. харьковский «Священный Синод» направил поздравление Католикосу-Патриарху Амвросию «с выражением пожелания об установлении братского единения между церквями Грузинской и Украинской». За скончавшегося Патриарха Амвросия 8 июня 1927 г. ответил еще митрополит Христофор, сообщивший, что «Управление Грузинской Церкви искренно радуется такому пожеланию и готово поддержать единение автокефальных церквей на началах евангельской любви, равноправия и единства в догматах и вероучении единой Православной Кафолической Церкви и желает Украинской Православной Церкви плодотворной деятельности и процветания»⁴. После своего избрания Католикосом Патриарх Христофор направил украинскому «Синоду» известительную грамоту, практически

¹ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 4 (17). С. 7.

² Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 2.

³ Там же.

⁴ Ответные приветствия Предстоятелей Грузинской и Финляндской Православных Церквей // Украинський православний благовісник. 1927. № 13. 1 июля. С. 203.

дословно повторяющую грамоту российским обновленцам, в которой тоже пожелал «мудрого водительства»¹.

В издаваемой ныне «Православной энциклопедии» по поводу событий 1927 г. в жизни Грузинской Церкви сообщается: «Усилиями Католикоса-Патриарха [Христофора] были установлены отношения с рус[ским] епархиальным управлением. Для сохранения рус[ских] церковных обычаев на территории Грузии было создано Церковное управление русских православных общин Грузинского Католикосата, способствовавшее нормализации отношений ГПЦ и РПЦ. Устанавливая пути к возобновлению молитвенного общения с РПЦ и др. Поместными Церквями, Католикос-Патриарх Христофор III стал направлять рождественские и пасхальные послания Главам РПЦ, Вост[очных] и автокефальных церквей»². В статье только не уточнено, что «русским епархиальным управлением», с которым Католикос-Патриарх Христофор вошел в общение и на базе которого было создано «Церковное управление русских православных общин Грузинского Католикосата», было обновленческим. Также и рождественские, и пасхальные послания, которые он стал направлять «Главам РПЦ», направлялись главам обновленческого раскола – лжемитрополитам Вениамину (Муратовскому) и его преемнику Виталию (Введенскому).

Не был забыт в 1927 г. и главный русско-грузинский обновленец И.Е. Лозовой. 13 июля московский раскольнический лже-синод постановил: «Протоиерей г. Тифлиса Иоанн Лозовой, во внимание к его трудам по установлению нормальных отношений между Грузинской и Русской Церквями, награжден саном Протопресвитера»³. Примечательно, что, войдя в состав клира ГПЦ, новоявленный «протопресвитер» не перестал быть обновленцем и продолжил получать от раскольников новые награды.

¹ Священному Синоду Украинской Православной Церкви // Український православний благовісник. 1927. № 16. 15 авг. С. 259.

² Грузинская Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 222.

³ Список лиц, удостоившихся награждения от Св. Синода // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 46.

В 1932 г. он получил «право» осенения дикирием и трикирием и ношения жезла без сулка, причем Католикос-Патриарх благословил его эти награды принять¹. Это вызвало возмущение ряда грузинских клириков, недовольных прообновленческой линией Христофора (Цицкишвили)². Приходилось, однако, мириться с наличием в своих рядах такого жезлоносного «собрата и сослужителя».

Согласно обновленческому «Вестнику», Поместный Собор Грузинской Церкви, состоявшийся в Тифлисе 21–27 июня 1927 г., категорически заявил о невозможности иметь какую-либо связь с антисоветскими партиями и группами и издал ряд определений по церковно-каноническим вопросам. В частности, Собор разрешил второбрачным мирянам принимать священный сан, но не разрешил жениться повторно вдовым священникам. Характерное для обновленцев второбрачие клириков, таким образом, Грузинской Церковью отчасти было допущено (если эти браки были до посвящения), но до женатого «епископата» дело не дошло. Также Собор постановил с 14 ноября 1927 г. ввести в Грузинской Церкви новый календарный стиль³.

Однако, прежде чем вводить новый стиль, Католикос-Патриарх Христофор запросил 9 августа 1927 г. «Священный Синод Российской Православной Церкви», то есть обновленцев: «Не будучи уверены в созыве VIII Вселенского Собора в скором будущем, нам весьма желательно знать с точностью, в каком положении находится в настоящее время вопрос о введении нового календаря в Св. Российской Православной Церкви, и какое существенное возражение может быть выставлено против одновременно празднования Св. Пасхи вместе с христиана-

¹ Лавринов В., *прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 338.

² Мельникова И.Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 66.

³ Поместный Собор Грузинской Православной Церкви 21–27 июня 1927 года // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 46.

ми западных церквей»¹. На этот запрос российские раскольники ответили, что «вопрос о введении нового стиля в церковную жизнь получил авторитетное решение в положительном смысле на Соборе 1923 года. [...] Что же касается празднования Пасхи, то таковое всякий год совершается по указанию Вселенского Патриарха»². Признав обновленческий «Священный Синод», грузины, таким образом, должны были признать «авторитетным» и московский лжесобор 1923 г.

Очередному пленуму обновленческого лжесинода в ноябре 1927 г. из Грузии была направлена телеграмма: «Москва. Священный Синод. Митрополиту Вениамину. В лице Вашего Высокопреосвященства братски приветствую Пленум Синода и молю Господа, да поможет Он Синоду направить корабль Российской Церкви в тихую пристань Христовой любви. Католикос-Патриарх Грузии Христофор»³. В ответ на пленуме «возглашается многолетие Патриарху-Католикосу Грузии Христофору, коему и посылается приветственная телеграмма»⁴. В докладе пленуму «митрополит Кавказский» Петр Сергеев сообщил, что «в настоящее время 12 русских церквей в Грузии переданы в ведение Грузинского католикосата и управляются особым своим административным органом». Не удержался докладчик и от озвучивания приятного обновленцам слуха: «Передают, что [...] признал автокефалию Грузинской Церкви и м[итрополит] Сергей Нижегородский, как глава староцерковников, но грузины отвергли это признание»⁵. (Непонятно, правда, почему бы они так странно поступили.)

Кульминацией грузино-обновленческого единства стало отправление московским раскольничьим лжесинодом отношения от 25 декабря 1927 г. Восточным Патриархам о признании

¹ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1927. № 9–10 (22–23). С. 2.

² Там же.

³ Часть официальная // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1928. № 1 (24). С. 2.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 7.

автокефалии Грузинской Церкви, этот документ на греческом языке сохранился в архиве Грузинской Патриархии с пометкой «для служебного пользования»¹. Фанар, однако, с признанием новой автокефалии спешить не стал.

Дальнейший обмен приветствиями между обновленцами и грузинами носил уже более формальный характер. Так, на Рождество 1928/1929 г. была получена телеграмма от Грузинского Патриарха Христофора: «Братскою любовью взаимно приветствую ваше Высокопреосвященство и Священный Синод»². После смерти председателя обновленческого лжесинода Вениамина (Муратовского) в мае 1930 г. Католикос Христофор направил в Москву послание, в котором сообщил, что его Синодом «память о почившем Владыке почтена была вставанием и пением почившему вечной памяти». «Искренне соболезнуя Св. Синоду Всероссийской Православной церкви в этой тяжелой утрате, – продолжал далее Христофор, – я вместе с Патриаршим Синодом выражаю радость в том, что Великий Пастыреначальник воздвиг достойного преемника приснопамятному почившему Владыке Вениамину в лице митрополита Виталия»³.

Лжемитрополит Виталий (Введенский), которого столь радостно приветствовал Католикос Христофор, оставался во главе обновленческого раскола более десяти лет, после чего передал полномочия своему однофамильцу «митрополиту» Александру. Находясь во время войны в эвакуации в Ульяновске, Александр Введенский не удовлетворился титулом обновленческого «Первоиерарха» и в ноябре 1941 г. предписал поминать себя по формуле: «Вел[икого] госп[одина] и отца, Святейшего и Блаженнейшего Первоиерарха Александра, Патриарха Московского и православных церквей Богохранимой

¹ Мельникова И.Е. К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2. С. 65.

² Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1929. № 3–4 (36–37). С. 1.

³ Грамота Св. Синоду патриарха-Кафоликоса Грузии Христофора // Вестник Священного Синода Православных Церквей в СССР. 1930. № 5–6 (48–49). С. 1.

страны нашей»¹. «Назвав себя патриархом, – характеризовал ситуацию церковный историк А.И. Кузнецов со слов епископа Сергия (Ларина), бывшего в описываемое время видным обновленческим деятелем в Москве, – Введенский послал некоторым главам Церкви об этом событии уведомления, но не в форме известительных грамот, а в форме частных писем. Как мне (Ларину. – *Свящ. А. М.*) говорил позднее Святейший Католикос-Патриарх Каллистрат, он получил такое письмо от Введенского, был весьма удивлен и продолжал в письмах к нему именовать его митрополитом»². Последнее, надо заметить, Святейшему Каллистрату тоже чести не делало, поскольку и *митрополитом* Александра Введенского именовать было нельзя.

После избрания митрополита Сергия (Страгородского) Патриархом Московским и всея Руси 8 сентября 1943 г. среди других предстоятелей Поместных Церквей его не преминул поздравить и Католикос-Патриарх Каллистрат, направив 14 сентября в Москву депешу: «Грузинская церковь, объединяющая православных всех национальностей Грузии и ее автономных республик и областей, с любовью приветствует единовенную Русскую Церковь с ее возглавлением Патриархом Московским и всея Руси и избранием Священного при нем Синода и надеется, что церкви-сестры заживут в добром согласии, духовном единении и взаимной любви, исполняя каждая свое призвание во славу Божию и ко благу великого Отечества нашего»³. Пытаться выработать согласованную с грузинами оценку восстановления в явочном порядке их автокефалии было безнадежным занятием, но расставить все точки над *i* в вопросе их взаимоотношений с обновленцами было необходимо. 21 сентября Патриарх Сергей ответил Католикосу телеграммой: «Раду-

¹ Кузнецов А.И. Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002. С. 557.

² Там же. С. 564.

³ Приветственные телеграммы, полученные Патриархом Сергием из-за границы и СССР // Журнал Московской Патриархии. 1943. 15 окт. № 2. С. 14.

юсь, слыша голос Грузинской Церкви, разделяю надежды, желания. Благодарю Ваше Святейшество за поздравления. Русскому епископу Антонию Ставропольскому быть у Вас, выяснить подробности»¹.

28 октября 1943 г. архиепископ Ставропольский и Пятигорский Антоний (Романовский) прибыл к Святейшему Каллистрату и официально объявил ему, что «Русская Патриархия не находит возражений против признания Грузинской Церкви автокефальной территориально в границах Грузинской ССР». «Но автокефалия для церковников как Грузинской Церкви, так и для Русской Церкви, – продолжил свою заготовленную речь архиепископ Антоний, – теряет почти всякий интерес, если одновременно не будет восстановлено молитвенное и каноническое общение между нашими двумя Церквями. Препятствием же к восстановлению молитвенного и канонического общения для Русской Церкви может явиться молитвенное общение Грузинской Церкви с отделившимися от нашей Русской Церкви разными церковными группами антиканонического характера. [...] Я по долгу своего представительства от Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси почтительнейше прошу Вас, Ваше Святейшество, благоволите ответить исчерпывающе и, по возможности, в письменной форме, на следующий вопрос: в каком отношении Грузинская церковь находится к вышеупомянутым группам?». В ответ Католикос Каллистрат заверил архиепископа Антония, что «находящиеся в Грузинском Католикосате церковные приходы [...] не имеют никаких антиканонических уклонов, могущих помешать возобновлению молитвенно-канонического общения Русской и Грузинской Церквей». Очевидно, здесь имелись в виду приходы, принятые в 1927 г. Католикосатом из ведения обновленческого «Священного Синода».

Такой оптимистичный ответ не был сочтен архиепископом Антонием достаточным и согласно представленному им затем

¹ *Вардосанидзе С., Н. Т.-М. Каллистрат (Цинцадзе) // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 560.*

докладу он «задал целый ряд вопросов Католикосу, Патриарху Грузии, а именно: имеется ли у них женатый епископат; есть ли второбратное духовенство; не имеют ли они молитвенного общения с антиканоническими группами, отколовшимися от Русской Церкви и ею осужденными; и только после того, когда Католикос-Патриарх заверил его исчерпывающими ответами, Преосвященный Архиепископ Антоний, согласно данным полномочиям от Его Святейшества Патриарха Московского, нашел канонически возможным просить разрешения на совместное служение, которое и состоялось в ближайшее воскресенье, 31 октября, в древнем грузинском кафедральном Сионском соборе, чем фактически и возобновлено молитвенное общение между двумя Церквями»¹.

19 ноября 1943 г. Священный Синод при Патриархе Московском, заслушав доклад архиепископа Антония и уверившись из него, что Грузинская Церковь не одобряет ни женатый епископат, ни второбрачие духовенства и не имеет молитвенного общения «с антиканоническими группами, отколовшимися от Русской Церкви и ею осужденными», постановил признать «молитвенное и евхаристическое общение между обеими автокефальными Церквями-сестрами, Русской и Грузинской, к нашей общей радости, восстановленным». Тем же постановлением предписывалось «просить Святейшего Патриарха, Католикоса Грузии, приняв православные русские приходы в Грузинской ССР в свое архипастырское окормление, предоставить им сохранять в своей богослужебной и приходской практике те порядки и обычаи, которые они наследовали от Русской Церкви»². Помимо русских приходов в Грузии Патриарху-Католикосу передавались «по дальности расстояния» и таковые на территории Армении.

¹ Доклад Преосвященного Архиепископа Ставропольского и Пятигорского Антония о данной ему Святейшим Патриархом Сергием командировке в г. Тбилиси // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 13–14.

² Выписка из журнального определения Священного Синода при Святейшем Патриархе Московском и всея Руси от 19 ноября 1943 года № 12 // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 7.

Вслед за этим Патриарх Сергей известил о произошедшем Восточных Патриархов, кратко изложив им историю вопроса и указав на то, что «грузины делали попытки к примирению, но с русской стороны эти попытки решительно отклонялись [...] отчасти по инерции, а отчасти и в обиду на “самоволие” грузин». Обновленческого сюжета в истории русско-грузинских церковных отношений Святейший Сергей в посланиях на Восток не касался. «Твердо верю, – писал в заключении Московский Патриарх Константинопольскому, Александрийскому, Антиохийскому и Иерусалимскому, – что Ваша Святыня вместе с небесными силами разделите нашу общую радость и своими теплыми молитвами за ту и другую из примирившихся Церквей утвердите состоявшееся примирение»¹. Как видно, грамоты Восточным Патриархам были составлены в максимально благоприятном для грузин ключе, но последним в вопросе признания их автокефалии греками это не помогло (Фанар признал ее только в 1990 г. – по сути дела, уже в другую историческую эпоху).

21 ноября Патриарх Сергей в Елоховском соборе объявил в проповеди народу о примирении двух Церквей, а 22 ноября написал об этом Председателю Совнаркома, ввиду его «сочувственного отношения к нуждам Православной Церкви» и «интереса к ее судьбам». Московский Патриарх, указав в качестве главной причины былого разделения на «наш великодержавный шовинизм», сообщил Сталину о выяснившемся «полном согласии в вере и верности церковному преданию» с Грузинским Католикосом и о том, что «радость богомольцев, как русских, так и грузин была общая, трудно описуемая!»²

В налаживании отношений с Грузинской Церковью, правда, Московская Патриархия столкнулась еще с некоторыми трудностями, но, скорее, уже технического характера. В записи состоявшейся 25 ноября 1943 г. беседы председателя Совета по

¹ Известительные грамоты Патриарха Сергея Восточным Патриархам // Журнал Московской Патриархии. 1944. Март. № 3. С. 11–12.

² Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. М., 2009. С. 80–81.

делам Русской Православной Церкви при СНК СССР Г.Г. Карпова с Московским Патриархом, например, отмечено: «Сергий заявил, что в первых числах ноября, по сообщению архиепископа Романовского, бывшего в то время в Тбилиси, католикосом Грузинской церкви Каллистратом была послана телеграмма на его имя по поводу состоявшегося соглашения между Русской и Грузинской православными церквями о каноническом и молитвенном общении, но по не известным для Сергия причинам эта телеграмма до сего времени не поступала, и Сергий высказал при этом свое недоумение. Председателем Совета было рекомендовано поручить Романовскому выяснить этот вопрос на телеграфе в Тбилиси»¹.

Аналогичные проблемы зафиксированы и в записи беседы, состоявшейся в Совете по делам Русской Православной Церкви 11 января 1944 г.: «Патриарх Сергий поставил в известность тов. Карпова, что некоторое время тому назад им была получена телеграмма от католикоса Грузинской церкви Каллистрата, уведомляющая, что на имя патриарха он направил письмо, до получения которого просит воздержаться от опубликования в «Журнале Московской патриархии» решение Синода по вопросу Грузинской церкви. Патриарх Сергий заметил, что, несмотря на то, что прошло более двух недель со дня получения телеграммы, письма от католикоса он не имеет и поэтому не знает, какие замечания имеет католикос по поводу вынесенных решений. Кроме того, патриарх Сергий поставил в известность тов. Карпова, что в переписке с католикосом находится Новосибирский архиепископ Гордцев Варфоломей, который в ноябре месяце 1943 года ставил в известность Сергия, что католикосом было направлено на имя Сергия письмо, однако также письма Сергий не получал, а потому он думает, не противодействует ли кто-либо в Грузии установлению связи между католикосом Каллистратом и

¹ Цит. по: *Одинцов М.И.* Русские Патриархи XX века: Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1: «Дело» Патриарха Тихона; Крестный путь Патриарха Сергия. М., 1999. С. 301.

патриархом Сергием»¹. Вероятно, какое-то противодействие действительно было. В конце концов, однако, недоумения улеглись. Синодальные постановления по грузинскому вопросу были в «ЖМП» опубликованы, хотя и с трехмесячной задержкой (в номере не за декабрь 1943-го, как первоначально планировалось, а за март 1944-го).

В завершение темы можно еще коснуться судьбы главного закавказского обновленца «протопресвитера с жезлом» Иоанна Лозового. В 1937 г. он, как и многие другие клирики, был арестован за «антисоветскую деятельность» и приговорен к 10 годам лагерей. В 1943 г. по личному ходатайству Католикоса-Патриарха Каллистрата (Цинцадзе) Лозовой (фигурирующий в литературе еще как Лозовский²) был освобожден, но возвращаться в Грузию побоялся и нашел прибежище в Ульяновске у «Первоиерарха» Александра Введенского (не зря тот в 1925 г. отзывался о нем, как о лучшем держателе «знамени святого обновления»). Через некоторое время Введенский отправил Лозового в качестве своего личного эмиссара в Ташкент (Средняя Азия в тот момент оставалась одним из последних оплотов обновленчества). Но в начале 1944 г., видя, что обновленчество клонится к закату, «протопресвитер» Иоанн своему «Первоиерарху» изменил и начал зондировать почву о возможности почетного возвращения в юрисдикцию Московской Патриархии³. Командированный в Ташкент принимать покаяние у обновленцев архиепископ Алексей (Палицын), однако, столкнулся в вопросе о возвращении Лозового в лоно Православной Церкви с серьезным затруднением: «протопресвитер» оказался второбрачным, и по канонам оставлять его в священном сане не следовало. В связи с этой проблемой Лозовой дал архиепископу Алексею письменное разъяснение: «Брак мой был гражданский. Католикос Патриарх Христофор благословил брак, ныне здравствующий

¹ Там же. С. 305.

² См.: Грузинская Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. Т. 13. С. 222.

³ Дорфеев Р. Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексея (Палицына) 1943–1944 годов // Восток Свыше. 2015. № 2 (37). С. 64–68.

Католикос Каллистрат также знает мое второбрачие, тем не менее, оно не препятствовало нашему каноническому общению. Вместе с Католикосом в течение 10 лет я находился в общении»¹. Ради облегчения преодоления раскола в Средней Азии архиепископ Алексей в марте 1944 г. временно принял Лозового в священном сане, но окончательное решение вопроса о нем оставил Патриарху².

Сам Лозовой тоже времени не терял и решил использовать в своих интересах восстановление общения Русской и Грузинской Церквей, предложив Патриарху Сергию назначить себя представителем Московской Патриархии в Грузии. Получив такое неординарное предложение, Святейший Сергей запросил мнение на этот счет архиепископа Антония (Романовско-го) как наиболее сведущего в грузинских делах. Отзыв архиепископа Антония о Лозовом, не без участия которого его в 1927 г. арестовали и выслали из Грузии, был жестким. В докладной записке архиепископа Ставропольского Московскому Патриарху от 25 февраля 1944 г. просьба Лозового характеризовалась как противоканоничная и преступная, поскольку он «связан официально вторым церковным браком через венчание и является второрожденцем, а потому принимать его в сущем сане в общении с Православной Церковью, а тем более устроить его в качестве представителя от Русской Патриархии, является, с точки зрения свящ[енных] канонов, актом противозаконным и для Православной Церкви и Иерархии оскорбительным и недопустимым»³. Окончательно вопрос о Лозовом был решен уже после кончины Святейшего Сергия. В июле 1944 г. Священный Синод при Патриаршем Местоблюстителе митрополите Алексии (Симанском), приняв, видимо, во внимание отзыв архиепископа Антония, постановил лишить Лозового сана за двоеженство, после чего тот вернулся

¹ Заславский В.Б. Церковная смута в Туркестанской епархии (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан и другим источникам) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 243.

² Там же.

³ Архив Московской Патриархии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2154. Л. 14 об.

в Тбилиси к более снисходительному к нему Католикосу Каллистрату¹.

В дальнейшем обновленческий аспект во взаимоотношениях двух Церквей не затрагивался, но можно заметить, что признание грузинской автокефалии Московской Патриархией в 1943 г. прошло примерно по той же схеме, что и признание ее раскольническим лжесинодом в 1927 г.: с передачей Католикоосу русских приходов не только в Грузии, но и в Армении, с ходатайством за грузин перед греками и даже с фактически одинаковым результатом этого ходатайства, а именно его неудачей, поскольку Фанар исходил из собственных корыстных интересов, но это уже другая тема.

Библиографический список

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994.
2. Архив Московской Патриархии. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2154. Л. 14–14 об.
3. *Вардосанидзе С., Н. Т.-М.* Каллистрат (Цинцадзе) // Православная энциклопедия. Т. 29. М., 2012. С. 560.
4. Вестник Священного Синода Православной Российской Церкви. 1925. № 1, 2, 4. 1926. № 6 (2), 7 (3), 10 (6). 1927. № 2 (15), 4 (17), 5–6 (18–19), 9–10 (22–23). 1928. № 1 (24). 1929. № 3–4 (36–37). 1930. № 5–6 (48–49).
5. Грузинская Церковь в 1921–1941 гг. // Православная энциклопедия. Т. 13. М., 2006. С. 222.
6. *Дорофеев Р.* Закат туркестанского обновленчества и миссия архиепископа Алексия (Палицына) 1943–1944 годов // Восток Свыше. 2015. № 2 (37). 64–68.
7. *Ермилов П., диак.* Константинопольская Православная Церковь [1908–1948 гг.] // Православная энциклопедия. Т. 37. М., 2015. С. 258.
8. Журнал Московской Патриархии. 1943. 15 окт. № 2. 1944. Март. № 3.
9. *Заславский В.В.* Церковная смута в Туркестанской епархии (по материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан и другим источникам) // Церковно-исторический вестник. 2004. № 11. С. 243.
10. *Кузнецов А.И.* Обновленческий раскол в Русской Церкви // «Обновленческий» раскол: (Материалы для церковно-исторической и канонической характеристики). М., 2002.
11. *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 338.
12. *Мазырин А., свящ.* Константинопольская Патриархия и обновленческий раскол // Богослов.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.bogoslov.ru/text/477054.html

¹ *Лавринов В., прот.* Обновленческий раскол в портретах его деятелей. М., 2016. С. 338.

13. *Матешвили Л., прот.* Леонид (Окропиридзе) // Православная энциклопедия. Т. 40. М., 2015. С. 464.
14. *Мельникова И.Е.* К истории восстановления евхаристического общения Русской и Грузинской Церквей в первой половине XX в. // XXI Ежегодная Богословская конференция ПСТГУ. М., 2011. Т. 2.
15. *Одинцов М.И.* Русские Патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Ч. 1: «Дело» Патриарха Тихона.
16. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.. Сборник документов. М., 2009.
17. Український православний благовісник. 1927. № 13. 1 июля; № 16. 15 авг.
18. Церковное обновление. 1924. 1 авг. № 9–10; 1925. 24 дек. № 15–16.
19. *Э.П.Р. Антоний (Романовский)* // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 641.
20. *Χρυσανθος, μητρ. Τραπεζουντος.* Εκθεσις περι της Εκκλησιας της Γεωργιας // Εκκλησιαστικη Αληθεια. 1920. 1 αυγ.

Сведения об авторе

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР МАЗЫРИН –
 доктор церковной истории, кандидат исторических наук,
 доцент, профессор кафедры церковной истории ПСТГУ,
e-mail: am_pstbi@mail.ru

On the issue of the renovation schism factor in the relationship between the Russian and Georgian Churches in the 1920s-1940s.

Priest Alexander Mazyrin

Doctor of Church History, Candidate of Sciences (History),

Professor of the Department of Church History

of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University,

e-mail: am_pstbi@mail.ru

The Renaissance schism in the Russian Church, which shook in the 1920s – 1940s did not only influenced its relations with some Local Churches, but also complicated the difficult Russian-Georgian church relations at that time. The article notes the similarities and differences between the church revolutions in the Russian and Georgian Churches inspired by the leadership of the Communist Party, with the subsequent formation of the structures of the Supreme Council of Ukraine. The activities in Georgia of the Renovatianist “archpriest” of John Lozovoy, as well as the role of the Baku renewal hierarchs Peter Danilov and Peter Sergeev in incorporating the Russian Orthodox communities of Georgia into the renovation diocesan structures are touched upon. There is a correspondence of Metropolitan Christopher (Tsitskishvili)

with the Renovatist falsehood on the recognition of Georgian autocephaly, the circumstances of the adoption of the Act of Recognition of the Autocephaly of the Georgian Church by schismatics and the establishment of canonical communion between Georgian hierarchs and falsehoods in Moscow and Kharkov. The steps of the Patriarch-Catholicos Christopher are traced in drawing closer to the Renovatists by reforming the church calendar and partial recognition of the clergy's repetition. The Fanar's position on the recognition of the Georgian autocephalous by the Renovators of Georgia is characterized. The central position of the renovation problem in the relations between the Russian and Georgian Orthodox Churches at the time of the election of Patriarch Sergius is explained. The role of the Archbishop of Stavropol and Pyatigorsk Anthony (Romanovsky) in restoring the canonical communion of the Russian and Georgian Orthodox Churches is indicated.

Keywords: *Russian Orthodox Church, Georgian Orthodox Church, autocephaly, renovation schism, Fanar, Catholicos-Patriarch Christopher, John Lozovoy, Archbishop Anthony (Romanovsky)*

Антирелигиозная деятельность органов советской власти в первой половине 20-х гг. XX в. в свете документов региональных архивов Северного Кавказа

Рассматривается проблема формирования антирелигиозной системы советской власти в первой половине 1920-х гг. в документах региональных архивов Северного Кавказа. Начало рассматриваемого периода связано с окончательным установлением советской власти на Северном Кавказе и ускоренным проведением в жизнь антирелигиозного законодательства РСФСР 1917-1920 гг. Окончание периода характеризуется формированием специальной структуры, формально являвшейся общественной организацией, объединяющей воинствующих атеистов. Ключевыми событиями этого периода стали выработка новых форм и принципов проведения в жизнь религиозной политики на местах, формирование секулярного общества, изъятие церковных ценностей из храмов и монастырей, ужесточение контроля над деятельностью религиозных организаций, появление структур, отвечающих за проведение в жизнь антирелигиозной политики и ведение антирелигиозной пропаганды. Именно в этот начальный период были заложены основы принципов антирелигиозной политики советского государства, в той или иной мере применявшихся на протяжении 70 лет.

***Ключевые слова:** антирелигиозная политика, духовенство, изъятие церковных ценностей, религия, Северный Кавказ, советская власть, Союз безбожников, Церкви.*

В феврале-марте 1920 г. части Красной армии выбили белогвардейские войска с территории Северного Кавказа и установили советскую власть. С этого времени началось ускоренное проведение в жизнь религиозного законодательства советской власти 1917–1920 гг. с незначительными поправками на мест-

ные особенности. Реформирование началось с системы духовного образования как источника формирования кадров священнослужителей и церковной администрации.

18 марта 1920 г. было решено закрыть Ставропольскую духовную семинарию и изъять из ее библиотеки книги религиозного содержания¹. Семинария была преобразована в школу второй ступени, преподаватели приглашены на работу в школу. Это говорило о спешности проведения преобразований и недостатке кадров для соответствующих нововведений. Вскоре женское епархиальное училище было решено преобразовать в гимназию, а Иоанно-Мариинскую церковно-приходскую школу – в учительскую семинарию². Естественно, в реформированных учебных заведениях, как, впрочем, и во всех остальных, на Ставрополье – с 1 апреля 1920 г., а в Терской области – с 20 апреля 1920 г. отменялось преподавание предметов, имеющих религиозное содержание³.

Запрет религиозного образования в Ставропольской губернии не вызвал за собой никакой реакции со стороны населения, во многих школах продолжалось преподавание Закона Божия, только обеспечение учителей взяли на себя родители учеников. Местные органы власти для решения вставшей проблемы пошли на два шага: с одной стороны, при всех учебных заведениях к 15 июня 1920 г. были закрыты храмы, с другой – разрешалось преподавание основ религии частным путем, а также открытие духовных учебных заведений, комплекс изучаемых предметов в которых был ограничен исключительно религиозными дисциплинами⁴.

В течение весны-лета 1920 г. спешно проводились мероприятия, приуроченные к проведению в жизнь на Ставрополье

¹ Протокол № 4 заседания коллегии Губнародобра от 18 марта 1920 года // ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-5об.

² Протокол № 8 заседания Губнародобра от 24 марта 1920 года // ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-11об.

³ Протокол № 2 заседания Ревкома. 18 марта 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-1280. Оп. 1. Д. 36. Л. 14; Д. 44. Л. 2 об.

⁴ Приказ Северо-Кавказского революционного комитета № 107. 8 июня 1920 // Ф. Р-1280. Оп. 1. Д. 74. Л. 140.

советского религиозного законодательства. В срочном порядке была проведена опись имущества всех ставропольских храмов. Помимо этого приходы передали метрики в органы ЗАГС¹. В большинстве случаев подобная бюрократическая работа проходила мирно, без сопротивления со стороны духовенства. Исключением стала потасовка в храме архиерейского подворья 4 апреля, вызванная провокацией со стороны антирелигиозных агитаторов. Советская пропаганда показывала этот случай как провокацию со стороны священнослужителей².

В мае 1920 г. были проведены в жизнь основные принципы светского государства. Дела, связанные с заключением и расторжением брака, передавались в ведение советских учреждений в соответствии с действующим законодательством. Отменялось указание на религиозную принадлежность в официальных документах, запрещалось использование в светских учреждениях религиозной обрядности, органы ЗАГС передавались в исключительное ведение государственной власти³. В июле 1920 г. в Медвеженском уезде был проведен допризыв в Красную армию священнослужителей, которым было вменено в обязанность отбыть воинскую повинность⁴.

Интересно отметить, что именно во время проведения первых антирелигиозных мероприятий весной 1920 г. уголовное делопроизводство в отношении священнослужителей было передано в исключительное ведение Губернского ЧК⁵. В середине мая 1920 г. вопросы религиозной политики на Ставрополье перешли в ведение Губернского отдела юстиции, для чего в нем

¹ Описи церковного имущества // ГАСК. Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 23. Л. 14-17об., 22-25об., 26-32об., 37-38об., 42-42об., 43-50об., 52-53об., 54-57об., 58-61об., 65-66об., 70-70об., 71-74об., 79-82об.; Акт о передаче метрических ценностей // ГАСК. Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 23. Л. 4-12об.

² Чего они хотят? // Власть Советов. 1920. № 29, 11 апреля. С. 1.

³ Декрет о заключении и расторжении браков 1918 г. // ГАСК. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.

⁴ Приказ № 56 по Медвеженскому уездному комиссариату по военным делам от 23 июля с/г за № 5695. 1920 г. // ГАРО. Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.

⁵ Протокол № 26 заседаний Ставропольского Губернского революционного комитета. 8 апреля 1920 года // ГАСК. Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 14. Л. 30-30об.

был открыт специальный стол, сотрудничавший с горкомом РКП(б) и Губревкомом. Руководство антирелигиозной работой отдела юстиции было временно возложено на Н.Я. Ляхницкого¹.

В Терской области Церковь окончательно была отделена от государства с 1 мая 1920 г. приказом Терского ревкома, а в Ставропольской губернии только 1 августа 1920 г. декретом Ставропольского Губюста². В этих документах были официально закреплены все основные положения антирелигиозной политики на Ставрополье и Тереке весны-лета 1920 г. Губернский декрет соответствовал общероссийскому с незначительными поправками, касающимися местных условий. Для проведения в жизнь положений декрета была также составлена специальная инструкция. В первую очередь действие инструкции было направлено на Православную Церковь³. Согласно инструкции все здания культового назначения переходили в ведение местных Советов рабочих и крестьянских депутатов, а здания, принадлежащие религиозным организациям, но не используемые для общественных богослужений, конфисковывались.

В целом основные мероприятия по ускоренному проведению в жизнь общесоветского религиозного законодательства на Ставрополье и Тереке были окончены к осени 1920 г. С этого времени до 1922 г. проводились только отдельные мероприятия властей по поддержанию сложившегося порядка. Например, 8 октября 1920 г. в Пятигорске была сформирована комиссия по отделению Церкви от государства при исполкоме Терского округа под руководством Тропова. В декабре 1921 г. было вменено в обязанность приходских советов уведомлять местный административный отдел о проведении заседаний (разреша-

¹ Протокол № 30 заседания коллегии при Ставропольском Губернском отделе юстиции. 1 июня 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-1об.

² От Ставропольского Губюста: декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. 1 августа 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 53. Л. 50-50об.

³ О порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (инструкция). 1 августа 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 53. Л. 50об.

лось обсуждать исключительно богослужebные и религиозно-хозяйственные вопросы) за три дня. Повестка дня утверждалась отделом¹.

Летом 1921 г. на Северном Кавказе разразилась засуха. В некоторых уездах Ставропольской губернии, в частности Благодарненском и Медвеженском, погибло до 98% посевов². Осенью 1921 г. начался голод, обострившийся к декабрю. В феврале 1922 г. комиссией Помгола в г. Ставрополе было зарегистрировано 13700 голодающих, а в губернии – 220 тысяч. Только в мае 1922 г. губерния была признана нуждающейся, а Благодарненский и Медвеженский уезды стали пользоваться льготами голодающих губерний.

30 марта 1922 г. в соответствии с декретом об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим в Ставропольской губернии была создана комиссия по изъятию ценностей из храмов всех вероисповеданий, возглавленная Н.И. Куликовым. Уже 31 марта 1922 г. комиссия издала приказ, в соответствии с которым золотые, серебряные и из драгоценных камней изделия из всех культовых зданий губернии подлежали изъятию в пользу государства³.

В Северной Осетии аналогичная комиссия была создана 16 марта 1922 г. приказом Горского ЦИК⁴. Для изъятия ценностей в Ставропольской губернии было образовано 15 подкомиссий, состоявших из трех человек и отвечавших за свой район. Председателями подкомиссий стали Кутепов, Дьяков, Ерин, Мартыненко, Рубцов, Есютин, Козлов, Харченко, Апанасенко, Ниценко, Кузнецов, Говоров, Садков, Гарман, Малянец, Звезденко, Челонковский⁵.

¹ Циркуляр всем Губотуправам. Декабрь 1921 г. // ГАСК. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 19. Л. 204

² Ответ Ставропольского губкома РКП(б). Ставрополь, 1921. С. 3.

³ Приказ № 1 комиссии по изъятию ценностей из храмов всех вероисповеданий губ. гор. Ставрополя. 31 марта 1922 года // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 163-164.

⁴ Декрет об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 194 ; Приказ № 8 Горского Центрального Исполнительного комитета. 16 марта 1922 г. // ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.

⁵ Протокол № 1 заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей из храмов всех исповеданий гор. Ставрополя. 30 марта 1922 г. // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 1

В Ставропольской губернии изъятия церковных ценностей начались в апреле 1922 г. Ставропольский епископ Димитрий (Добросердов) заверил власти, что духовенство епархии не будет выступать против изъятий и поддержит проводимые мероприятия¹. На 4 апреля 1922 г. было назначено заседание Ставропольской комиссии по изъятию ценностей из храмов в городском комитете Помгола. На заседании помимо представителей Помгола и комиссии по изъятию ценностей присутствовали священнослужители, старосты и представители от мирян из девяти храмов г. Ставрополя. Членом комиссии от духовенства был избран священник Константин Надеждин². Согласно сводке в комиссию по изъятию ценностей, 75% ставропольского духовенства было настроено благожелательно к изъятию, остальные 25% – нейтрально³, часть духовенства оказывала помощь комиссиям по изъятию⁴. Вряд ли в сводке указаны неверные цифры, так как в случае «правых» настроений верующих комиссия была необходима силовая поддержка, о чем пришлось бы позаботиться накануне.

В Пятигорске и Терском округе проходили примерно те же процессы, что и в Ставропольской губернии. 12 апреля 1922 г. в Пятигорске прошло заседание комиссии Помгола совместно с представителями духовенства, на котором священнослужители города во главе с протоиереем Жуковым решили оказать содействие изъятию⁵. На Тереке была развернута еще более мощная агитационная кампания в пользу изъятий, чем на Ставрополье,

¹ Сводка за 3 апреля 1922 года в губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

² Протокол № 1 объединенного заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей и городской комиссии помощи голодающим совместно с городским духовенством всех вероисповеданий и выборными от обществ верующих, г. Ставрополь. 4 апреля 1922 г. // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.

³ Сводка за 4 апреля 1922 года в губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 7-7об.

⁴ Сводка за 7 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 26; Сводка за 8 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

⁵ Церковные ценности голодающим // Власть Советов. 1922. 12 апреля. № 604. С. 3.

чему способствовала лояльная позиция правящего архиерея Владикавказской епархии епископа Макария (Павлова), будущего обновленца. Подкомиссиям по изъятию, как и на Ставрополе, в районе КМВ и Терека, оказывали поддержку священнослужители Владикавказской епархии.

Рассматривая работу советских органов по организации и подготовке изъятий церковных ценностей, нетрудно заметить, что в Горской республике основной упор был сделан на агрессивную агитационно-пропагандистскую работу среди населения, тогда как на Ставрополе и в Терской области после краткой агиткампании, используя обновленчески настроенное духовенство, комиссии по изъятию перешли к решительным действиям.

В 11 часов утра 5 апреля 1922 г. в г. Ставрополе начались изъятия ценностей из храмов. Ставропольские храмы без сопротивления сдали ценности. Спасский приход на это решился даже в отсутствие священника. При этом начались определенного рода трения в Иоанно-Мариинском женском монастыре: сначала монахини и послушницы попытались спрятать богослужебную утварь, а затем согласились сдать, но только после соответствующего постановления схода¹.

8 апреля 1922 г. закончились мероприятия по изъятию ценностей из храмов г. Ставрополя. В некоторых случаях изъятию помогали священники². Окончание работы комиссии в Ставрополе 7–8 апреля стало началом изъятий церковных ценностей по всей Ставропольской губернии, которые планировалось окончить к 18 апреля.

В ходе изъятий местная власть постепенно перешла к более мягкой политике – изъятые предметы, крайне необходимые при совершении богослужений, было решено заменять анало-

¹ Сводка за 5 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 12-12об. ; Сводка за 6 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.

² Золото и серебро из храмов – хлеб для голодных // Власть Советов. 1922. 7 апреля, № 601. С. 2.

гичными менее ценными. 6 мая было запрещено изымать предметы, если это может испортить музейную ценность. 24 мая незаменимые литургические предметы было разрешено возвращать храмам за равноценное количество серебра¹.

Многие священники не только добровольно сдавали церковные ценности, но и отстаивали свое право сопровождать их до финансовых органов, отвечавших за распределение ценностей. Например, в с. Константиновском Ставропольской губернии священник совместно с церковным советом и сходом общины сдали более 30 кг золота и серебра в Губфинотдел. Такое поведение духовенства говорит, с одной стороны, о понимании неизбежности выполнения Церковью государственных требований, а значит, и попыткой «отделаться малой кровью», а с другой стороны, о желании некоторых представителей духовенства (особенно, отождествлявших себя с прослойками интеллигенции) активно участвовать в жизни советского общества.

16 мая 1922 г. изъятия церковных ценностей начались в Горской республике. В г. Владикавказе произошли гораздо более сильные разделения в среде духовенства. В информационных сводках Горского политотдела сообщалось о желании «контрреволюционного» духовенства использовать кампанию по изъятию для борьбы с советской властью. Основными социальными группами населения, якобы поддерживающими «контрреволюционное» духовенство, назывались бывшая буржуазия, белое офицерство и старухи-кликуши². То есть складывается отчетливая картина использования местной властью в Северной Осетии выступлений части духовенства против изъятий, трак-

¹ Протокол № 32 заседания Президиума Ставропольского губернского исполнительного комитета от 23 апреля 1922 года // ГАСК, Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 192. Л. 60б. ; Приказ № 226 Ставропольского губернского исполнительного комитета. 6 мая 1922 г. // ГАСК, Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 109 ; Протокол заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей из храмов губ. гор. Ставрополя. 24 мая 1922 года // ГАСК, Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 116.

² Информационная сводка-доклад Горского политотдела за время с 1 апреля по 1 мая 1922 г. // ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 136 ; Информационная сводка-доклад Горского политотдела за время с 1 мая по 31 мая 1922 года // ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 161об.

туя их как «контрреволюционные», для расправы над нелояльными советской власти священнослужителями и организации раскола во Владикавказской и Моздокской епархии.

В конце мая 1922 г. завершился процесс изъятия церковных ценностей на Ставрополье и Кавказских Минеральных Водах, в июне – в Северной Осетии и Чечне. Даже по итогам кампании, местная пресса сообщала о благополучном проведении мероприятий по изъятию, скрывая факты выступлений духовенства и верующих против проводимой политики. Сообщались только отдельные случаи для усиления агитационного эффекта при проведении раскола духовенства. Например, газета «Горская правда» сообщала о потасовке, возникшей в Апшеронском храме г. Владикавказа, и расстреле священника Кульчицкого в с. Мозыре за противодействие комиссии по изъятию. В Чечне, где православные не представляли собой большинства населения, не проводилось противопоставления духовенства по вопросу изъятия, а сообщалось о благополучном ходе изъятий и лояльном отношении духовенства¹.

По результатам изъятий на Ставрополье было получено серебра – 83 пуда 35 фунтов 6 7/40 золотников 510 руб. 50 коп. серебряной монетой; золота – 5 золотников 5 руб. золотой монетой². В Пятигорском округе было изъято серебра – 15 пудов 26 фунтов 62 золотника 46 долей; золота – 5 золотников 72 доли; драгоценных камней на 126 рублей³. В Горской республике изъятия начались 16 мая 1922 г. Всего было изъято серебра – 14 пудов 25 фунтов 32 золотника и 91 доля; золота – 42 доли; серебряных монет на 15 рублей 40 копеек. Из них в г. Грозном – серебра 2 пуда 28 3/8 фунта и золота 1 3/8 фунта⁴.

¹ Изъятие церковных ценностей в г. Владикавказе и Грозном // Горская правда. 1922. № 123, 2 июня. С. 3.

² Сводка секретаря Ставр. Губкомиссии Всероссийской комиссии по изъятию ценностей из храмов при ВЦИК с 21 по 29 мая 1922 г. // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 70.

³ Пашенко Ф., Шубин А., свящ. Церковные ценности – голодающим. Ценности, изъятые из храмов всех культов Пятигорского округа // Терек. 1922. 21 мая. № 97. С. 1.

⁴ Информационная сводка-доклад Горского политотдела за время с 1 мая по 31 мая 1922 года // ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 161об.; Госинфсводка № 38, суббота, 1 июля 1922 года, Горского политотдела // ЦГА РСФСР-А. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 166.

Местные органы советской власти на Ставрополье и Тереке использовали кампанию по изъятию церковных ценностей не только для получения доходов в пользу государства, но и для формирования нового типа духовенства – максимально лояльного, с помощью которого можно воплощать распоряжения центральной власти. Северокавказские чиновники, движимые карьеристскими устремлениями, но сохранившие элементы религиозности, проводили в жизнь эту идею, опираясь на советское религиозное законодательство. Нередко священников заставляли проводить агитацию среди верующих в пользу советской власти, а также для оправдания в глазах верующих антирелигиозных мероприятий.

На Ставрополье немалая часть священнослужителей была лояльно настроена к политике изъятия церковных ценностей. Они полагали, что не является каноническим нарушением использовать литургические сосуды из драгметаллов для нужд голодающих. Вспоминались многочисленные случаи из истории, когда Церковь сдавала свои ценности не только для помощи нуждающимся, но и для нужд армии¹.

Были на Северном Кавказе и противники изъятия церковных ценностей. На Ставрополье в их число вошли монастыри, а на Тереке – класс нэпманов, участвовавший в накоплении храмовых богатств². Для преодоления сопротивления органы советской власти организовывали массированную кампанию в печати, провокационные акции. Наиболее ярких противников изъятий привлекали к уголовной ответственности и даже расстреливали.

После некоторого ослабления давления государственной власти на Православную Церковь на Ставрополье и Тереке в связи с укреплением обновленчества во второй половине 1924 г. местные органы государственной власти вновь предприняли попытки усиления контроля над деятельностью ре-

¹ Арапухин В. Голодные годы на Тереке и деятельность в то время местного духовенства // Терек. 1922. № 77, 27 апреля. С. 1.

² Пантюхов М. Ваша позиция осуждена // Горская правда. 1922. № 98, 3 мая. С. 1.

лигиозных организаций. Первоначально данные меры проводились в жизнь в рамках существующего законодательства: запрещалась религиозная деятельность без регистрации, практиковалась передача храмов, принадлежащих двум общинам, в исключительное ведение наиболее лояльной (как правило, обновленцам), обязательное уведомление органов ЗАГС о проведенных крещениях, венчаниях и погребениях.

В 1925 г. усилилась антирелигиозная политика власти. В апреле 1925 г. в Москве прошел I съезд Общества друзей газеты «Безбожник», постановивший создать единое всесоюзное антирелигиозное общество, получившее название «Союз безбожников». В Северо-Осетинской области данное общество было организовано еще в конце 1924 г. и взято под контроль обкома ВКП(б)¹. Вторая половина 1925 г. ушла на формирование организации на Ставрополье. Была разработана структура Союза безбожников: при всех предприятиях и учреждениях предполагалось создать ячейки, объединенные райбюро или райсоветом. Окружную организацию должно было возглавлять оргбюро, подотчетное Агитпропотделу окркомка РКП(б)². В 1926 г. был создан Ставропольский городской союз безбожников, издававший журнал «Безбожник».

Таким образом, документы региональных архивов Северного Кавказа показывают общую картину антирелигиозной политики советской власти в регионе. В 1920–1921 гг. местные органы советской власти ускоренными темпами вводили на местах общегосударственные принципы администрирования в отношении религиозных организаций. В 1922 г. Северный Кавказ, как и остальные регионы страны, включился в работу по изъятию церковных ценностей. Постепенно ужесточался контроль над деятельностью церковных общин, усиливалась анти-

¹ Протокол № 7 заседания Бюро обкома Особласти. 19/XI-24 г. // ЦГА ИПД РСО-А. Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.

² Ориентировочный план работ ячеек Союза безбожников // ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 275-275об. ; Положение о ячейках, райбюро и Советов союза безбожников // ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 276-276об. ; План работы агитпропотдела Терокркомка РКП(б) на январь, февраль, март и апрель месяцы 1926 г. // ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 55-58.

церковная пропаганда, с 1925 г. осуществлявшаяся «Союзом безбожников».

Библиографический список

1. Акт о передаче метрических ценностей // Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 23. Л. 4-12об.
2. Арапухин В. Голодные годы на Тереке и деятельность в то время местного духовенства // Терек. 1922. № 77, 27 апреля. С. 1.
3. Госинфсводка № 38, суббота, 1 июля 1922 года Горского политотдела // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (ЦГА РСО-А). Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 166.
4. Декрет о заключении и расторжении браков 1918 г. // ГАСК. Ф. Р-2568. Оп. 1. Д. 3. Л. 13.
5. Декрет об изъятии церковных ценностей для помощи голодающим // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 194.
6. Золото и серебро из храмов – хлеб для голодных // Власть Советов. 1922. 7 апреля, № 601. С. 2.
7. Изъятие церковных ценностей в г. Владикавказе и Грозном // Горская правда. 1922. № 123, 2 июня. С. 3.
8. Информационная сводка-доклад Горского политотдела за время с 1 мая по 31 мая 1922 года // ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 161об.
9. Информационная сводка-доклад Горского политотдела за время с 1 апреля по 1 мая 1922 г. // ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 2. Д. 1. Л. 136.
10. О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (инструкция). 1 августа 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 53. Л. 50об.
11. Описи церковного имущества // ГАСК. Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 23. ЛЛ. 14-17об., 22-25об., 26-32об., 37-38об., 42-42об., 43-50об., 52-53об., 54-57об., 58-61об., 65-66об., 70-70об., 71-74об., 79-82об.
12. Ориентировочный план работ ячеек Союза безбожников // Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 275-275об.
13. От Ставропольского Губюста: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. 1 августа 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-397. Оп. 1. Д. 53. Л. 50-50об.
14. Ответ Ставропольского губкома РКП(б). Ставрополь, 1921. С. 3.
15. Пантюхов М. Ваша позиция осуждена // Горская правда. 1922. № 98, 3 мая. С. 1.
16. Пашченко Ф., Шубин А., священник. Церковные ценности – голодающим. Ценности, изъятые из храмов всех культов Пятигорского округа // Терек. 1922. 21 мая. № 97. С. 1.
17. План работы агитпропотдела Терокрком РКП(б) на январь, февраль, март и апрель месяцы 1926 г. // ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 55-58.
18. Положение о ячейках, райбюро и советов союза безбожников // ГАНИСК. Ф. 5938. Оп. 1. Д. 5. Л. 276-276об.
19. Приказ № 1 комиссии по изъятию ценностей из храмов всех вероисповеданий губ. гор. Ставрополя. 31 марта 1922 года // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 163-164
20. Приказ № 226 Ставропольского губернского исполнительного комитета. 6 мая 1922 г. // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 109.

21. Приказ № 56 по Медвеженскому уездному комиссариату по военным делам от 23 июля с/г за № 5695. 1920 г. // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-994. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
22. Приказ № 8 Горского центрального исполнительного комитета. 16 марта 1922 г. // ЦГА РСО-А. Ф. Р-41. Оп. 1. Д. 24. Л. 28.
23. Приказ Северо-Кавказского революционного комитета № 107. 8 июня 1920 // ГАСК. Ф. Р-1280. Оп. 1. Д. 74. Л. 140.
24. Протокол № 1 заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей из храмов всех исповеданий гор. Ставрополя. 30 марта 1922 г. // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.
25. Протокол № 1 объединенного заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей и городской комиссии помощи голодающим совместно с городским духовенством всех вероисповеданий и выборными от обществ верующих, г. Ставрополь. 4 апреля 1922 г. // ГАСК, Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 3.
26. Протокол № 2 заседания Ревкома. 18 марта 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-1280. Оп. 1. Д. 36. Л. 14; Д. 44. Л. 2 об.
27. Протокол № 26 заседаний Ставропольского губернского революционного комитета. 8 апреля 1920 года // ГАСК. Ф. Р-2786. Оп. 1. Д. 14. Л. 30-30об.
28. Протокол № 30 заседания коллегии при Ставропольском губернском отделе юстиции. 1 июня 1920 г. // ГАСК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 27. Л. 1-1об.
29. Протокол № 32 заседания Президиума Ставропольского губернского исполнительного комитета от 23 апреля 1922 года // ГАСК, Ф. Р-332. Оп. 1. Д. 192. Л. 6об.
30. Протокол № 4 заседания коллегии Губнародобра от 18 марта 1920 года // ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-5об.
31. Протокол № 7 заседания бюро обкома Особласти. 19/XI-24 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северная Осетия–Алания (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 27. Л. 36.
32. Протокол № 8 заседания Губнародобра от 24 марта 1920 года // ГАСК. Ф. Р-164. Оп. 1. Д. 14. Л. 11-11об.
33. Протокол заседания городской комиссии по изъятию церковных ценностей из храмов губ. гор. Ставрополя. 24 мая 1922 года // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 116.
34. Сводка за 3 апреля 1922 года в губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.
35. Сводка за 4 апреля 1922 года в губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 7-7об.
36. Сводка за 5 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 12-12об.
37. Сводка за 6 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 25.
38. Сводка за 7 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 26.
39. Сводка за 8 апреля 1922 г. в Ставропольскую губернскую комиссию по изъятию ценностей из храмов // ГАСК. Ф. Р-388. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.
40. Сводка секретаря Ставр. Губкомиссии Всероссийской комиссии по изъятию ценностей из храмов при ВЦИК с 21 по 29 мая 1922 г. // ГАСК. Ф. Р-163. Оп. 1. Д. 488. Л. 70.
41. Церковные ценности голодающим // Власть Советов. 1922. 12 апреля. № 604. С. 3.

42. Циркуляр всем Губотуправам. Декабрь 1921 г. // ГАСК. Ф. Р-330. Оп. 1. Д. 19. Л. 204.

43. Чего они хотят? // Власть Советов. 1920. № 29, 11 апреля. С. 1.

Сведения об авторе

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР ПАНТЮХИН –
кандидат исторических наук, старший преподаватель
Ставропольской духовной семинарии,
e-mail: pantjuhin@bk.ru

The anti-religious activities of the Soviet authorities in the first half of the XX (Twentieth) century in the light of the regional archives documents of the North Caucasus

Priest Alexander Pantyukhin
Candidate of History, Professor Senior Lecturer
of the Stavropol Theological Seminary,
e-mail: pantjuhin@bk.ru

The problem of the formation of the anti-religious system of the Soviet power in the first half of the 1920s. in the documents of regional archives of the North Caucasus is treated. The beginning of the period under review was due to the final establishment of Soviet power in the North Caucasus and it accelerated the implementation of anti-religious legislation of the RSFSR in 1917-1920. The end of the period is characterized by the formation of a special structure, which is formally a public organization uniting the militant atheists. The key events of this period were the generation of new forms and principles of conduct in the life of religious policy in the field, the formation of a secular society, the confiscation of the church valuables from the churches and monasteries, the tightening of control over the activities of religious organizations, the emergence of the structures responsible for implementing the anti-religious policy and conduct anti-religious propaganda. It was during this early period that the foundations of the principles of anti-religious policy of the Soviet state was laid, which to some extent, have been used for over 70 years.

Keywords: *The anti-religious politics, the clergy, the confiscation of church property, religion, the North Caucasus, the Soviet government, the Union of atheists, the Church.*

Таганрогский епископ Иосиф (Чернов): ЖИЗНЬ В ОККУПАЦИИ

Данная статья посвящена епископу Таганрогскому Иосифу (Чернову), в период Великой Отечественной войны оказавшемуся на оккупированной немцами территории. Основное внимание уделяется особенностям взаимоотношений с немцами, характерными чертами которых было стремление последних использовать епископа в своих идеологических целях. Если от участия в духовном окормлении коллаборационистских частей и чтения проповедей на политические темы епископ смог уклониться, то избежать публикаций на политическую тему в местной газете не удалось. В результате епископ подвергся двойным репрессиям – и немецких властей, и позднее советской власти. Основными источниками при написании данной работы послужили два следственных дела архива ФСБ, заведенных в 1925 и 1944 гг. на Иосифа (Чернова), материалы коллаборационистской газеты г. Таганрога «Новое слово».

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, епископ Иосиф (Чернов), Таганрог, открытие храмов, Великая Отечественная война, оккупация, Ростовская область, коллаборационистская газета «Новое слово».

Епископ Иосиф (Чернов) является одной из тех личностей в истории Русской Церкви XX в., в которых отразилась эпоха. В 1920–1930-е гг. дважды был арестован органами советской власти. С начала Великой Отечественной войны епископ оказался на оккупированной немцами территории. В 1944 г. был арестован, осужден на 10 лет. После отбытия срока наказания в 1960-е гг. стал архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским. По некоторым данным, был одним из предполагаемых кандидатов на пост Патриарха, однако отказался выставлять свою кандидатуру, сославшись на «преклонный возраст и от-

сутствие богословского образования»¹. Закончил свою жизнь в г. Алма-Ате в сане митрополита. В связи с этим значительный интерес представляет аспект биографии епископа Иосифа, связанный с его пребыванием на оккупированных территориях г. Таганрога и впоследствии Украины в период Великой Отечественной войны. Историография данной темы крайне скудна и представлена только двумя публицистическими работами В.В. Королевой². История церковной жизни оккупированного Таганрога в той или иной степени затронута в нескольких региональных исследованиях³. Таким образом, история взаимоотношений епископа Иосифа (Чернова) с немцами еще требует своего дальнейшего изучения.

Источниками при написании данной работы послужили два следственных дела архива ФСБ, заведенных в 1925 и 1944 гг. на Иосифа (Чернова), материалы коллаборационистской газеты г. Таганрога «Новое слово», архивные данные Государственного архива Ростовской области и его Таганрогского филиала.

Иван Чернов, будущий епископ Таганрогский Иосиф, родился в Могилеве в 1893 г. Семнадцатилетним юношей поступил в белорусский Бельнический монастырь. Став келейником архимандрита (будущего епископа) Арсения (Смоленца), надолго связал свою судьбу с г. Таганрогом, куда владыка был направлен

¹ Макарий (Веретенников), архим. Иосиф (Чернов) // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/578561.html> (дата обращения: 23.03.2016).

² Королева В.В. Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова) // XXI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва. № 21. 2011; Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королева. М.: Паломникъ, 2004.

³ Шишкин Е.Н. Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 гг. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61); Свенцицкий Д.В. Динамика и анализ публикаций на церковную тему в оккупационной прессе Дона и Кубани в период Великой Отечественной войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 3; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.) Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Пятигорск, 2003; Киричек М.С. Святые купола Таганрога. История храмов, утраченных и существующих. Таганрог, 2008; Табуницкова Л.В. Церковная жизнь на территории г. Таганрога в годы Великой Отечественной войны в период немецкой оккупации // Научные труды Донской духовной семинарии. Вып. 4. Антей, 2016.

в 1917 г.¹ В 1918 г. пострижен в монашество, служил в Никольском храме г. Таганрога. После высылки в 1922 г. епископа Арсения (Смоленца) монашеская община, возглавляемая архимандритом (на тот момент) Иосифом (Черновым), стала центром сопротивления таганрогскому обновленчеству². В 1925 г. Иосиф (Чернов) был выслан, по версии следствия, за «измышление и распространение контрреволюционных ложных слухов»³, а по мнению самого Чернова, за «хранение контрреволюционной литературы, а именно архивов архиерейской Канцелярии»⁴. В 1927 г. вернулся из ссылки. По 1935 г. включительно архимандрит Иосиф (Чернов) служил в Никольском храме г. Таганрога, несмотря на конфликты внутри общины⁵. В 1932 г. был хиротонисан во епископа Таганрогского. В 1935 г. епископа арестовали по обвинению в руководстве контрреволюционным церковно-монархическим подпольем и за оказание материальной и денежной помощи ссыльному епископу Арсению (Смоленцу)⁶. Был осужден на пять лет заключения⁷, наказание отбывал по декабрь 1940 г. После освобождения вернулся в г. Таганрог, по дороге заехав в Москву, где встречался с митрополитом Сергием (Страгородским)⁸. По словам таганрогского иподиакона владыки, «незадолго до начала Великой Отечественной войны Чернов был вызван в Москву митрополитом Сергием, который назначил его управлять приходами православной церкви по Краснодарскому краю»⁹. Однако фронт застал епископа в Азове, где он и остался на оккупированной территории. Эта

¹ Иосиф (Чернов) // Русское Православие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_192 (дата обращения: 15.03.2016).

² Табуницкова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сборник документов. Ростов-на-Дону: Антей, 2015. С. 43.

³ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 7. Л. 61-61 об., 66-66 об.

⁴ Архив управления Федеральной службы РФ по Ростовской области (Архив УФСБ по РО). Д. П-49273. Т. 1. Л. 16.

⁵ Табуницкова Л.В., Шадрина А.В. Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сборник документов. Ростов-на-Дону: Антей, 2015. С. 449.

⁶ Архив УФСБ по РО. Д. П.-38243. Л. 221.

⁷ Там же. Л. 239.

⁸ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 235-235 об.

информация косвенно подтверждается словами полковника Мейера, служившего в оккупацию в Таганроге и знавшего Иосифа (Чернова)¹. По словам самого епископа, в г. Таганроге ему проживание запретили, поэтому он был вынужден поселиться в соседнем г. Азове, работая в детских яслях сторожем². Здесь владыка сблизился с тайной общиной почитателей праведного Иоанна Кронштадтского, называемой «Белый дом». Архипастырь стал совершать тайные богослужения, иерейские хиротонии, монашеские постриги³.

В г. Таганрог он попал только с началом немецкой оккупации в области. До войны в г. Таганроге были закрыты все церкви и молитвенные дома. Данная ситуация была характерна для всей Ростовской области, поскольку к 1941 г. из 911 церквей (на 1920 г.)⁴ осталась, по официальным данным, действующей одна Преображенская церковь в хуторе Обуховка Азовского района⁵. С приходом немцев, по утверждению очевидцев, происходило открытие храмов везде, где было духовенство и церковные здания⁶.

В июле 1942 г. немцы заняли г. Азов, Иосиф (Чернов) получил от немцев пропуск и 8 августа пешком ушел в г. Таганрог, где, по его словам, уже были открыты четыре церкви. Через несколько дней после прибытия епископ был вызван в бургомистерство, где ему было предложено как священнослужителю получить регистрацию. Получив ее, 27 августа 1942 г. приступил к службе в Крестовоздвиженской домово́й архиерейской церкви. 28 августа владыка Иосиф освятил Никольский собор. «Ныне с помощью группы верующих и бургомистерства он вновь ста-

¹ Там же. Л. 275.

² Там же. Л. 60 об.

³ *Королева В.В.* Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова) // XXI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва. № 21. 2011. С. 422.

⁴ *Шадрин А.В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии, конец XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов н/Д: Антей, 2014. С. 16.

⁵ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.Р-4173. Оп. 5. Д. 39. Л. 1.

⁶ *Георгий (Соколов), игумен.* Из воспоминаний о церковной жизни в СССР при немецкой оккупации // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен. 1957. № 2 (23). С. 105.

новится местом вознесения молитв» – говорилось по этому поводу в местной коллаборационистской прессе¹. При освящении присутствовал ряд почетных гостей во главе с бургомистром Дитером и его заместителем Акимцевым. Перед освящением собора епископ Иосиф был вызван в отдел пропаганды, где ему предложили прочитать перед согражданами речь². При освящении собора владыка Иосиф написанную офицером речь, как и собственную проповедь, читать отказался. «В этом документе излагалась клевета на Православную Церковь и на митрополита Сергия» – позже на допросе в 1945 г. скажет епископ³. Ниже мы приводим выдержку из протокола данного допроса:

«Вопрос: – Вы дали свое согласие начальнику пропаганды выступить с профашистской и клеветнической речью?

Ответ: Я дал свое согласие начальнику пропаганды выступить перед гражданами Таганрога с профашистской и клеветнической речью <...>.

Вопрос: – Что помешало вам выполнить это задание начальника отдела фашистской пропаганды?

Ответ: – Ничего мне не помешало, я просто не выполнил задания начальника пропаганды <...>.

Вопрос: – А за невыполнение данного вам вражеского задания Вы не опасались быть подвергнутым репрессии со стороны гестапо?

Ответ: – Опасался, но, оказавшись перед народом, я не решился выступить с гнусной ложью на советскую власть, советскую действительность и на Русскую Православную Церковь»⁴.

Больше епископу политических речей читать не предлагали.

Сразу после освящения храма с Черновым встретился ростовский комендант и предложил, при одобрении немецких властей, выехать в г. Ростов-на-Дону, якобы для проведения в церквях богослужений. По приезде епископ был вызван в комендатуру, где комендант совместно с ростовским благочин-

¹ Освящение храмов в Таганроге // Новое слово. 1942. 1 сентября. № 73 (76). С. 2.

² Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 65.

³ Там же. Л. 21 об.

⁴ Там же.

ным Вячеславом Сериковым предложил ему принять участие в духовной поддержке военнопленных. Речь шла, как понял владыка, о тех военнопленных, которые сдались добровольно и из которых формировались коллаборационистские части: «Я дал отрицательный ответ. Тогда комендант заявил мне, что он располагает данными, избобличающими меня в работе на Советский Союз, но свои слова ни чем не подкреплял. Я доводы коменданта опровергал. В ходе дальнейшей беседы комендант спросил у меня, чем я могу помочь немецкой армии. На что я дал уклончивый ответ. Выслушав меня, комендант потребовал, чтобы я занялся фашистской пропагандой. Пропаганда, по его мнению, дороже золота и сильнее оружия. В проповеди фашистской пропаганды я отказался. После этого комендант объявил мне, что по распоряжению генерала Клейста мне запрещено бывать в Ростове и Новочеркасске и управлять церк[текст скрыт под шивом] и под конвоем из Ростова отправил меня обратно в г. Таганрог»¹. По словам вышеупомянутого В. Серикова, также арестованного в 1944 г., епископу Иосифу немцы предлагали «возвести Гитлера в ранг святого», на что был дан отказ². В таганрогскую полицию Иосиф (Чернов) за весь период оккупации, по свидетельству очевидцев, вызывался несколько раз для оказания пропагандистской работы в пользу немцев. Каждый раз епископу удавалось от нее отказаться³.

Полковник Мейер, бывший в г. Таганроге в период оккупации, оставил любопытный документ «Церковное развитие в районах Таганрога, Ростова, Новочеркаска» от 2 сентября 1942 г., в котором дал следующее описание епископа Иосифа: «в черной ризе, с окладистой бородой, среднего роста, внешне он производил впечатление выхоленного представительного человека, очень вежливого и с необыкновенной скромностью, но во время разговора создается впечатление, что будто бы он все время хочет быть подготовленным к более высоким целям

¹ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 22-22 об.

² Там же. Л. 249 об.

³ Там же. Л. 235 об.

и при том думает, что сопротивление можно преодолеть путем сильного упорного терпения, страдальческого фанатизма»¹.

В г. Таганроге в годы оккупации выходила местная коллаборационистская газета «Голос Ростова» – печатный орган бургомистерства. По настоянию заместителя бургомистра г. Акимцова, принимавшего активное участие в церковной жизни г. Таганрога, епископ Иосиф (Чернов) написал три статьи антисоветского характера в местную коллаборационистскую газету «Новое слово»². 17 октября 1942 г. была опубликована статья под названием «Крест снова венчает храмы», написанная к годовщине оккупации г. Таганрога³. 16 декабря 1942 г. за подписью епископа опубликовано «Рождественское поздравление»⁴. Еще одна статья была подготовлена к празднованию Нового года⁵. Все три статьи были написаны в антисоветском и про-немецком духе, что впоследствии было инкриминировано советским следствием епископу в вину.

Оккупация г. Таганрога началась значительно раньше, чем основных районов области, – 17 октября 1941 г. и продолжалась не шесть месяцев, как г. Ростова-на-Дону, а почти два года – до 30 августа 1943 г. В период немецкой оккупации Ростовской области на местах массово открывались храмы. Самое раннее открытие храма в области зафиксировано именно в г. Таганроге: в декабре 1941 г. здесь была открыта кладбищенская церковь Всех Святых. По утверждению местного краеведа М.С. Киричек, староста храма первая обратилась к новым властям с просьбой об открытии данной церкви⁶. Архивные источники подтверждают дату возобновления функционирования церкви 1941 годом⁷. По другим данным, первой в Таганроге возобновила богослу-

¹ Там же. Л. 275.

² Там же. Л. 18.

³ Крест снова венчает храмы // Новое слово. 1942. 17 октября. С. 2.

⁴ Праздник Рождества Христова // Новое слово. 1942. 25 декабря. С. 2.

⁵ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 76 об.

⁶ Киричек М.С. Святые купола Таганрога. История храмов, утраченных и существующих. Таганрог, 2008. С. 122.

⁷ Государственный архив Ростовской области (Далее – ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 116. Л. 25 об.; Оп. 6. Д. 69. Л. 10, 13. Д. 304. Л. 17, 35. Д. 77. Л. 10 об.

жения Крестовоздвиженская домовая архиерейская церковь¹, в которой и начал служить епископ Иосиф. Помимо Всехсвятого храма в годы оккупации возобновили деятельность еще четыре храма (Георгиевский молитвенный дом, Крестовоздвиженский молитвенный дом, Никольская церковь и храм Рождества Пресвятой Богородицы), которые были открыты в 1942 г.² Как викарный епископ Таганрогский владыка Иосиф назначал, переводил из церкви в церковь священнослужителей Таганрогского округа, рукополагал и занимался пострижением в монашество. «Мною было назначено на службу в церковь около пяти священников, рукоположено во священники около десяти человек и пострижено в монашество пять человек» – писал он позднее³. Активное возобновление религиозной жизни в Таганроге с приходом немцев очевидцами отмечалось еще до прибытия Чернова в город, в связи с чем бургомистр Таганрога Ходаевский 21 июля 1942 г. был вынужден своим специальным распоряжением привести к упорядочению регистрацию актов крещения, венчания и отпевания. После этого данные таинства могли проходить в церкви только после соответствующей регистрации в городском ЗАГСе⁴.

Поскольку Иосиф (Чернов) оказался до приезда в г. Ростов-на-Дону архиепископа Николая (Амассийского) единственным епископом, он утвердил В.А. Серикова, в прошлом настоятеля Ростовского кафедрального собора, в качестве благочинного г. Ростова-на-Дону⁵. Сериковым по приказу немцев впоследствии было организовано Ростовское благочиние для руко-

¹ Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королева. М.: Паломникъ, 2004. С. 145.

² Табунщикова Л.В. Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 10 (60). Часть I. 2015. С. 173.

³ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 34.

⁴ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Пятигорск, 2003. С. 457.

⁵ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 50 об., 250.

водства церквями оккупированных немецко-фашистскими войсками областей Кавказа, Кубани и Дона.

В конце сентября 1942 г. епископ Иосиф (Чернов) был вынужден дать письменное объяснение в отношении прибывшего архиепископа Николая (Амассийского): «Гестапо требовало от меня объяснений о том, что Амассийский якобы проводил агитацию, направленную против немецко-фашистских войск. Я написал об этом так, что от Амассийского я подобной агитации не слышал <...>»¹.

Примерно в это же время на страницах «Нового слова» активно критиковалось религиозное возрождение в советской России, со ссылкой на берлинскую газету «Новое слово»: «Религиозная свобода в СССР, которая если и проводится там в настоящее время, то исключительно по политическим соображениям»². В статье «НКВД в епископском одеянии» заявлялось: «Предполагаемое открытие церковью в Советском Союзе не нашло, по-видимому, особенного отклика за границей. Теперь советская агитация с помощью НКВД прибегла к новому трюку, который должен рассеять последние сомнения еще не окончательно уверовавших иностранцев. В советской прессе за последнее время нередко попадаются обращенные к Сталину послания лиц различных вероисповеданий»³. Поэтому особый интерес у немцев касался наличия имени Сергия (Страгородского), «большевистского», с точки зрения немцев, митрополита, на антиминсе епископа. На допросе по этому поводу епископ давал объяснение⁴. На сегодняшний день из обилия изученных источников автор не смог найти подтверждения распространенного в историографии мнения о вознесении имени митрополита Сергия (Страгородского) на оккупированной территории епископом Иосифом.

¹ Там же. Л. 72.

² Церковь в СССР и Ватикан (из берлинской газеты «Новое слово») // Новое слово. 1942. 2 мая. С. 2.

³ НКВД в епископском одеянии // Новое слово. 1943. 13 мая. С. 2.

⁴ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 72 об.

В г. Таганроге Иосиф (Чернов) пробыл с августа 1942 г. по февраль 1943 г, когда он неожиданно получил распоряжение выехать из Таганрога на Украину, в г. Мелитополь. Опасаясь настойчивых «просьб» о сотрудничестве от гестапо, Чернов без разрешения уехал в Каховку, где и пребывал с марта по июнь 1943 г.

В г. Таганрог он вернулся в июне и пребывал здесь до своего отъезда 27 августа 1943 г. По возвращении епископ освятил Георгиевский храм, выступив, как обычно, с сугубо религиозной проповедью, а также служил панихиду о Петре I во время открытия памятника у городского сада. 19 июля 1943 г. немецкими властями был перенесен памятник Петру I работы скульптора Антокольского с берега моря на его историческое место – в центр города на Ленинскую улицу, откуда был убран памятник Ленину. На площади у памятника Иосиф (Чернов) после панихиды выступил с речью, в которой благодарил немцев за перенос памятника на старое место, и провозгласил многолетие немецкой армии. «На открытии памятника присутствовали работники бургомистерства, полиции и представители немецкого командования, все проходило в торжественной обстановке, выступал, кроме меня, Акимцов, и какой-то немец, ожидался приезд какого-то генерала <...>. После всей церемонии в театре был устроен торжественный ужин»¹. Очевидцы следующим образом описывали происходящее: «К 12 часам дня собрался народ. На трибуну, украшенную цветами и фашистской свастикой, поднялся заместитель командующего. Он произнес поздравительную речь в адрес города и его жителей по случаю восстановления исторической справедливости, возвращения памятника основателю Таганрога на историческое место. Далее выступали другие докладчики, включая бургомистра города. Но вот слово взял епископ Таганрогский Иосиф. При абсолютной тишине он начал говорить о Царе Петре I и той великой роли, которую сыграл он в деле становления Великой Российской империи. Затем оркестр грянул молитву русского народа

¹ Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 83.

«Боже, Царя Храни». Закончилась русская тема песней Ивана Молчанова в исполнении хора «Было дело под Полтавой»¹.

В августе 1943 г. войска Южного фронта под командованием генерала Толбухина готовились взять Таганрог. По требованию немецких властей епископ Иосиф выехал из Таганрога в Мариуполь. 30 августа Таганрог был освобожден.

Части Красной армии наступали, в результате епископ отступал вместе с немецкой армией. В г. Николаеве епископ был задержан, вызван в гебитскомиссариат, где политкомиссар барон Крушель допрашивал его о связях с митрополитом Сергием (Страгородским) и о работе на советскую власть. В итоге епископу было предложено участвовать в проведении фашистской пропаганды. Не желая иметь дело с Крушелем, епископ уехал в Умань, куда прибыл 8 октября 1943 г.² В Умани владыке Иосифу, по свидетельству его иподиакона, гебитскомиссаром было предложено написать статью по вопросам: признание патриарха Сергия; о райской жизни при немцах на Украине; о признании Советского правительства и Сталина³. Владыка Иосиф на вопросы ответил следующим образом: «Если Сергей избран в патриархи несколькими епископами, то он не законный. Если же патриарх Сергей избран этими же епископами по приказу Сталина и, как сообщало немецкое радио, ездил к вселенским Патриархам, которые его признали, – то он является Святейшим патриархом»⁴. По второму вопросу написал, что на Украине живет только месяц и не может ничего написать по вопросу о райской жизни при немцах. На третий вопрос Иосиф Чернов заявил, что раз сами немцы, воюя против СССР и его правительства, тем самым признают их, то и он признает Советское правительство и, соответственно, Сталина. В результате епископ был арестован. Его обвиняли в работе на советскую и ан-

¹ Королева В.В. Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова) // XXI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва. № 21. 2011. С. 423.

² Архив УФСБ по РО. Д. П-49273. Т. 1. Л. 91.

³ Там же. Л. 211.

⁴ Там же.

глейскую разведки. В гестаповской тюрьме, почти без пищи и воды, в мороз, епископ находился два месяца, с 6 ноября 1943 г. по 12 января 1944 г. Готовясь эвакуироваться, немецкая армия проводила массовые расстрелы заключенных. В расстрельных списках находилось и имя епископа Иосифа, однако от расстрела его спас помощник начальника тюрьмы Иван Кучер за взятку¹. 11 января 1944 г. немцы оставили Умань.

В апреле 1944 г. епископ Иосиф обратился с поздравлением к жителям Умани в связи с освобождением от немецких захватчиков. В этот период епископ был членом комиссии по расследованию зверств, совершенных фашистами. Тогда же епископ получил вызов в Патриархию от Патриарха Сергия (Страгородского). Доехав до Киева, 4 июня епископ Иосиф (Чернов) был арестован управлением НКГБ Ростовской области. Его обвинили в принадлежности к немецкой разведке и предложили объяснить, каким образом он остался жить, тогда как числился расстрелянным в списке, оставленном гестаповцами.

Судили епископа в 1945 г. как агента гестапо и тайного иоаннита (последователя секты почитателей Иоанна Кронштадтского. – Л. Т.), организатора тайного монастыря в г. Азове. По делу вместе с ним проходили 43 человека, преимущественно иоанниты. Чернов признал из многочисленных пунктов обвинения (среди них фигуировало даже «осуждение» им патриаршей Церкви) только три, а именно: антисоветские публикации в газете «Новое слово», выступление с речью при переносе немцами памятника Петру I с берега моря в центр города и сбор биографий духовенства для передачи немцам по их требованию. Пособничество гестапо епископ Иосиф категорически отверг: «коммунистов и партизан я немецкой разведке не выдавал, а также лиц враждебно настроенных против немецкой власти не выявлял. Это я категорически отрицаю»².

Решением Военного трибунала Северо-Кавказского военного округа от 11–19 февраля 1946 г. Иосиф (Чернов) был при-

¹ Там же. Л. 102.

² Там же. Л. 20 об.

говорен к 10 годам ИТЛ. Как «особо опасный государственный преступник» был направлен в особый лагерь МВД близ Челябинска¹. Реабилитирован прокуратурой Ростовской области 14 мая 1992 г.

Таким образом, епископ Иосиф (Чернов) в период оккупации оказался в сложном положении. До приезда в г. Ростов правящего архиепископа Николая (Амассийского) он был единственным епископом на территории Ростовской области. Немцы попытались использовать его в своих целях, стремясь заставить его участвовать в пропагандистских акциях. Если от участия в духовном окормлении коллаборационистских частей и чтения проповедей на политические темы епископ смог уклониться, то избежать публикаций на политическую тему в местной газете не удалось. В результате епископ подвергся двойным репрессиям – и немецких властей, и советской власти. На сегодняшний день выявленными источниками не подтвердился факт вознесения имени митрополита Сергия (Страгородского) епископом Иосифом (Черновым) на оккупированной территории.

Библиографический список

1. Архив управления Федеральной службы РФ по Ростовской области (Архив УФСБ по РО). Д. П.-38243.
2. Архив УФСБ по РО. Д. П.-49273. Т. 1.
3. *Макарий (Веретенников), архим.* Иосиф (Чернов) // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/578561.html> (дата обращения: 23.03.2016).
4. *Георгий (Соколов), игумен.* Из воспоминаний о церковной жизни в СССР при немецкой оккупации // Вестник Института по изучению СССР. Мюнхен. 1957. № 2 (23). С. 103–110.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-4173. Оп. 4. Д. 116. Л. 25 об.; Оп. 5. Д. 39. Л.1; Оп. 6. Д. 69. Л. 10, 13. Д. 304. Л. 17, 35. Д. 77. Л. 10 об.
6. *Иосиф (Чернов)* // Русское Православие [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_192 (дата обращения: 15.03.2016).
7. *Киричек М.С.* Святые купола Таганрога. История храмов, утраченных и существующих. Таганрог, 2008.
8. *Королева В.В.* Таганрогский период служения митрополита Иосифа (Чернова)

¹ *Макарий (Веретенников), архим.* Иосиф (Чернов) // Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/578561.html> (дата обращения: 23.03.2016).

- // XXI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. Москва. № 21. 2011. С. 422–426.
9. Крест снова венчает храмы // Новое слово. 1942. 17 октября.
10. *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Пятигорск, 2003.
11. НКВД в епископском одеянии // Новое слово. 1943. 13 мая.
12. Освящение храмов в Таганроге // Новое слово. 1942. 1 сентября.
13. Праздник Рождества Христова // Новое слово. 1942. 25 декабря.
14. *Свентицкий Д.В.* Динамика и анализ публикаций на церковную тему в оккупационной прессе Дона и Кубани в период Великой Отечественной войны // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2014. № 3. С. 51–55.
15. Свет радости в мире печали: Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф / Сост. В. Королева. М.: Паломник, 2004.
16. *Табунщикова Л.В.* Количественный анализ открытия православных храмов и молитвенных домов на оккупированной территории Ростовской области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. № 10 (60). Часть I. 2015. С. 172–174.
17. *Табунщикова Л.В.* Церковная жизнь на территории г. Таганрога в годы Великой Отечественной войны в период немецкой оккупации // Научные труды Донской духовной семинарии. Вып. 4. Антей. 2016. С. 135–144.
18. *Табунщикова Л.В., Шадрина А.В.* Церковные расколы в Донской области. 1920–1930-е годы. Сборник документов. Ростов-на-Дону: Антей, 2015.
19. Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (ТФ ГАРО). Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 7. Л. 61–61 об., 66–66 об.
20. Церковь в СССР и Ватикан (из берлинской газеты «Новое слово») // Новое слово. 1942. 2 мая.
21. *Шадрина А.В.* Храмы Донской и Новочеркасской епархии, конец XVII века – 1920 г. Справочник. Ростов н/Д: Антей, 2014.
22. *Шишкин Е.Н.* Русская Православная Церковь на оккупированных территориях Кавказа в августе 1942 – феврале 1943 г. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 113–126.

Сведения об авторе

ТАБУНЩИКОВА ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА –
кандидат исторических наук,
доцент Южного федерального университета,
e-mail: puma19776@mail.ru

Iosif (Chernov), the bishop of Taganrog: his life during the occupation

Lyudmila V. Tabunshchikova
Candidate of History, Associate Professor
of Southern Federal University,
e-mail: puma19776@mail.ru

This article is dedicated to the bishop of Taganrog Iosif (Chernov) who turned out to be in the land occupied by the fascists during the Great Patriotic War. Most of the focus of this article is on his relationship with the Germans who tried to use him for their own ideological aims. The bishop could have escaped the spiritual guidance of collaborationists' forces and political propagation, but had to publish some political articles in the local newspaper. As the result he was subjected to "double repressions" – at first by the German authorities and then by the Soviet government. The main sources of this article are two lawsuits of Iosif (Chernov) (dated of 1925 and 1944 years) from the archive of the Federal Security Service of Russia and the materials of the Taganrog collaborationists' newspaper "Novoe slovo".

Keywords: *Russian Orthodox Church, bishop Joseph (Chernov), Taganrog, opening of churches; The Great Patriotic War, occupation, Rostov region, collaborationists newspaper "Novoe slovo".*

РАЗДЕЛ II.

ЦЕРКОВЬ
КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦА
ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:
ОПЫТ СТОЛЕТИЯ
(1917–2017)

Храмы Всех Русских Святых в XX веке

Восстановление Поместным Собором Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. праздника Всех Святых, в земле Русской просиявших, вызвало необходимость службы этому празднику, которая и по поручению Собора составлена профессором Б.А. Тураевым и будущим епископом Афанасием (Сахаровым). Собор одобрил текст службы, которая вскоре была издана небольшим количеством экземпляров. Вскоре, уже в 1919 г., в Петрограде в первый раз состоялась служба новому празднику в храме Святых Апостолов Петра и Павла в главном здании Петроградского университета. Когда церковь закрыли, протоиерей Николай Чуков и Б.А. Тураев смогли добиться разрешения на открытие домового храма Всех Русских святых. Настоятелем храма стал священник Владимир Лозина-Лозинский, расстрелянный в 1937 г. Закрыта церковь была 19 июля 1923 г. В последующие два с лишним десятилетия храмы во имя Всех Русских святых были только тайными. В таком домашнем храме епископ Афанасий служил во время Туруханской ссылки в 1930-е гг. Архимандрит Гурий (Егоров) устроил храм, посвященный Всем Русским Святым в Узбекистане. Спустя годы именно ему, в бытность наместником Троице-Сергиевой лавры в 1946 г., выпало открыть в крипте Успенского Собора храм во имя Всех Русских Святых. Стараниями протоиерея Николая Недвецкого в 1954 г. в Клайпеде (Литва) был устроен еще один храм Всех Русских святых.

Ключевые слова: Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 гг., святитель Афанасий (Сахаров), Б.А. Тураев, служба Всем Святым, в земле Русской просиявшим, М.Н. Соколова, домашние церкви, протоиерей Николай Недвецкий, архимандрит Гурий (Егоров), Троице-Сергиева лавра.

В 2017 г. мы отмечаем столетие открытия Великого Поместного Собора 1917–1918 гг., одним из великих деяний которого было установление празднования Всех Святых, в земле Российской просиявших. Этот праздник явился духовным ответом на начало крестного пути Русской Церкви, продолжавшегося десятилетия, откликом на развернувшиеся катастрофические события в России и Русской Церкви. Празднование было установлено на первое воскресенье Петровского поста. Инициатором

воссоздания праздника выступил историк-востоковед профессор Петроградского университета Борис Александрович Тураев, сотрудник Богослужебного отдела Священного Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. 15 марта 1918 г. он выступил на заседании отдела о богослужении, проповедничестве и храме с докладом, в подготовке которого принимал участие иеромонах Владимирского Рождественского монастыря, будущий святитель, священноисповедник Афанасий (Сахаров). Профессор Б.А. Тураев подчеркнул, что этот праздник должен быть «малым напоминанием о великой единой России и Российской Церкви, созданной подвигами ее святых и не сохраненной нашим грешным поколением»¹.

Утверждение на Соборе праздника Всех Святых, в земле Русской просиявших, вызвало необходимость создания особой службы. Ее составление было поручено Борису Александровичу Тураеву и иеромонаху Афанасию (Сахарову). Первоначальный вариант службы был издан отдельной брошюрой в 1918 г. очень небольшим количеством экземпляров. Она разошлась среди участников Собора, не была разослана по епархиям и не получила широкого распространения. Громадное большинство церквей не имело возможности отмечать этот праздник².

Осенью 1922 г. в 17-й камере Владимирской тюрьмы оказался епископ Афанасий с почитателями праздника, в том числе: архиепископ Никандр (Феноменов), архиепископ Фаддей (Успенский), епископ Корнилий (Соболев), игумен Чудова монастыря Филарет (Волчан), священник Сергей Дурылин и другие. «После неоднократных оживленных бесед об этом празднике, о службе, об иконе во имя этого праздника, было положено начало нового пересмотра, исправления и дополнения службы, напечатанной в 1918 году. В службе были сделаны соответствующие изменения. В первый раз празднование Всем Русским Святым не в воскресный день и по исправленной службе было соверше-

¹ Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний // Сост. А.Г. Кравецкий и Г. Шульц. Третья сессия. М., 2000. С. 184–185.

² См.: Л. П. «Служба всем святым, в земли Российской просиявшим» // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 9.

но в этой же, 17 камере в день преставления святого Димитрия Ростовского, 28 октября (8 ноября) 1922 г.¹».

16 февраля 1923 г. в Таганской тюрьме епископ Афанасий освятил для себя и для отправлявшихся в изгнание антиминос во имя Всех Святых в земле Русской просиявших. Первоначальное второе празднование предполагалось только для храмов Всех Русских святых. Однако, как писал Владыка, все более утверждалось мнение, что этот праздник должен стать «как бы храмовым для всех православных храмов на Руси»². Почитатели праздника митрополит Кирилл (Смирнов) и секретарь Святейшего Патриарха Тихона архимандрит Неофит (Осипов) одобрили дополнения и изменения, сделанные владыкой Афанасием, и «содействовали распространению исправленной службы и популяризации июльского праздника»³.

Праздник предваряется службой святому равноапостольному князю Владимиру как своеобразным предпразднством, которое служится 16 (29) июля. 17 (30) июля совершается праздник Всех Русских Святых, а на следующий день, 18 (31) июля, владыка предполагал поминать «многоименный сонм хотя и не прославленных еще к церковному чествованию, но великих и дивных подвижников благочестия и праведников, а также строителей Святой Руси и разнообразных деятелей церковных и государственных», поскольку праздник Всех Русских Святых, по замыслу епископа, есть праздник всей Святой Руси»⁴. Праздник становился трехдневным.

Во включении в празднование поминовения непрославленных подвижников Руси – еще не оцененная по достоинству интуиция великого святителя, почувствовавшего своим духом необходимость молитвенного объединения всех деятелей России. Здесь проявилось национальное чувство святого Афанасия – его чувство неразрывной связи святых русских со всей

¹ См. Служба Всем Святым, в земле Русской просиявшим (Празднование 15, 16, 17 июля) / Сост. епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). М., 1995. С. 9–10.

² Там же. С. 12.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 12.

страной, всем народом, давшим этих святых. Служба является словесной иконой не только Русской Церкви, но всей Святой Руси, освящая этот дивный образ молитвой, памятью и любовью.

Ревнители праздника, а это были в первую очередь петроградцы, уже через год после восстановления Русской Церкви праздника Всех Русских Святых, протоиерей Николай Чуков (будущий митрополит) и Борис Александрович Тураев, 22 июня н. ст. 1919 г. молились по составленной им с иеромонахом Афанасием Сахаровым службе в церкви Святых Апостолов Петра и Павла в главном здании Петроградского университета. В первой половине августа 1919 г. эта церковь, как и все домовые церкви в Петрограде, была закрыта. Однако в течение двух недель протоиерей Н.К. Чуков и профессор Б.А. Тураев в ходе неоднократных хождений и переговоров с комиссариатом юстиции и Василеостровским жилищным отделом смогли добиться места для церкви в частной квартире на Биржевой линии, 8, кв. 19. Вечером 27 августа 1919 г. было совершено торжественное малое освящение храма в честь Всех святых, в земле Российской просиявших, затем всенощное бдение, а утром 28 августа протоиерей Николай Чуков уже служил первую литургию.

Каждое воскресенье настоятель храма Всех Русских Святых говорил поучения и проповеди, проводил уроки Закона Божия. Старостой (ктитором) церкви был академик Б.А. Тураев, «святой человек, знавший богослужение лучше духовенства», как писал о нем митрополит Евлогий (Георгиевский). После безвременной кончины Бориса Александровича в течение года старостой была его жена Елена Филимоновна Тураева.

В хоре часто пели студенты консерватории, в том числе сын протоиерея Николая Чукова Александр, посвященный в чтеца (в последующем оперный певец). Протоиерей Николай Чуков, настоятель Казанского собора, был арестован в 1922 г. по делу «О сопротивлении изъятию церковных ценностей», приговорен к расстрелу, замененному пятью годами тюрьмы. На-

стоятелем первой церкви во имя Всех Святых, в земле Русской просиявших, стал Владимир Лозина-Лозинский, выпускник университета, молодой юрист, поэт. Он принял сан в начале гонений под влиянием трагических событий в 1920 г. Закрыта церковь была 19 июля 1923 г.¹

Отец Владимир был арестован в 1924 г. по делу «Спасское Братство». В тюрьме у него случилось нервное расстройство, что позволило родным его спасти: по хлопотам родственников отец Владимир был освобожден. Второй арест последовал в феврале 1925 г., и отец Владимир был приговорен к десяти годам лагерей по обвинению в монархическом заговоре и служении панихид с поминовением Императорской Семьи². Отбывал наказание на Соловках. Расстрелян в 1937 г.

Надо указать на роль митрополита Петроградского и Гдовского Вениамина (Казанского) в распространении этого праздника. 22 июня 1919 г. в Петрограде празднование было отмечено торжественным служением священномученика Вениамина и епископа Нарвского Геннадия (Туберозова) с сонмом городского духовенства. 6 декабря 1920 г. крестильня в соборе Святого Князя Владимира была переоборудована в храм и освящена как придел храма Всех Русских Святых.

Кроме упомянутого храма и придела, вскоре закрытых, были в эпоху гонений тайные домашние церкви во имя Всех Русских Святых. В первую очередь домовый храм во имя Всех Русских Святых всегда старался устроить владыка Афанасий, если позволяли условия, которые часто были слишком суровыми.

После тюрьмы последовала ссылка в Зырянскую область, где в домике, в котором жили ссыльные, была устроена келейная церковь во имя Всех Святых, в земле Русской просиявших. В

¹ Академик Б.А.Тураев (1868–1920) в памяти прот. Н. Чукова. К 90-летию преставления // Портал «Богослов.ру» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/953836.html> (Дата обращения – 12.11.2017).

² Дегтярева М. Священномученик Владимир Лозина-Лозинский: «Среди скорбей – “воздушно-светел”» // Православие и мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/svyashhennomuchenik-vladimir-1/#ixzz3LLP14BTР> (Дата обращения – 12.11.2017).

ней совершали богослужения епископ Афанасий, митрополит Кирилл (Смирнов), архиепископ Фаддей (Успенский), который исполнял обязанности чтеца и певчего. Цвет епископата Русской Церкви молился русским святым, среди прихожан этой церкви был и Сергей Иосифович Фудель, позднее описавший эти богослужения.

Владыка Афанасий служил в «простой, холщовой, священнической фелони, только сверх нее надевал омофор»¹. И митра была маленькая, матерчатая, без украшений. И в этой простоте Фудель видел высокий духовный смысл, соответствующий времени, обстановке, внутреннему настрою на смирение. На богослужении присутствовали только ссыльные. Приглашать кого-либо из местного населения было строго запрещено. Вскоре в село нагрянули с обыском. Отобрали вино, предназначенное исключительно для богослужения. После заявленного протеста пришли снова и отобрали облачения, сосуды и церковные свечи.

В 1925 г. владыка возвращается во Владимир, а в 1926 г. последовал арест, Внутренняя тюрьма на Лубянке, тюрьма и заключение в Соловецкий лагерь, а потом ссылка в Туруханск. В Туруханске епископ Афанасий смог снова устроить свою домашнюю церковь, где он служил ежедневно. Конечно, его келейный храм был во имя Всех Русских Святых. Престольный праздник служил дважды: 1-е воскресенье Петрова поста и 28-30 июля.

В 1934 г. в тайной церкви «Отрада и утешение», которая находилась в домике, где скрывался иеромонах Иеракс (Бочаров), около станции Лосиноостровская под Москвой, была освящена икона праздника, созданная духовной дочерью святого праведного протоиерея Алексия Мечева Марией Николаевной Соколовой по эскизам епископа Афанасия. За малой вечерней состоялось освящение образа. Вечером и утром была отслужена служба Всех Русских Святых. Владыка всегда хотел, чтобы

¹ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О.В. Косик. М., 2000. С. 87.

эта икона была помещена в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, и это желание впоследствии исполнилось. Связано это событие с именем будущего митрополита Гурия (Егорова).

Необходимо сказать о том, что выдающийся русский иконописец и реставратор Мария Николаевна Соколова еще с конца 1920-х по начало 1930-х гг. по благословению епископа Афанасия (Сахарова) работала над иконой «Все святые, в земле Русской просиявшие». Она создавала новую иконографию, разыскивая в источниках «подобия» лика каждого святого, подробно изучая житийный материал. Этот образ стал его келейной иконой.

Архимандрит Гурий (Егоров) был одним из видных петроградских церковных деятелей, основателем Александро-Невского братства в Петрограде. Он, как и другие старые петроградцы, носил в своем сердце праздник, установленный Собором. Несколько раз был арестован. В 1922 г. сослан в пос. Усть-Цильма, река Печора, затем в Ашхабад, Ташкент. В начале 1925 г. отец Гурий, возвращаясь из ташкентской ссылки, прибыл в Москву. В это время умер Патриарх Тихон (Беллавин), и Владыка участвовал в его похоронах и даже был уставщиком на отпевании. В 1926 г. – настоятель Киевского подворья в Ленинграде. К концу 1928 г. был снова арестован, ему дали пять лет «исправительно-трудового лагеря» за миссионерскую деятельность. Отбывал свой срок на строительстве Беломорканала. В 1933 г. вернулся в Ленинград – и снова последовала ссылка на поселение в Ташкент.

Ташкентской епархией управлял в то время митрополит Арсений (Стадницкий) (1862–1936). К нему за разрешением служить литургию в домашних условиях и обратился отец Гурий. Митрополит благословил его и вручил антиминс. В конце 1937 г. положение тех, кто был ранее арестован, стало очень тревожным. На имя духовной дочери в глухом поселке Беш-Бала под Ферганой в 1938 г. был приобретен маленький домик. В земляном полу дома, где проживал отец Гурий, была вырыта ниша, и в ней находился алтарь храма в честь Всех Святых, в

земле Российской просиявших. Узбеки, находясь вблизи этого дома при совершении в нем богослужений, неоднократно слышали очень тихое, но необычайно красивое пение. Они считали это пение ангельским, а место святым и, конечно, хранили это втайне от власти имущих. Отец Гурий не случайно создал и освятил такой храм – именно ему впоследствии выпал жребий открыть первый после долгого перерыва храм во имя Всех Русских Святых.

В 1898 г. в крипте под Успенским Собором Троице-Сергиевой лавры, при усыпальнице московских митрополитов, на средства Е.С. Ляминой был устроен придел Всех Святых, в 1920-х гг. упраздненный. Назначенный наместником вновь открытой Троице-Сергиевой лавры в 1946 г. архимандрит Гурий освятил этот храм во имя Всех Русских Святых. «Богослужения в Лавре начались в нижнем храме под Успенским собором в Страстную седмицу 1946 г. Перешли в верхнюю часть Успенского собора лишь к Троицыну дню, где начались с этого дня постоянные богослужения и возрождение зданий Лавры сначала трудом прибывающих монахов»¹.

Владыка Афанасий в эти годы находился в заключении. После освобождения он решил передать икону, написанную М.Н. Соколовой Свято-Троицкой Сергиевой лавре. Он попросил Марию Николаевну, чтобы на обороте иконы была записана ее история в таком виде: «Сей Святый образ Всех Святых, в земле Русской просиявших, первый в такой (композиции) по благословению и указанию Преосв[ященного] Афанасия епископа Ковровского написан в граде Москве иконописцем Марией Николаевной Соколовой, в лето от сотворения мира 7442-е, от Рождества же по плоти Бога Слова 1934-е в январе-мае месяцах. Освящен сей образ Преосв[ященным] Афанасием после малой вечерни под неделю Всех Святых в земле русской просиявших 27 мая – 10 июня того же года при служении в домовом храме иеромонаха Троице-Сергиевской Лавры Иерак-

¹ Алипий (Кастальский), архим. Свято-Троицкая Сергиева лавра. // Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010.

са – в селении Лосино-Островском Московской области при участии хора Московского святителя Николая, что в Кленниках, церкви».

Об этой надписи должны знать очень немногие, и после ее написания обратную сторону иконы надо будет обтянуть какой-либо материей»¹.

В крипте под Успенским собором покоится прах двух последних русских патриархов – Алексия I († 1970) и Пимена († 1990). В криптовом храме три престола. Центральный посвящен Всем Святым, в земле Российской просиявшим. Множество угодников Божиих давала Православию наша земля во все времена. Их число особенно увеличилось в недавние годы гонений, постигших Русскую Церковь. Новомученики и исповедники Российские – почти наши современники, кровью засвидетельствовавшие свою верность Христу.

По восстановлению Лавры смешанный хор под управлением Н.Н. Плющева стал петь за ранними литургиями под Успенским собором.

Продолжали создаваться и домашние церкви во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших.

В Дубравлаге вместе с епископом Афанасием находился митрополит Нестор (Анисимов), арестованный в Харбине в 1948 г. и заключенный в лагерь. Архиереи подружились, их связывала и любовь к русским святым. После освобождения митрополит Нестор писал епископу Афанасию: «Самая большая моя радость – по благословению Св. Патриарха я в маленькой комнате устроил домовую церковочку и на днях буду освящать в честь Всех Святых, в земле Российской просиявших». Он просит: «Но еще не имею храмовой иконы. Хочу устроить или такую, которую знаете, но только уж очень мелкий снимок, с которого можно было бы списать. Или такую, что в Троице-Сергиевой Лавре в Нижнем храме, где обычно исповедуют»².

¹ Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О.В. Косик. М., 2000. С. 370–371.

² Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). М., 2013. Кн. 1. С. 672.

Храм Всех Русских Святых был создан даже в Литве стараниями протоиерея Иоанна Левицкого и протоиерея Николая Недвецкого. Протоиерей Николай Недвецкий 21 год прослужил в Кейданской церкви Преображения Господня Литовской епархии. С 15 июня 1949 г. стал настоятелем храма в г. Клайпеде. Он писал епископу Афанасию 9 июня 1957 г.: «Храм наш посвящен всем русским святым, так как в Клайпеду собрались русские православные люди буквально со всех концов нашей великой родины. Даже у себя они молились св[ятым] угодникам, которые прославляются в их местности, а в Клайпедe – в храме, посвященном всем русским святым»¹.

«Храм устроен в здании бывшей лютеранской кирхи (немцы из Клайпеды все уехали), освящен в 1947 году. Инициатором и устройтелем прихода был один из старейших пастырей нашей епархии митрофорный протоиерей о. Иоанн Левицкий. Много он потрудился для благоустройства храма и прихода, и только благодаря его трудам и Божией помощи открыт в Клайпедe приход и получено здание для храма».

«Трудно было в послевоенное время устроить внутреннее оборудование храма, средств на это почти не было. Поделались соседние приходы. Центральная часть иконостаса получена из Либавы, некоторые иконы и часть утвари из других церквей. Но и теперь еще многого не хватает. Недостающее приходится постепенно восполнять»².

Протоиерей Николай писал о давнем желании священства и прихожан храма иметь икону Всех Русских Святых. Но не было образца, с которого можно было бы написать икону. Отец Николай долго и терпеливо собирал изображения русских святых для одной общей иконы. Собрав необходимый материал, он обратился к иконописцу, который написал икону на золотом фоне. Фотографию этой иконы отец Николай послал епископу Афанасию.

¹ Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). М., 2013. Кн. 1. С. 635–636.

² Там же. С. 636.

Она была освящена 31 октября 1954 г. Протоиерей Иосиф Дзичковский описывал ее: «На иконе была изображена вся Русь Православная, начиная от ее крестителя – равноапостольного князя Владимира. Из истории Великой Родины нашей взято и перенесено на икону все самое чистое, святое, великое и незабываемое. Поучителен каждый образ святого – а тут их сотни. Сколько пламенных патриотов, горячо любивших Родину (преподобный Сергей Радонежский, князь Александр Невский, Патриарх Гермоген, митрополит Филипп и т. д.)! Ведь прихожане храма – русские люди. На иконе же изображены тоже русские люди. Сколько тем для размышления и, конечно, для подражания!..

Я, соборне, с двумя клайпедскими священниками, совершил освящение иконы, а затем – Божественную литургию. В положенное время у новоосвященной иконы я обратился к русским людям, переполнившим храм, с соответствующим словом, указывая им на богатое, бесценное содержание иконы, и призывал их любить и славить нашу Родину, как это делали изображенные на ней Угодники Божии, – тоже русские люди. Надо было видеть, как внимательно прихожане выслушали мое обращение! Затем они сплошным потоком устремились к иконе для поклонения. Еще долго после окончания службы они не расходились, подходя к о. настоятелю, благодаря его за бесценный подарок. Вечером опять собрался народ, у иконы я совершил Акафист Всем русским святым и опять беседовал с людьми. Приятно сознавать, что и в дальнейшем каждое акафистное пение у храмовой святыни будет прославлением доблести русских людей» ... Эта храмовая икона находится за левым клиросом Всехсвятского храма¹.

Владыка Афанасий старался найти сведения о храмах Всех Русских Святых. Его знакомая монахиня Серафима (Грум-Гржимайло) сообщила, что в храме Покрова Пресвятой Бого-

¹ Левич Г. Православные храмы Клайпеды. Церковь во имя всех Русских святых // Живой колос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/localhistory> (Дата обращения – 12.11.2017)

родицы в Ленинграде был освящен придел в честь Русских Святых. Этот храм теперь стерт с лица земли¹. Протоиерей Евгений Лукин с ноября 1948 г. был секретарем митрополита Григория (Чукова), поэтому не удивляет стремление открыть если не храм, то придел, посвященный Русским Святым.

Еще о домашних храмах. Необычный храм в честь этого праздника был устроен в 1972 г. в московской квартире ученого геолога, тайного священника Глеба Александровича Каледы. Многие годы в обстановке строжайшей секретности в этом храме отец Глеб служил Литургию, а помогали ему – пели, читали, готовили все потребное для совершения Таинства – его супруга Лидия Владимировна и дети.

Храмы во имя Всех Русских Святых создавались за рубежом. Упомянем хотя бы Церковь Всех Святых, в земле Российской просиявших, в Бурлингейме, основана в 1952 г. в Америке (штат Калифорния).

Святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский был прославлен в лике святых Русской Православной Церковью за рубежом 19 июня / 2 июля 1994 г., в канун памяти Всех Святых, в земле Российской просиявших. Свой кафедральный храм в Париже владыка, тогда архиепископ Брюссельский и Западно-Европейский, устроил в декабре 1961 г. также во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших. Этот праздник для святителя был особенным: вдали от Отечества владыка верил, что Святая Русь, несмотря ни на что, молитвами и заступничеством всех своих святых, прославленных и безвестных, всегда будет оставаться святой.

Ныне во многих городах России и за рубежом созданы храмы во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших. Их насчитывается около 65, в том числе в Святой Земле, Австралии, Америке и других странах.

В Екатеринбурге построен Храм-на-Крови во имя Всех Святых, в земле Российской просиявших – Царская Голгофа.

¹ Церковно-исторический архив (ЦИА) ПСТГУ.

В определенном смысле Россия – это один большой антиминс, один большой престол, так много людей здесь пострадали и погибли за веру. Где антиминс – там храм, и имя ему – Храм Всех Святых, в земле Российской просиявших.

Библиографический список

1. Академик Б.А.Тураев (1868–1920) в памяти прот. Н. Чукова. К 90-летию преставления // Портал «Богослов.ру» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/953836.html> (Дата обращения – 12.11.2017).
2. *Алпий (Кастальский), архим.* Свято-Троицкая Сергиева лавра // Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010.
3. *Дегтярева М.* Священномученик Владимир Лозина-Лозинский: «Среди скорбей – “воздушно-светел”» // Православие и мир [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/svyashhennomuchenik-vladimir-l/#ixzz3LLPI4BTP> (Дата обращения – 12.11.2017).
4. *Левич Г.* Православные храмы Клайпеды. Церковь во имя Всех Русских Святых // Живой колос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kolos.lt/localhistory> (Дата обращения – 12.11.2017).
5. *Л. П.* «Служба всем святым, в земли Российской просиявшим» // Журнал Московской Патриархии. 1946. № 9.
6. Молитва всех вас спасет: Материалы к жизнеописанию святителя Афанасия, епископа Ковровского / Сост. О.В. Косик. М., 2000.
7. Письма разных лиц к святителю Афанасию (Сахарову). Кн. 1. М., 2013.
8. Служба Всем святым, в земле Русской просиявшим (Празднование 15, 16, 17 июля) / Сост. епископ Ковровский Афанасий (Сахаров). М., 1995.
9. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний // Сост. А.Г. Кравецкий и Г. Шульц. Третья сессия. М., 2000.

Сведения об авторе

КОСИК ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА –
старший научный сотрудник Научно-исследовательского
отдела новейшей истории Русской Православной Церкви
ПСТГУ,
e-mail: olga_kosik@mail.ru

The Temples of All Russian saints in the XX century

Olga V. Kosik

Senior Researcher of the Research Department

of Contemporary History of the Russian Orthodox Church

*of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University,
e-mail: olga_kosik@mail.ru*

The restoration of the local Council of the Russian Orthodox Church the feast of All Russian saints has necessitated the service of All Russian saints, which was compiled by Professor B. A. Turaev and future Bishop Athanasius (Sakharov). The Council approved the text of the service, which was soon published by a small number of instances. Soon, already in 1919, in Petrograd the first time services were held to a new festival in the Church of STS. App. Peter and Paul in the main building of the University of Petrograd. When the Church was closed, FR. N. Chukov and B. A. Turaev were able to get permission to open a house Church of All Russian saints. The rector of the first Church in the name of all saints resplendent in the Russian land, became the priest Vladimir Lozin-Lozinski. The Church was closed in July 19, 1923. In the next two decades, the temples in the name of All Russian saints were only secret churches.. In this home Church the Bishop Athanasius was at the time of Turukhansk exile in the 1930s Archimandrite Gurii (Egorov) built a temple dedicated to All Russian saints in Uzbekistan. Some years later it was he who, when he was a Governor of the Trinity Sergius Lavra, fell open in the crypt of the Assumption Cathedral Church in the name of All Russian saints in 1946 through the efforts of Protopriest Nicholas Nadeznogo, in 1954, in Klaipeda (Lithuania) the Church of All Russian saints was created.

Keywords: *local Council of the Russian Orthodox Church of 1917-1918, St. Athanasius (Sakharov), B. A. Turaev, worship All saints resplendent in the Russian land, mn. Sokolova, house churches, and Archpriest Nikolay Nedvetsky, Archimandrite Gurii (Egorov), the Trinity-Sergius Lavra.*

Священник Евгений Шишкин.
Священник Александр Пантюхин

Православные ценности в советской повседневности

XX век вошел в историю нашей страны как эпоха гонений на веру, построения атеистического общества. За более чем семидесятилетний советский период Русская Православная Церковь в связи с жесткой линией государственной власти оказалась практически за рамками общественной жизни. В советском обществе формировалась мировоззренческая позиция, в которой официально не было места для Церкви. Человек должен был полностью отказаться от религиозного фактора в жизни. На практике Церковь как хранительницу цивилизационных основ невозможно было полностью исключить из общественной жизни. Культура, традиции, нравственные нормы были устроены на глубоком православном фундаменте. Советские фильмы, книги, песни зачастую были наполнены христианским содержанием. Множество людей хранило веру, несмотря на жесткие административные притеснения Церкви, духовенства и верующих. Зачастую проявления православной религиозности можно было увидеть в тех слоях общества, где, с точки зрения официальной идеологии, она должна быть изжита в первую очередь, то есть среди коммунистов и советских служащих.

Ключевые слова: вера, коммунисты, культура, повседневность, православие, Северный Кавказ, советское общество, традиции, ценности, Церковь.

Считается, что в СССР моральные ценности подменялись классовыми... Действительно, официальная идеология строилась на положениях марксизма, согласно которым религия и этика являются надстройкой общественных формаций. Однако в данном сообщении пойдет речь не об официальной идеологии, а о реальном наполнении жизни миллионов советских людей, в которой причудливым образом переплетались коммунистические лозунги и традиционные христианские ценности. Причем далеко не всегда конфликт этих двух систем ценностей заканчивался победой официоза. Большевикам, в частности, пришлось отказаться от изначального плана уничтожения се-

мы и озаботиться созданием системы позиционирования (рекламирования) «образцовых» семейных отношений в СССР.

Можно привести огромное количество примеров из произведений советского искусства, в том числе кино – особенно детского, – в которых языком образа выражены прямо христианские интуиции. Подробное рассмотрение этого вопроса не входит в нашу задачу, достаточно лишь в качестве примера упомянуть, что Римский папа Иоанн XXIII рекомендовал христианам всего мира смотреть именно советские мультфильмы.

Присутствие религиозных ценностей в советском обществе, пусть и не публичное, было значительно большим, чем может показаться при поверхностном взгляде. Итоги переписи 1937 г., в ходе которой большая часть граждан Советского Союза не побоялась признать себя верующими, стали откровением для самого И.В. Сталина. Докладные записки с мест раскрывали еще более важные детали общей картины, из которых следовали более масштабные выводы о религиозности населения¹. Более того, на первые выборы всех уровней после сталинской Конституции 1936 г., закрепившей всеобщее равенство граждан, от простого народа были выдвинуты кандидатами не только номенклатурные работники, но и православные священнослужители. И это после почти двадцати лет социалистического строительства! Большевики увидели реальный КПД своих идеологических усилий. Это был кульминационный момент конфликта двух систем ценностей в советском обществе, который стал одним из важных факторов в последовавшем начале Большого террора 1937–1938 гг.

Традиционные ценности русской цивилизации, укорененные в православной вере, на протяжении всех 70 лет советской власти составляли своего рода «второе дно» общественного сознания. Сфера их распространения гораздо шире, чем номинальные данные о количестве верующих в

¹ *Жиромская В.Б.* Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Института российской истории РАН. 1997–1998 г. Вып. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 324–335.

СССР. На личностном уровне многие советские неверующие имели положительный опыт общения с глубоковерующими родственниками: бабушками, дедушками, родителями. Чтобы понять масштабы этого обыденного взаимодействия советских людей с де-юре чуждым идеологическим явлением, достаточно привести примеры глубоковерующих простых русских женщин: Натальи Денисовны Брежневой (мать Л.И. Брежнева, просила построить храм возле ее дома) и Анны Тимофеевны Гагариной (мать Ю.А. Гагарина, брала благословение у Патриарха на официальном приеме у Н.С. Хрущева), сыновья которых на определенных этапах советской истории были олицетворением системы для миллионов советских граждан.

Поэтому любое ослабление официозного ригоризма в идеологической сфере сопровождалось мощными всплесками возрождения церковной жизни. Это и Великая Отечественная война, и перестройка, и менее известный период «хрущевской оттепели» с 1953 по 1957 г., сменившийся усилением идеологического гнета и небезызвестными гонениями конца 1950-х – начала 1960-х гг.

Порой взаимодействие этих двух систем ценностей в советской повседневности приобретало самый парадоксальный и нередко курьезный характер. Приведем несколько примеров на материале Северного Кавказа.

1918 год. Зафиксированы многочисленные случаи привлечения священников к незаконным богослужениям (или с нарушениями законов, а иногда и канонических правил) на пользу советских учреждений. Например, 22 октября 1918 г. в Троицком соборе г. Ставрополя 70 красноармейцев заставили священника венчать пару без документов, удостоверяющих безбрачие. Одного священника в Ставрополе в штабе одной из красных частей принудили служить молебен о даровании победы Красной армии в Гражданской войне. В некоторые учреждения священников насильно вводили в штат для обслуживания религиозных нужд советских работников, назначая крайне

низкую зарплату в 100 рублей¹. Подобные факты указывают на существование в среде красноармейцев и формирующегося класса советских служащих элементов религиозности.

1920 год. В письме Владикавказского епископа Макария (Павлова) указывалось, что с установлением советской власти в Северной Осетии духовенство вынуждено с амвона восхвалять большевистский режим, а также постоянно идти на нарушения канонических норм по требованию местных органов советской власти, преимущественно в вопросах развода².

1922 год. С началом изъятий церковных ценностей была открыта соответствующая агитационная кампания в печати. Для убеждения верующих показывались случаи соучастия в изъятии ценностей некоторых архиереев, которые обосновывали каноничность изъятия для помощи голодающим. Также приводились обращения и примеры ставропольских священников, имеющих аналогичное мнение³. В газете «Терек» указывалось, что в дореволюционную эпоху священнослужители часто сдавали церковные ценности не только для помощи голодающим, но и на военные нужды⁴. При обращении к верующим использовались не только заявления церковных иерархов и местного духовенства, но и исторические примеры жертвы Церкви на нужды государства и народа. В газете «Горская правда» в апреле 1922 г. стали появляться статьи, направ-

¹ Дело № 5 и 1028. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении церкви и ее служителей в Ставропольской епархии // Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ricolor.org/history/kt/ktr/sp/> (Дата обращения – 12.11.2017).

² Письмо епископа Макария Владикавказского. Май 1920 г. // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 143. Оп. 2. Д. 44. Л. 115.

³ Ставропольское духовенство и верующие об изъятии церковных ценностей // Власть Советов. 1922. 5 апреля, № 599. С. 2; Церковные ценности голодающим. Мнение тов. Красикова // Власть Советов. 1922. 2 апреля, № 597. С. 2.

⁴ Артухин В. Голодные годы на Тереке и деятельность в то время местного духовенства // Терек. 1922. 27 апреля, № 77. С. 1; Терское духовенство и изъятие ценностей // Терек. 1922. 23 апреля, № 74. С. 1.

ленные на религиозные чувства местного населения. Например, отказ некоторых священнослужителей сдать церковные ценности комиссиям по изъятию сравнивался с действиями фарисеев и первосвященников в событиях Нового Завета: церковная иерархия, по мнению публициста М. Пантюхова, «распинает голодный народ» подобно древним «князьям церкви», распявшим в I в. Иисуса Христа, звавшего людей к Царству свободы и справедливости¹.

1927 год. В Карачаевской, Черкесской и Северо-Осетинской областях был выявлен ряд верующих коммунистов и предписано среди них особенно усилить антирелигиозную работу².

Конец 1920-х – начало 1930-х годов. Североосетинский исследователь С.А. Хубулова отмечала, что в г. Владикавказе многие граждане принимали участие в церковной жизни без веры, из-за красоты богослужений. Например, рабочие выходили по вечерам в храм послушать пение, а некоторые молодые пары участвовали в Таинстве Венчания ради большей торжественности бракосочетания. Похороны до середины 30-х гг. XX в. сопровождалась церковным отпеванием³.

Широкое значение в повседневности горожан имели религиозные праздники. До конца 1920-х гг. помимо гражданских и революционных праздников отмечались великие и двенадцатые и престольные церковные праздники, дни великих святых.

1934 год. Был закрыт храм святителя Николая Чудотворца в г. Ежово-Черкесске. По распоряжению Л.М. Кагановича разрушение здания черкесского Никольского храма в тридцатидневный срок было поручено сотрудику местного облиспол-

¹ Пантюхов М. Распи его!!! // Горская правда. 1922. № 86, 16 апреля. С. 1.

² Протокол № 9 заседания Орг.бюро ВКП(б) Черкессии от 19 мая 1927 года // Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики (ЦДО-ДиП КЧР). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 57 ; Протокол № 57 заседания бюро обкома ВКП(б) Карачаевской областной организации от 4-го сентября 1928 года // ЦДОДиП КЧР. Ф. П-45. Оп. 1. Д. 18. Л. 31 ; Предложения АППО об антирелигиозно-воспитательной работе. 1928 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

³ Хубулова С.А. Весь мир – мой храм: поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ, 2005. С. 121, 123.

кома, идейному большевику и участнику Гражданской войны Н.И. Соболеву. Проблема состояла в том, что сам он являлся верующим. Собор носил имя святого покровителя чиновника. Несмотря на выполнение приказа, он не оставил веру, всю оставшуюся жизнь переживал об этом, а незадолго до смерти принес покаяние в разрушении храма¹.

1955 год. В ст. Галюгаевской Ставропольского края (население 2500 человек) на ночное пасхальное богослужение собралось около 2000 человек, а проходивший одновременно вечер в колхозном клубе собрал только 100 человек (из них ни одного коммуниста, кроме секретаря парторганизации и председателя сельсовета). При этом в станице насчитывалось 30 коммунистов, 180 комсомольцев и до 70 человек сельской интеллигенции. Уполномоченный Совета по делам Русской Православной Церкви указывал, что станичная молодежь (в том числе секретарь колхозной комсомольской организации и заведующая сельской библиотекой) венчаются в церкви и крестят детей. Хоровым кружком колхозного клуба руководит церковный регент. Священник Николай Белошицкий предложил выделить из церковных средств 10000 рублей на устройство и содержание детской площадки. Он регулярно посещает сельсовет и беседует с председателем коммунистом Шаповаловым, вся семья которого ходит в храм. Почти все коммунисты колхозной парторганизации имеют дома иконы, а их жены открыто посещают богослужения².

Конечно, подобные ситуации порой становились предметом разбирательства на высшем уровне, но, когда круг участников выходил за рамки региональных масштабов, удержать традиционные ценности в идеологическом гетто было сложнее. По-видимому, что цензура оставляла под спудом многие нежелатель-

¹ Левченко А. Покаяние // Провинциальная мысль. Литературно-публицистическая газета. № 4. С. 8.

² Докладная записка о деятельности церковной общины и духовенства в ст. Галюгаевской Курского района председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР тов. Карпову Г.Г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1124. Л. 78–83.

ные для официальной идеологии события, и, например, только спустя полстолетия становятся достоянием общественности документы РГАСПИ о том, что идея преступности разрушения храма Христа Спасителя впервые была озвучена 27 декабря 1965 г. на Пленуме ЦК ВЛКСМ не кем иным, как самим Ю.А. Гагариним.

Не претендуя на полноценное раскрытие заявленной темы, надеемся, что в рамках данного краткого сообщения удалось достаточно емко обозначить ее узловые моменты, перспективность и значимость более глубокого исследования.

Библиографический список

1. *Артухин В.* Голодные годы на Терек и деятельность в то время местного духовенства // Терек. 1922. 27 апреля, № 77.
2. Дело № 5 и 1028. Особая комиссия по расследованию злодеяний большевиков, состоящая при главнокомандующем Вооруженными силами на Юге России. Сведения о злодеяниях большевиков в отношении церкви и ее служителей в Ставропольской епархии // Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков / под ред. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ricolor.org/history/kt/ktr/sp/> (Дата обращения – 12.11.2017).
3. Докладная записка о деятельности церковной общины и духовенства в ст. Галюгаевской Курского района председателю Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР тов. Карпову Г.Г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 1124. ЛЛ. 78-83.
4. *Жиромская В.Б.* Отношение населения к религии: по материалам переписи 1937 года // Труды Института российской истории РАН. 1997-1998 гг. Вып. 2. М.: Институт российской истории РАН, 2000.
5. *Левченко А.* Покаяние // Провинциальная мысль. Литературно-публицистическая газета. № 4.
6. *Пантюхов М.* Распи его!!! // Горская правда. 1922. № 86, 16 апреля.
7. Письмо епископа Макария Владикавказского. Май 1920 г. // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 143. Оп. 2. Д. 44. Л. 115.
8. Предложения АППО об антирелигиозно-воспитательной работе. 1928 г. // Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА ИПД РСО-А). Ф. 1. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.
9. Протокол № 57 заседания бюро обкома ВКП(б) Карачаевской областной организации от 4 сентября 1928 года // Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики (ЦДОДиП КЧР). Ф. П-45. Оп. 1. Д. 18. Л. 31.
10. Протокол № 9 заседания Орг.бюро ВКП(б) Черкесии от 19 мая 1927 года //

ЦДОДиП КЧР. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 27. Л. 57.

11. Ставропольское духовенство и верующие об изъятии церковных ценностей // Власть Советов. 1922. 5 апреля, № 599.

12. Терское духовенство и изъятие ценностей // Терек. 1922. 23 апреля, № 74.

13. Хубулова С.А. Весь мир – мой храм: поликонфессиональный Владикавказ в XX веке. Владикавказ, 2005.

14. Церковные ценности голодающим. Мнение тов. Красикова // Власть Советов. 1922. 2 апреля, № 597.

Сведения об авторах

СВЯЩЕННИК ЕВГЕНИЙ ШИШКИН –

секретарь ученого совета

Ставропольской духовной семинарии,

e-mail: evgeniynsh@yandex.ru

СВЯЩЕННИК АЛЕКСАНДР ПАНТЮХИН –

кандидат исторических наук, старший преподаватель

Ставропольской духовной семинарии,

e-mail: pantjuhin@bk.ru

Orthodox values in the Soviet everyday life

Priest Evgeniy Shishkin

Secretary of the Academic Council

of the Stavropol Theological Seminary,

e-mail: evgeniynsh@yandex.ru

Priest Alexander Pantyukhin

Candidate of History, Professor Senior Lecturer

of the Stavropol Theological Seminary,

e-mail: pantjuhin@bk.ru

The twentieth century went down in history of our country as the era of persecution of the faith, the construction of an atheistic society. For more than seventy years the Soviet period of the Russian Orthodox Church in connection with the hard line of state power was almost outside the social life. In the Soviet society a worldview was formed, in which officially there was no place for the Church. Man had to abandon completely the religious factor in life. In practice, the Church as the guardian of civilization foundations could not be completely excluded from the public

life. Culture, traditions, moral norms were built on deep foundations of the Orthodox. Soviet films, books, songs were often filled with Christian content. A lot of people keep the faith despite harsh administrative harassment of the Church, the clergy and the faithful. The symptoms of the Orthodox religion were often seen in those sectors of the society which from the point of view of the official ideology, had to be abolished in the first place, that is, among the communists and the Soviet officials.

Keywords: *Faith, the Communists, culture, everyday life, Orthodoxy, the North Caucasus, the Soviet society, traditions, values, the Church.*

Сохранение духовных традиций русской церковной эмиграцией в 1920 – 1930-е гг.

Феномен русского зарубежья XX века заключался в его служении вечным истинам (в том числе христианству), ознакомлении европейской общественности с российскими вековыми культурными, нравственными и религиозными ценностями. Российские эмигранты смогли воссоздать за рубежом многие институты и проявления жизни дореволюционной России, продолжив и развив их. Таким образом, появился целый мир, который теперь принято называть Русским зарубежьем. Его составляющими были система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и органов периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, кино, литература, музыка, театр), сложившаяся инфраструктура русских зарубежных архивов, музеев, библиотек и система церковной жизни, являвшаяся центром этого мира. Освоение того духовного наследия, которое наши соотечественники смогли сохранить за рубежом, несомненно, имеет большое значение для будущего России.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, духовные традиции, русская эмиграция, XX век.

В результате поражения белого движения в ходе Гражданской войны 1918–1920 гг. Россию покинуло около 2 миллионов представителей эмиграции, не смирившихся с победой советской власти. Такое количество эмигрантов способствовало значительной активизации русской церковной жизни за пределами страны. В числе покинувших Россию было около 2 тысяч священнослужителей, в том числе свыше 40 архиереев. Проживавший после Октябрьской революции в Париже известный писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский сказал о русских эмигрантах «первой волны» замечательные слова: «Мы не в изгнании, мы в послании». Действительно, феномен русского за-

рубежья XX века заключался в его служении вечным истинам (в том числе христианству), ознакомлении европейской общественности с российскими вековыми культурными, нравственными и религиозными ценностями.

Российские эмигранты смогли воссоздать за рубежом многие институты и проявления жизни дореволюционной России, продолжив и развив их. Таким образом, появился новый мир, который теперь принято называть Русским зарубежьем. Его составляющими были система образования от начального до высшего, система научных институтов и обществ, разветвленная сеть издательств и органов периодической печати, продолжение русских традиций в различных жанрах искусства (архитектура, кино, литература, музыка, театр), сложившаяся инфраструктура русских зарубежных архивов, музеев, библиотек и, конечно, система церковной жизни, являвшаяся центром всего этого мира. Освоение того духовного наследия, которое наши соотечественники смогли сохранить за рубежом, несомненно, имеет большое значение для будущего России.

К 1917 г. Русская Православная Церковь уже имела пять зарубежных миссий, основанных большей частью во второй половине XIX в. Десятки русских храмов были построены также в Европе, в том числе на территории нынешней Чехии – три, в Болгарии – два и т. д. (до 1918 г. они находились в ведении Санкт-Петербургского митрополита). Однако численность их прихожан оставалась небольшой.

После Октябрьской революции Русская Православная Церковь продолжила и даже расширила миссионерскую деятельность за пределами страны. Более 200 тысяч русских эмигрантов к началу 1920-х гг. поселились в странах Балканского полуострова, в том числе несколько сот священнослужителей; только в Сербскую Православную Церковь приняли на службу 250 русских священников, в Болгарскую Церковь – около 100 и т. д.

В первую очередь 1920-е – 1940-е гг. представляли собой уникальный период, когда русское духовенство играло значи-

тельную роль в общей религиозной жизни славянских стран. Оно было более образовано, активно и креативно, чем местные православные священнослужители, и поэтому с начала 1920-х гг. зачастую выступало инициатором многих важных духовных процессов: способствовало возрождению монашества (в частности, женского монашества в Сербии), созданию духовных учебных заведений, развитию богословской науки и т. д. Так, в Сербии и Болгарии до начала 1920-х гг. не было высших духовных учебных заведений, и в создание богословских факультетов Белградского и Софийского университетов значительный вклад внесли русские эмигранты.

Некоторые страны Восточной Европы после Первой мировой войны обрели независимость или значительно расширили свои территории, поэтому многое в их внутреннем устройстве, в том числе в церковной жизни, пришлось создавать заново. И в данном деле русские священнослужители смогли ярко проявить себя. Этому способствовала историческая вековая традиция воспринимать Церковь могущественной Российской империи (хотя уже и не существующей после 1917 г.) как ведущую в православном мире. В ряде неправославных по основному составу населения стран (где отсутствовали местные устойчивые православные традиции) русские священнослужители даже играли с начала 1940-х гг. важнейшую роль в попытках создания новых Православных Церквей: в Венгрии, Хорватии, Чехословакии. Далеко не везде эти попытки (имеющие политический подтекст) увенчались успехом, однако они так или иначе способствовали укреплению православной традиции. Кроме того, еще в 1930-е гг. Русская Православная Церковь за границей попыталась создать несколько новых духовных миссий в различных регионах мира, в том числе в Индии, Словении и на Цейлоне.

При этом русская церковная эмиграция старалась сберечь многовековые российские духовные традиции, что проявлялось в воспитании новых поколений, издательской, научной, миссионерской и другой деятельности. В межвоенный период

только в Югославии было зарегистрировано более тысячи русских организаций. В вузах страны преподавали около 120 российских профессоров, в том числе в Белградском университете более 70, а всего в Югославии работали более 600 русских учителей и преподавателей. 15 российских ученых стали членами Сербской академии наук. В 1922 г. в Белграде был основан Русский народный университет, а в 1928 г. – Русский научный институт (со своим издательством), действовавший до немецкого вторжения в Югославию в 1941 г. Кроме того в Белграде появились Русский военно-научный институт, Институт изучения России, а в 1939 г. в столицу Югославии переехал из Праги Институт имени академика Н.П. Кондакова¹. Уже в начале 1920-х гг. возникла целая сеть русских учебных заведений, многие из которых имели свои домовые храмы. Так в 1923–1924 гг. в королевстве действовали 24 русские начальные и средние школы с обязательным преподаванием Закона Божия, в которых обучались около 3000 детей².

В декабре 1920 г. в Югославию прибыли три кадетских корпуса: Русский имени великого князя Константина Константиновича до 1926 г. работал в г. Сараево; Донской имени императора Александра III первоначально находился в Малой Билече (Герцеговина), а позднее (до 1933 г.) – в г. Горажде; Крымский сначала размещался в бывшем лагере военнопленных на хут. Стрниште вблизи Птуя, затем (до осени 1944 г.) – в г. Белая Церковь. В г. Новый Бечей до закрытия в 1933 г. действовал Харьковский девичий институт, в Белой Церкви до немецкой оккупации Югославии – Донской Мариинский девичий институт, а в г. Великая Кикинда в 1921–1933 гг. работала 1-я русско-сербская девичья гимназия с общежитием. С осени 1920 до 1944 г. в Белграде действовала 1-я русско-сербская гимназия, кроме того имелись гимназия Всероссийского союза городов в имении Поновичи вблизи Литии (до 1931 г.), русские реальные

¹ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920-1940. М., 2005. С. 323–330.

² *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 217.

гимназии в Панчево, Нове Саде, Загребе, Земуне и Хрastовце, прогимназия Всероссийского союза городов в Белграде, Николаевское кавалерийское училище в Белой Церкви, разнообразные учебные курсы и т. д.¹

Широкое распространение получила благотворительность, в том числе церковная. Были открыты 8 русских амбулаторий и здравниц, 6 домов престарелых и приютов для инвалидов, 14 детских домов-интернатов и приютов, общежития, более 10 детских садов (в программу которых входили беседы о Законе Божиим), частично при храмах и монастырях. Подавляющее число эмигрантов было верующими, так, согласно материалам государственной переписи населения страны в марте 1931 г., из 26790 не принявших югославского гражданства русских беженцев 24214 (90,4%) назвали себя православными².

Эмигранты из России построили в Югославии три церкви и две часовни, образовали сначала 8, а к 1941 г. – 12 русских приходов (в Белграде, Земуне, Панчево, Белой Церкви, Великой Кикинде, Новом Бечее, Великом Бечкереке, Нови Саде, Загребе, Сараево, Сремских Карловцах, Цриквенице) и несколько десятков общин при домовых храмах, духовные братства – преподобного Серафима Саровского Чудотворца, в память отца Иоанна Кронштадтского, Святого Креста, Святой Руси, святого князя Владимира и др., церковные сестричества. Именно в Сербии возникло первое русское церковное сестричество в эмиграции – Мариинское Покровское. Оно было основано 30 декабря 1921 г. по инициативе княгини Марии Александровны Святополк-Мирской, которая стала старшей сестрой в нем. Объединявшее свыше 200 сестер Мариинское сестричество занималось благотворительной деятельностью и сбором средств на постройки русских церквей и часовен. В Белграде также действовали богословский кружок имени святого Анастасия и святого Иоанна Богослова, православный студенческий кру-

¹ *Иованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920-1940. М., 2005. С. 315-316; *Димич Л.* Русские школы в королевстве Югославии 1920-1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 122-127.

² *Иованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920-1940. М., 2005. С. 140.

жок имени святого Серафима Саровского, а в г. Белая Церковь (Бела Црква) – православно-миссионерское издательство¹.

Из более чем 70 работавших в Югославии русских архитекторов очень многие (Г.И. Самойлов, В.М. Андросов, В.В. Сташевский, В.В. Лукомский, Н.П. Краснов, П.Д. Анагности, И.А. Рыка, Холменко, Клепинин и др.) возводили по своим проектам храмы для сербов. Только Василий Андросов построил более 50 церквей в различных городах и селах Югославии. По проектам В.В. Лукомского были возведены здание Сербской Патриархии в центре Белграда и церковь Святого Саввы на Врачаре. Григорий Самойлов прославился тем, что, проведя в 1941–1945 гг. четыре года в нацистском концлагере Сталаг IX-C вблизи Бухенвальда, построил там, выменивая продукты на материалы и инструменты, «самую красивую часовню в тогдашних немецких лагерях военнопленных» (сейчас ее иконостас находится в часовне на Центральном кладбище Белграда)².

Широкую известность в Югославии приобрели русское иконописное и церковное хоровое искусство. Из церковных художников выделялись И.П. Дикой, Б.И. Образков, В.Я. Предаевич, барон Н.Б. Мейендорф и В.Н. Шевцов, которые участвовали в украшении храма-мавзолея королевской династии Карагеоргиевичей на Опленце. Особую признательность заслужило творчество П.М. Софронова, в 1930-е гг. руководившего Синодальной иконописной школой в монастыре Раковица вблизи Белграда³.

Подобная ситуация была в Болгарии, где первоначально поселились около 40 тысяч русских эмигрантов. Уже в начале 1920-х гг. в стране стали возникать многочисленные русские общества (в их числе в январе 1921 г. был основан религиозно-философский кружок), культурные, учебные, благотворительные заведения; действовало три госпиталя Российского

¹ Там же. С. 68; *Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду*. М., 1999. С. 34.

² *Милованович М. Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии*. С. 280.

³ *Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920-1940*. М., 2005. С. 340.

общества Красного Креста; выходило почти 100 русских газет и журналов: «Бюллетень» (издание Российского общероссийского союза – РОВС); «Вестник общества галлиполийцев», «Вольный Дон», «Галлиполийский бюллетень», «За Россию», «За рубежом», «Зарубежный клич» и многие другие; существовали издательства: «Златолира». «Русская трудовая артель», «Русская библиотека». «Балканский журнал», «Зарницы» и др.; художники-эмигранты писали иконы и фрески в самых известных болгарских храмах и т. д. Так, например, больших успехов в области церковной живописи достиг Н.Е. Ростовцев, в качестве проектировщика и реставратора он участвовал в восстановлении и устройстве 28 храмов по всей стране¹.

Огромное значение в русских учебных заведениях придавалось преподаванию Закона Божиего. Этот предмет в русской Софийской гимназии святителя Николая Мирликийского преподавал протопресвитер Георгий Шавельский². 19 декабря гимназия ежегодно праздновала день своего покровителя святителя Николая Мирликийского. Не только эта гимназия, но и некоторые другие русские учебные и благотворительные учреждения имели домовые церкви или часовни, например, созданное в г. Ямболе военное училище Войска Донского, русский инвалидный дом в Шумене, Русская смешанная гимназия новых языков В.П. Кузминой в Софии (законоучителем гимназии и настоятелем ее домового храма служил протоиерей Георгий Голубцов). В Ямболе появилось и два русских воинских кладбища, на одном из которых в 1921 г. воздвигли памятник погибшим воинам. В 1929 г. была устроена часовня-памятник на русских могилах Велико-Тырновского кладбища. Русские домовые храмы возникли также в Руссе, Пловдиве, Варне, Пернике и некоторых других местах.

Духовным центром русской эмиграции в Болгарии была Церковь, при храмах возникали братства, сестричества, мо-

¹ Там же. С. 339.

² Тинин И. Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001. С. 52–53.

лодежные и детские группы, которые активно занимались просветительской, культурной и благотворительной деятельностью. Болгарская Православная Церковь сильно страдала от нехватки священников, особенно образованных, и ее Священный Синод охотно назначал русских священнослужителей настоятелями болгарских приходов или преподавателями духовных учебных заведений. Согласно православным канонам все русское духовенство в Болгарии требовалось зачислить в ведомство Болгарского Экзархата, однако по «братской церковной благосклонности» (как выразился протопресвитер Стефан Цанков), правда, без принятия специального письменного решения, Священный Синод позволил создание и самостоятельных в юрисдикционном отношении общин и монастырей, вошедших позднее в состав Русской Православной Церкви за границей¹.

В Чехословакии крупнейшим центром миссионерской деятельности был основанный русскими эмигрантами в начале 1920-х гг. в восточной части Словакии монастырь Преподобного Иова Почаевского, ставший в 1930-е гг. крупнейшим центром русской духовной печати за границей. К этому времени в Словакии, где до 1917 г. православие фактически отсутствовало, насчитывалось уже 9 тысяч православных верующих. В 1945 г. монахи из обители Преподобного Иова Почаевского переселились сначала в Германию, а затем в США, в основанный в 1930 г. Свято-Троицкий монастырь в городке Джорданвилле (штат Нью-Йорк), где продолжили издательскую деятельность. При монастыре были организованы издательство преподобного Иова Почаевского, иконописная мастерская, Свято-Троицкая духовная семинария, библиотека, исторический музей и русское кладбище. Эта обитель до сих пор остается центром Русской Православной Церкви за границей.

Одним из ярких проявлений сохранения российских духовных традиций в Русском зарубежье стало почитание святого

¹ Цанков С. Българската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939. С. 191.

равноапостольного князя Владимира. Следует отметить, что за пределами России еще в XIX – начале XX в. было построено несколько русских храмов во имя святого. В 1890 г. в Германии было основано русское Свято-Владимирское братство, действовавшее весь XX век и сохранившееся вплоть до настоящего времени¹. После революции 1917 г. за рубежом появились новые русские церкви и часовни во имя святого князя Владимира, в частности, первой из них стала часовня в Словении. Часовня была построена российскими военнопленными в последний период Первой мировой войны на месте гибели 300 их товарищей от схода лавина. В 1920-е гг. их останки были собраны и перезахоронены вблизи часовни в братской могиле, над которой был установлен небольшой пирамидальный обелиск с надписью «Сынам России». После окончания Гражданской войны в России в Югославии поселились много русских эмигрантов, многие из которых каждый год в конце июля стали собираться у часовни Святого Князя Владимира, чтобы почтить память своих погибших соотечественников. В 1995 г. часовня Святого Князя Владимира получила статус памятника культуры, охраняемого государством. С этого времени было положено начало новой традиции – на перевале Вршич стали проходить ежегодные торжественные встречи россиян и словенцев с участием русского духовенства и правительственных делегаций². Позднее в Русском зарубежье были построены и другие храмы во имя Святого Владимира.

Особенное значение святому князю Владимиру придавал Первоиерарх Русской Православной Церкви за границей, к которой принадлежало большинство российских эмигрантов, митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий). Так во время своей первой поездки на Афон – 14/27 июля 1920 г. – митрополит Антоний во время всенощного бдения на праздник святого князя Владимира в Покровском храме русского Свято-

¹ См.: Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005.

² *Зупанич-Славец* З. Русская часовня под перевалом Вршич. Любляна, 2007.

Пантелеимоновского монастыря произнес яркую проповедь о Крещении Руси и его значении для русского народа¹.

1 октября 1929 г. митрополит Антоний написал доклад, в котором указывал: «Ныне, на основании опыта, считаю долгом просить Архиерейский Синод об установлении дня Св. равноапостольного Князя Владимира общим русским церковно-национальным праздником, с приглашением архипастырей и пастырей, особенно в этот день отметить значение русской православной культуры в церковной и государственной жизни русского государства. Ныне, когда в России красный интернационал, проникающий в эмиграцию, разъедающий русский церковно-национальный организм, стараясь уничтожить духовно и национально русский народ, особенно необходимо противопоставить сему установление церковно-национального праздника»².

31 декабря 1929 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей постановил считать День святого князя Владимира 15/28 июля общим русским церковно-национальным праздником.³ Вскоре митрополит Антоний обратился к архипастырям, пастырям и всей пастве Русской Православной Церкви за границей с призывом уделить должное внимание вопросу о проведении повсеместного празднования этого дня подобающим образом. Уже в июле 1929 г. митрополит участвовал в особом праздновании в память святого князя Владимира в большом зале Белградского университета⁴.

В связи с этим празднованием в Белграде был издан объемный «Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира», написанный митрополитом Антонием, профессорами Е.В. Спекторским и М.А. Георгиевским. В предисловии к сборнику отмечалось: «Св. кн. Владимир властно зовет нас к подвигу признания вечного значения Церкви и построения

¹ Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 186. Док. 4657. Л. 3–4.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103.

³ Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1930. № 1–2. С. 2.

⁴ ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 103. Л. 1–1 об.

всей жизни, частной, семейной, общественной, государственной на принципе признания этого Ее значения»¹.

Празднование Дня святого князя Владимира активно поддерживали сербские архиереи, в частности Святейший Патриарх Варнава (Росич). Во время панихид по павшим на Салоникском фронте русским воинам он сравнивал князя со святым Саввой. Епископ Жичский святой Николай (Велимирович), выступая 28 июля 1932 г. на празднике святого князя Владимира в Белграде, сравнил Октябрьскую революцию, как массовое уничтожение нации, с поражением сербов на Косовом поле в 1389 г. Оба этих иерарха рассматривали святого князя Владимира как центральную, объединяющую русскую эмиграцию фигуру, которая также должна символизировать грядущее духовное возрождение России².

В 1933 г. в одном из главных центров послереволюционной российской эмиграции – китайском городе Харбине – было основано одно из ведущих учебных заведений Зарубежной Русской Церкви – Институт святого равноапостольного князя Владимира, имевший в своем составе богословский факультет³. 25 октября того же года Архиерейский Синод Русской Православной Церкви за границей учредил братство Святой Руси имени святого князя Владимира, которое должно было объединить «все русские национальные организации на общей единой основе – Православной вере» с целью воспитания эмигрантской молодежи в духе православия и русского патриотизма⁴.

Митрополит Антоний (Храповицкий) лично возглавил это братство, отделы которого должны были возникнуть во

¹ Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград, 6/г. С. 8.

² Россия и славянство. Париж. 1932. 6 августа; Маевский В. Русские в Югославии 1920-1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 43.

³ Создание Университета имени Св. Владимира // Церковная жизнь. 1933. № 11. С. 214–215.

⁴ Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1933. № 11. С. 201–203; Положение о Братстве Святой Руси имени Св. князя Владимира // Церковная жизнь. 1933. № 11. С. 203–205; Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1934. № 5. С. 69–70.

всех епархиях и миссиях Русской Православной Церкви за границей. К 1934 г. главный совет братства в соответствии с задачей по разработке и распространению идеи церковно-народного идеала Святой Руси разработал курс лекций на общую тему «Идея Святой Руси и современные общественные течения», который читался в Белграде¹. Правда, грандиозный замысел владыки Антония по объединению русской эмиграции в результате деятельности братства в целом не увенчался успехом.

Однако, несмотря на эту неудачу, почитание святого князя Владимира русскими эмигрантами продолжало расширяться. Главный издательский центр Русского церковного зарубежья – монастырь Преп. Иова Почаевского в Ладомировой (Владимировой. Словакия) во второй половине 1930-х гг. выпускал популярные «Владимирские листки» для простого народа, акафисты святому князю Владимиру, «Иллюстрированное житие св. равноапостольного князя Владимира» (1938 г.) «Митрополит Анастасий (Грибановский). Владимирское послание» (1938 г.) и т. д.²

Важное событие состоялось в 1938 г., когда православный мир торжественно отмечал 950-летие Крещения Руси. В русском зарубежье весь 1938 год был объявлен Владимирским годом. В день памяти святого князя Владимира (28 июля) православному духовенству было предписано всюду совершать торжественные богослужения с водосвятием и крестным ходом³. В Югославии был создан комитет для подготовки празднования этой даты во главе с Первоиерархом Русской Православной Церкви за границей митрополитом Анастасием (Грибановским). В Белграде вышел специальный «Владимирский сборник в память 950-летия Крещения Руси, 988–1938», включавший научно-

¹ Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1998. С. 106–107; Царский вестник. Белград. 1934. № 392. С. 3.

² Всеволод (Филиппев), инок. Святоотеческое откровение миру. Джорданвилл-Москва, 2005. С. 6–7.

³ Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1938. № 1. С. 4–5.

популярные статьи ряда известных ученых, который широко распространялся (в основном бесплатно через церковные организации) среди русского населения Европы, Америки и Дальнего Востока.

Очень широко всеми слоями русской эмиграции праздничная дата отмечалась в Харбине. А в изданном в связи с юбилейными торжествами послании Собора русских архиереев в Северной Америке (1938 г.) говорилось, что именно с Крещения Руси началась «подлинно русская история, истинная христианская культура и созидательная государственность нашего Отечества»¹.

Именно в этом году, с 14 по 24 августа, в Сремских Карловцах (Югославия) прошел Второй Русский Всезарубежный Церковный Собор с участием представителей всех 24 епархий Русской Православной Церкви за границей от Америки до Дальнего Востока. При этом выбор года имел символическое значение. Собор был призван подчеркнуть единство иерархии, клира и мирян и олицетворять «Владимирскую идею Святой Руси – идею церковного и национального начал»².

Владимирский год стал ярким свидетельством особого почитания святого князя Владимира в русском зарубежье. Это почитание во многом было обусловлено тем, что в нем как в насадителе христианства видели небесного заступника за Русскую Церковь и за Россию. Кроме того, святой князь Владимир был христианским государем Руси, образцом правителя, на которого необходимо равняться. Монархическая составляющая занимала заметное место в жизни Зарубежной Русской Церкви, а великий князь был первым звеном в цепи христианских правителей Руси. Наконец, святой Владимир являлся одной из немногих ключевых фигур, которые (наряду с А.С. Пушкиным) объединяли всю российскую эмиграцию, независимо от политической, национальной или церковно-юрисдикционной принадлежности ее представителей.

¹ Послание Собора архиереев // Церковная жизнь. 1938. № 7. С. 107.

² «Владимирский» год // Церковная жизнь. 1938. № 5-6; ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 20.

Русский православный мир за границей в 1920-е – 1940-е гг. представлял собой целый материк, уже почти исчезнувший. Только в последнее время он привлек внимание исследователей. Их работа важна и для понимания современной церковной ситуации на европейском континенте. Именно русское эмигрантское духовенство сделало чрезвычайно много для развития православия в Центральной и Восточной Европе. Актуальность дальнейших исследований данной темы обусловлена возросшим интересом к православию и православной культуре в русской диаспоре, что проявляется в значительном увеличении численности и влияния зарубежных приходов Московского Патриархата. На основе деятельности таких приходов происходит соединение традиций Русской эмиграции разных поколений и опыта церковного возрождения в посткоммунистической России.

Библиографический список

1. Архив Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне. Оп. 10. Д. 186. Док. 4657.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 20, 103.
3. Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.
4. «Владимирский» год // Церковная жизнь. 1938. № 5-6.
5. Всеволод (Филиппев), инок. Святоотеческое откровение миру. Джорданвилл–Москва, 2005.
6. Иванович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005.
7. Димич Л. Русские школы в королевстве Югославии 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 122–127.
8. Зупанич-Славец З. Русская часовня под перевалом Вршич. Любляна, 2007.
9. Косик В.И. Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1998.
10. Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1955.
11. Милованович М. Архитектор Григорий Самойлов // Русская эмиграция в Югославии. С. 275–280.
12. Русские храмы и обители в Европе. СПб., 2005.
13. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.
14. Тинин И. Бытие. Исход. Второзаконие: (История глазами очевидца): Династия Тининых и иже с ними: Воспоминания. Волгоград, 2001.
15. Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1930. № 1–2. С. 2.
16. Определения Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1933. № 11. С. 201–203.

17. Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1934. № 5. С. 69–70.
18. Определения Архиерейского Собора Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1938. № 1. С. 4–5.
19. Положение о братстве Святой Руси имени Св. князя Владимира // Церковная жизнь. 1933. № 11. С. 203–205.
20. Послание Собора архиереев // Церковная жизнь. 1938. № 7. С. 107.
21. Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Белград, б/г.
22. Создание Университета имени Св. Владимира // Церковная жизнь. 1933. № 11. С. 214–215.
23. Цанков С. Българската православна църква от Освобождението до настояще време. София, 1939.
24. Россия и славянство. Париж. 1932. 6 августа.
25. Царский вестник. Белград. 1934. № 392.

Сведения об авторе

ШКАРОВСКИЙ МИХАИЛ ВИТАЛЬЕВИЧ –
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
и главный архивист Центрального государственного архива
Санкт-Петербурга, профессор
Санкт-Петербургской духовной академии,
e-mail: shkarovs@mail.ru

The Saving of spiritual traditions of the Russian church emigration in the 1920s–1930s.

Mikhail V. Shkarovskii

*Doctor of History, Leading Researcher and Chief Archivist
of the Central State Archives of St. Petersburg, Professor
of the St. Petersburg Theological Academy,
e-mail: shkarovs@mail.ru*

The phenomenon of Russian abroad of the XX century was in his ministry to the eternal truths (including Christianity) familiarize the European public with the Russian centuries-old cultural, moral and religious values. Russian emigrants were able to recreate many overseas institutions and manifestations of life of pre-revolutionary Russia, to continue and develop them. Thus, there was a whole world, which is now called the Russian foreign countries. Its components were: the system of education from primary to higher education, the system of scientific institutions and societies, an extensive network of publishers and agencies of the periodical press, the continuation of Russian traditions in the different genres of art (architecture, cinema,

literature, music, theater), the existing infrastructure of Russian foreign archives, museums, libraries and the system of church life, is the center of this world. The development of the spiritual heritage which our people were able to maintain abroad, undoubtedly, is of great importance for the future of Russia.

Keywords: *Russian Orthodox Church, spiritual traditions, Russian emigration, XX century.*

РАЗДЕЛ III.

ПУБЛИКАЦИИ

О вкладе православного духовенства и верующих города Нальчика в победу в Великой Отечественной войне (публикация документов УЦГА АС КБР)

Подборка документов управления центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики посвящена патриотической деятельности православного духовенства и верующих города Нальчика в годы Великой Отечественной войны. Под руководством настоятеля Симеоновской церкви протоиерея Захария Гончаревского православная община города Нальчика проявила высокую активность в организации оказания материальной и продовольственной помощи эвакогоспиталям, семьям погибших воинов, инвалидам Великой Отечественной войны. В трудных условиях военного времени, после изгнания немецко-фашистских оккупантов с территории Кабардино-Балкарии, православные христиане – жители г. Нальчика – вносили свои личные сбережения на строительство танковой колонны «Смерть немецким захватчикам!» и на строительство памятника погибшим защитникам Родины в г. Москве, за что были удостоены Благодарности Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. По инициативе церковного совета Симеоновской церкви на территории молитвенного дома г. Нальчика на пожертвования верующих был сооружен памятник погибшим землякам, описание внешнего вида которого приводится в публикуемых документах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Симеоновская церковь, молитвенный дом, церковный совет, защитники Родины, госпиталь, помощь раненым, памятник павшим воинам.

№ 1

**Заявление представителей от верующих
общины Симеоновской церкви г. Нальчика
в исполнительный комитет Нальчикского городского
Совета о разрешении установки памятника погибшим
воинам на территории молитвенного дома**

25 июля 1944 г.

Городскому Исполнительному Комитету
гор. Нальчика
Церковного Совета Симеоновской общины
верующих христиан г. Нальчика

Заявление

Еще в прошлом году отдельными верующими матерями, потерявшими своих близких, родных в Отечественной войне за Родину и ближних своих, была высказана мысль о братской могиле, где бы они могли вспомнить и помолиться согласно своего закона об этих погибших на поле битвы. Нами были приобретены и собраны отдельные материалы для постановки общего памятника всем погибшим нашим воинам с изображением молодой женщины и креста. Самый памятник уже приготовлен скульптором, и мы просим Вашего разрешения установку его вблизи молитвенного дома по желанию верующих матерей, в ограде.

Председатель Церк. Совета подпись

Секретарь подпись

25 июля 1944 г.

УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 41. Л. 55-55 об.

№ 2

**Ходатайство представителей от верующих общины
Симеоновской церкви г. Нальчика Уполномоченному
по делам церкви СНК КАССР о разрешении
сделать памятную надпись на памятнике погибшим воинам**

15 августа 1944 г.
Уполномоченному
по делам Церкви при СНК КАССР

Дополнительно к нашему ходатайству о разрешении установки нами памятника в ограде при молитвенном доме г. Нальчика павшим воинам нашим просим Вашего разрешения сделать на памятнике следующую надпись:

На 1-й стороне памятника:

Вечная память славным защитникам нашим – жителям гор. Нальчика, павшим в борьбе с врагом в войну 1942-1944 г. за веру и Родину-Мать!

На обратной стороне:

И пусть старушка-мать, вдова-жена и дети-сироты здесь вспомнят о своем близком-родном, который жизнь свою положил за Отчизну и ближних своих!

По сторонам:

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас.

Председатель Церк. Совета Гончаревский

Секретарь подпись

15 августа 1944 г.

УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 41. Л. 54-54 об.

**Обращение Церковного Совета Симеоновской церкви
г. Нальчика к Уполномоченному по делам церкви
СНК КАССР с просьбой об оставлении в должности
настоятеля Симеоновской церкви Захария Гончаревского
и псаломщика Трофима Донцова**

1 июля 1946 г.

Совету Народных Министров
Уполномоченному по церковным делам
православной церкви Кабардинской АССР
Церковного Совета – представителей от верующих
общины Симеоновской церкви города Нальчика

Покорнейшая просьба

Предложением Вашим от 15/VI-46 года Благочинному по Кабардинской АССР наш настоятель церкви Протоиерей Гончаревский Захарий и псаломщик Донцов Трофим не принимаются на учет по службе при нашей церкви и им предполагается перевод в другие приходы.

Мы, Церковный Совет – представители от верующих города, узнав об этом и обсудив, постановили обратиться к Вам с покорнейшей просьбой, оставить нам нашего настоятеля Гончаревского, который в начале 1943 года с разрешения начальника Республики, собрав нас в одну семью в дни тяжелых переживаний жестокой войны поднимал наш дух, ободрял всех нас и наших верующих сыновей и дочерей на борьбу против жестокого врага нашей Родины. В первые дни после изгнания врага из нашего прихода он призывал нас к помощи нашим раненым воинам – защитникам города и Республики вещами, матрацами, кроватями и другими постельными принадлежностями на оборудование госпиталя и организовал комитет из женщин-христианок для ежедневной помощи питанием раненым при госпитале, за что всем нам была вынесена благодарность от начальника госпиталя в 1944 году.

Все время войны он призывал нас всех к пожертвованию на нужды войны – на танки, на помощь семьям и сиротам красноармейцев и за годы войны разных пожертвований было свыше 300 тысяч рублей. Кроме того, в годы войны по его инициативе и трудами с помощником Донцовым поставили в ограде церкви памятник нашим павшим воинам, защитникам города и республики и внесено пожертвование 30 тысяч рублей на Имя Нашего Великого Полководца Страны и Верховного Главнокомандующего Товарища Сталина Иосифа Виссарионовича на памятник в Москве всем погибшим защитникам нашей Родины, за что получена благодарность от Верховного Главнокомандующего от 5/VII-44 года всем нам за помощь и заботу о павших борцах Родины, и в жизни и в церкви он всегда наставлял нас уважать всякого гражданина – разной нации страны и повиноваться Власти.

Псаломщик Донцов Т.М. был помощником ему и в помощи раненым и семьям и сиротам красноармейцев.

Мы, представители от верующих общины, от отцов и матерей бывших защитников Родины нашей, от инвалидов Отечественной Войны и жен погибших воинов и детей-сирот их, просим Вас не оставить нашей просьбы и зарегистрировать наших служителей при церкви Настоятеля Симеоновской церкви Гончаревского Захария и псаломщика Донцова Трофима.

Уполномоченные от верующих:

За председателя Церк. Совета подпись Решетников

1/ VII-46 года

Члены Церк. Совета: подпись Путивец

подпись Звонков

Секретарь

Член Церк. Совета подпись А.Баранова

УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 41, Л. 73-74 об.

**Обращение представителей от верующих общины
Симеоновской церкви г. Нальчика к Патриарху Алексию
с просьбой об оставлении в должности настоятеля
Симеоновской церкви Захария Гончаревского**

[1946 г.]

Святейшему Отцу Нашему Алексию,
Патриарху Московскому и Всея Советския Страны
от верующих гор. Нальчика Кабардинской АССР

Покорнейшая просьба.

Мы, отцы и матери и представители от верующих – защитников Родины, инвалидов Отечественной войны, вдов и сирот погибших красноармейцев, верующих грузин, армян, греков и осетин гор. Нальчика, обращаемся к Вам, Святейший Отец, с своей просьбой и жалобой. Предложением Уполномоченного по церковным делам при СНМ КАССР от 15/VI-46 г. нашего руководителя и настоятеля общины верующих при Симеоновской церкви гор. Нальчика прот. Захария Гончаревского сняли с учета по службе при нашей церкви и на его место наш Архиепископ Ставропольский прислал уже другого настоятеля без нашей просьбы и желания. Нам, как верующим гражданам Советской Страны, тяжело и больно переживать все это. Пастырь наш Захарий, который в дни тяжелых переживаний наших, во время изгнания врага из нашего города, когда все духовенство покинуло нас, он с разрешения Начальника Республики собрал нас в одну семью и оборудовал нам дом Молитвы. В первые же дни, когда еще раздавались орудийные выстрелы врага над городом, когда еще текла кровь наших защитников на полях Нашей Республики и для подвозимых раненных не было еще оборудованного вполне госпиталя, он, наш отец и руководитель общины, стал призывать всех нас к жертвованию на оборудование госпиталя кроватями, матрацами и др. постельными принадлежностями; наладил затем от верующих помощь пита-

нием раненных – молоком, яйцами и др. продукцией, за что мы, все верующие и он, пастырь наш с своим комитетом верующих женщин получили Благодарность от Начальника Госпиталя и от раненных. В продолжении всех тяжелых годов войны он, пастырь наш, призывал нас к жертве на нужды Родины – на Танки, на раненных, на помощь вдовам и сиротам, на инвалидов войны и др. нужды, что выразилось в сумме свыше 300 тыс. рублей. В 1944 году им внесено было на ИМЯ ВЕЛИКОГО НАШЕГО ПОЛКОВОДЦА СТРАНЫ и ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ТОВАРИЩА СТАЛИНА ИОСИФА ВИССАРИОНОВИЧА пожертвование на памятник в Москве всем погибшим защитникам Родины в сумме 30 тыс. руб., за что мы, все верующие, получили Благодарность от ТОВАРИЩА СТАЛИНА И.В. от 5/VII-44 г. за память о погибших. Трудом и заботой нашего пастыря красуется в ограде нашего храма Памятник погибшим защитникам нашего города и Республики, где и теперь в дни праздников осиротелые старушки-матери, жены и сироты погибших вспоминают о своих близких и родных.

Всегда наш пастырь и отец и в жизни и в храме учил нас уважать всякого человека и всякой нации, повиноваться своей народной власти и только люди недобрые могли очернить и запятнать нашего пастыря и его удалили без всякой уважительной причины и без указания его вины. Ни у гражданской, ни у духовной власти мы не можем найти защиты нашему изгнанному любимому пастырю, а потому обращаемся к Вам, Святейший Отец, защитить нашего пастыря пред Всесоюзным Уполномоченным по делам нашей церкви и оставить его нам для служения при нашей церкви, которую он оборудовал, украсил и берег от бурь житейских.

Представители от верующих подписи

УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 41. Л. 90-95 об.

№ 5

**Список священнослужителей по Кабардинской области,
выделившихся в годы Великой Отечественной войны
своей патриотической деятельностью**

1946 г.

Фамилия, имя, отчество и сан. Место службы.

Патриотическая деятельность в годы Отечественной войны.

Гончаревский Захарий, протоиерей, г. Нальчик.

Зимовец Алексей, протоиерей, г. Нальчик.

Пономаренко Петр, священник, ст. Пришиб.

Морозов Василий, священник, ст. Солдатская.

Патриотическая деятельность этих священнослужителей выражалась в обслуживании госпиталей, в сборе пожертвований в фонд Армии, на танковую колонну, на сирот, на инвалидов, в реализации Воен. Займа.

ЕПАРХИАЛЬНЫЙ СЕКРЕТАРЬ,

Протоиерей подпись /И. Богданович/

УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 6. Л. 32.

Сведения о публикаторе:

БАЛЬЖАТОВА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА –
консультант управления Центрального государственного
архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики,
e-mail: natalya25-12@mail.ru

On the contribution of the Orthodox clergy and believers of the city of Nalchik to the victory in the Great Patriotic War (publication of documents from the DCSA AS KBR)

Natal'ya A. Balzhatova

*Consultant of the Central State Archives Administration
of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic,
e-mail: natalya25-12@mail.ru*

Selected papers from the Directorate of the Central state archive of the Archival service of the Kabardino-Balkar Republic devoted to Patriotic activities of the Orthodox clergy and believers of the city of Nalchik in the Great Patriotic war. Under the leadership of Abbot Simeon's Church Archpriest Zachariah Goncharevsky, the Orthodox community of the city of Nalchik has been very active in the organization of providing material and food assistance to the evacuation hospitals, to the families of fallen soldiers, invalids of the Great Patriotic war. In difficult wartime conditions, after the expulsion of Nazi occupiers from the territory of Kabardino-Balkaria, the Orthodox Christian inhabitants of Nalchik have made their personal savings on the construction of a tank column "Death to the German invaders!"; the construction of a monument to the fallen defenders of the Motherland in Moscow, for which they were awarded Thanks of the Supreme Commander I. V. Stalin. On the initiative of the Church Council of St. Simeon Church in the territory of the prayer house of Nalchik, on the donations of the faithful a monument to the lost countrymen was erected, the appearance and the description of which is contained in the published documents.

Keywords: *The Great Patriotic war, St. Simeon Church, prayer house, the Church Council, the defenders of the Motherland, the hospital, assistance to the injured, the monument to the fallen soldiers.*

Вестник

Ставропольской духовной семинарии. –
Ставрополь: Издательский центр СтДС, 2017. –
Вып. 1 (4). – 148 с.

Подписано в печать 06.10.2018 г. Формат 60x84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 8,37.
Тираж 150 экз.

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Ставропольская духовная семинария
Ставропольской и Невинномысской епархии
Русской Православной Церкви»

Издательский центр
355017, г. Ставрополь, ул. Дзержинского, 155
stpds@yandex.ru
www.stpds.ru
Издательская лицензия ЛР № 065840 от 23.04.1998 г.

Дизайн: А.К. Колбасников, Л.В. Галкина

Отпечатано в типографии ООО «Бюро новостей»
355002, г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 191 б.
Тел. +7 (8652) 24-98-53